Ростовский государственный университет
Институт
по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей социальных и гуманитарных наук

С. А. КИСЛИЦЫН

ЭВОЛЮЦИЯ И ПОРАЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ

Учебное пособие
по
спецкурсу

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук
А. В. Лубский

Ростов-на-Дону
Издательство
НМЦ "ЛОГОС"
1995

ББК ТЗ 72-49
К 44

Печатается по решению
кафедры истории
ИППК при РГУ

Рецензенты:
доктор исторических наук
Е. Н. ОСКОЛКОВ
доктор философских наук
В. П. МАКАРЕНКО

КИСЛИЦЫН С. А. Эволюция и поражение большевистской элиты.
Учебное пособие по спецкурсу.
Ростов-на-Дону: НМЦ "ЛОГОС", 1995. 104 с.

ISBN 5-7051-0023-х

В учебном пособии рассматривается большевистская политическая элита 20-30-х годов, дается анализ ее становления, эволюции, структуры, функционирования, внутрисобной политической борьбы, перерождения и гибели в условиях формирования режима личной власти Сталина. Предназначается для преподавателей и студентов высших учебных заведений.

ВВЕДЕНИЕ

История эволюции большевистской политической элиты в 20-30 гг. и ее гибели в ходе сталинских репрессий представляет интерес, обусловленный сложившейся политико-историографической ситуацией. Оценка социалистического эксперимента, осуществленного большевизмом, предлагается в трудах исследователей и публицистов различных мировоззренческих ориентаций и на этой основе формируются конкретные политические рекомендации. Однако конъюнктурный подход к изучению исторического опыта часто не согласуется с реальной историей большевизма, полной сложных противоречий и неоднозначных событий, не вписывающихся в предлагаемые априорные схемы. В данной работе делается попытка рассмотреть с объективистских позиций феномен большевистской элиты, абстрагируясь от политических предпочтений разоблачительного или аплогетического характера.

В основу спецкурса положены лекции по истории политической борьбы в правившей большевистской элите, прочитанные автором в ИППК при РГУ в 1993-1994 гг., а также монография "Вариант Сырцова. Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 20-30-х гг." (Ростов-на-Дону, 1992).

Источниковую базу работы составили документы и материалы РКП/б/-ВКП/б/, архивно-следственные дела ОГПУ-НКВД, личные дела ЦКК ВКП/б/. Логическим стержнем работы стало изучение должностной деятельности С. И. Сырцова, В. В. Ломинадзе, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова и др. партийно-государственных лидеров. Выбор конкретных политических биографий из более чем 500 судеб определялся их типичностью, репрезентативностью, непосредственной причастностью данных деятелей к процессу формирования номенклатуры, а также необходимостью сосредоточения внимания на компаративном анализе относительного небольшого числа судеб людей в рамках работы. Деятельность лидеров большевизма рассматривалась в институционально-функциональном разрезе, обеспечивающем выявление социально-типических сторон феномена элиты, общезначимых черт и характеристик. Исходным пунктом в формировании такого подхода явилось сложившееся в литературе представление о том, что деятельность политического руководителя направлена на реализацию интересов определенных социальных групп, способствует развитию политических институтов и конкретно приводит их в движение. Становление каждого политика обусловлено его поэтапным восхождением от индивидуальных до групповых, региональных и общегосударственных интересов. Именно способность политика воплощать интересы социальных слоев, классов и наций оценивается обществом в первую очередь. Конкретное рассмотрение движения политика от рядового участника политического процесса до деятеля регионального и всероссийского масштаба позволяет выявить этапы этого развития, классифицировать качества, необходимые для успешной карьеры и функциональной деятельности

в каждом эшелоне власти.

Каждый большевистский деятель выступал в сложившейся системе власти в качестве не индивидуальности, как это имеет место в обычном гражданском обществе, а главным образом выразителем консолидированных интересов определенного уровня. В результате личность партийного деятеля, сохраняя индивидуально-личностные качества, рансформируется в политической сфере в достаточно обезличенную функцию по реализации группового интереса. Личностные качества деятелей приобретают в политическом процессе определенные универсальные черты, соответствующие определенным типам поведения: оппозиционного, конформного, диктаторского, что закономерно приводит к образованию соответствующих групп в элите.

Метод социальной типизации позволил сформулировать качественные характеристики основных полярных групп большевистской верхушки: "оппозиционной интеллигенции" и "партаппаратной бюрократии", а также промежуточной конформистской группы, обозначенная как "партийная технократия". Выявление этих групп стало возможным благодаря осмыслению широкого комплекса исследований политических биографий лидеров большевизма, сталинской бюрократии, в целом административно-командной системы, накопленных в отечественной и зарубежной историографии.

Эмпирический материал политических биографий большевистских деятелей в сочетании с анализом конкретных результатов их функциональной деятельности осмысливается через призму понятия политическая элита. Карл Маркс писал, что в научном исследовании важно восхождение от абстрактного к конкретному, которое должно заключаться в движении теоретической мысли к более полному в оспроизведению познаваемого объекта. Понятие э л и т ы используется для воспроизведения реальной конкретно-исторической группы деятелей большевизма, изученных как ц елостное явление. В итоге получено новое конкретное понятие большевистской политической э л и т ы, которое позволило вписать разрозненные эмпирические данные в определенную схему, объяснить некоторые противоречия и парадоксы.

Естественно, новое понятие не исчерпывает проблему большевизма и не означает ее полного решения в структурно-функциональном аспекте. Однако автор надеется, что введение в научный оборот этого понятия будет способствовать более глубокому пониманию сущности послереволюционного развития России, выбора тех или иных вариантов социально-экономического развития страны, степени закономерности формирования режима личной власти И. В. Сталина и др.

Материалы спецкурса могут способствовать совершенствованию преподавания в вузах курса истории общественных движений и политических партий. Выявление на различных этапах истории России и СССР, когда отсутствовала реальная многопартийность, политических элит, субэлит, контрэлит, клик, групп давления, составляющих их интеллигентско-оппозиционных, бюрократических, технократических частей и т. д., расширяет возможности историко-политологического анализа политического процесса.

ЛЕКЦИЯ I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Опыт мировой цивилизации неоспоримо свидетельствует о том, что в каждом обществе, независимо от его социально-политических характеристик, функционировали элитные властные группы в качестве необходимого элемента управления общественными процессами и перераспределения власти. Деятельность элитарных структур по формированию высших управленческих администраций и правительств давно стало предметом специальных исследований в политологии, социологии и истории во всем мире.

В историческом сознании российского общества распространилось негативное отношение к самому термину "элита", связываемому с утверждением превосходства одних групп населения над другими по имущественному, социальному или иному признаку. Это понятие употреблялось до недавнего времени в основном для обозначения в капиталистических странах властных или финансовых рупп, осуществлявших свои управляющие функции вопреки подлинным интересам народа ради достижения корыстных целей. Такое понимание проблемы элитарности было во многом определено тем, что длительное время политико-историографическая парадигма основывалась на эгалитаристской концепции коммунистического характера. Абсолютизация социального равенства, доходившая до примитивной уравнительности в вульгарной форме, была ведущим принципом советского общества, являясь одновременно камуфляжем реального отчуждения правящей партийно-государственной элиты от народа. Реальная политическая элита прошла несколько этапов развития, в ходе которых она разделялась на ряд субэлит и отдельную самовоспроизводящуюся верхушку вождей, полностью освободившуюся от влияния и контроля масс.

В бывшем СССР, представлявшем собой своеобразную кратковременную субцивилизацию, ярко проявилась общемировая тенденция формирования элиты, хотя и в специфической форме. Можно выделить на протяжении 73 лет существования советской власти по меньшей мере 4 поколения советской элиты, поочередно сменявшие друг друга тем или иным способом, но сохраняя определенную преемственность. В частности выделяются относительно самостоятельные, в большей или меньшей степени зависившие от авторитарных лидеров, группы: старая партийная гвардия В. И. Ленина, спаянная кровью жертв террора клика Сталина, хрущевско-брежневское номенклатурное сословие, горбачевско-ельцинская страта. Уже ясно, что в развитых буржуазно-демократических правовых государствах процесс формирования политических элит относительно стабилен, традиционен и подконтролен, в то время как в авторитарных обществах верхушечный слой не стабилен, а его состав подвергается постоянным и искусственным измене-

ниям в количественных и качественных отношениях. Сложившаяся в СССР партийно- государственная элита представляла собой результат длительного развития и трансформации, метаморфоз и эволюции первоначальной большевистской элиты.

Без специального анализа эволюции элиты, смены поколений вождей, ротаций властных групп невозможно уяснить сущность трансформации первоначально установленной диктатуры пролетариата в диктатуру большевизма, а затем режим личной власти И. В. Сталина, и, наконец, в постсталинскую систему господства элитарной псевдокоммунистической бюрократии. Игнорирование исторического опыта, каков бы он ни был, может привести только к повторению прежних просчетов на новом витке социально-политического развития страны. Все это логично обуславливает постановку проблемы большевистской политической элиты.

Изучение истории этой элиты несомненно важно в современных условиях, когда происходит формирование новой политической верхушки при отсутствии устоявшейся демократии и правового государства, неспособных предотвратить войны и, уголовный террор против предпринимателей, депутатов и журналистов. Происходящие в России реформы не ликвидируют высший эшелон власти, а создают профессиональную легитимную политическую элиту на основе либерально-рыночных ценностей. Новая политическая элита формируется на основе ряда представителей бывшей партноменклатуры, отказавшихся от коммунистических идеалов, лидеров демократического движения и значительного слоя аппаратчиков-служивстов и управленцев технократов. (1) Внутриусобная борьба в элите за влияние на Президента, столкновения различных лоббистских групп, противоречия между региональными элитами и центром, борьба за личное лидерство - все это весьма напоминает, как минимум по форме процессы в бывшей политической элите большевизма в 20-30-х гг. Если учесть, что наряду с правящей элитой в современном обществе существуют контрэлиты коммунистического характера, сохраняющие преемственность с большевистскими идеалами и традициями, то необходимость изучения проблемы истории большевистской элиты не может вызывать сомнений.

Теоретической основой спецкурса является совокупность концепций и положений, объединенных признанием политической элиты как закономерного явления в развитии цивилизации и объективных возможностей ее изучения. Естественно в первую очередь это элитаристские теории, распространенные в западной социологии и политологии, о которых пойдет речь специально. Рациональные элементы этих теорий используются в сочетании с положениями классиков марксизма о социальной структуре общества, о диалектике объективного и субъективного в политическом процессе, о роли личности в истории, об изучении состава и развитии властных структур. Синтез социально-классовой и цивилизационной методологий снимает недостатки того и другого метода, заключающиеся в абсолютизации от-

дельных факторов и идеологической ангажированности отдельных выводов.

Марксизм не дал специальной разработанной элитологической концепции, однако сформулировал общие подходы. Огромное количество оценок господствующих политических верхушек, конкретных личностей, которые вполне дают возможность составить представление о подходе к проблеме элиты. Например, в отношении попыток идеализации личностей руководителей массовых движений К. Маркс и Ф. Энгельс писали, будто предвидя наплыв апологетической литературы, что "было бы весьма желательно, что бы люди, стоявшие во главе партии движения, - будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц, - были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками, во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти люди никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы". (2)

Деятельность представителей большевистской элиты в свете современных оценок исторического прошлого с критических позиций выглядит очень неоднозначно, а иной раз просто негативным образом. Но это не может означать нигилистического перечеркивания исторического опыта за предшествующие 70 лет. Принципы объективности и историзма обязывают исследователей руководствоваться требованиями конкретно-исторической эпохи, которая породила деятельность данных субъектов. Логику поступков деятелей невозможно объяснить, абстрагировавшись от социально-экономического положения страны, внешней политики, внутриполитической расстановки общественных сил и классовой борьбы. К. Каутский справедливо отмечал, что "Вообще всякий социалист.. может быть понят только в том случае, если встать на точку зрения современной ему эпохи". (3)

На наш взгляд, именно требования объективности и историзма являются связующим мостом между формационными и цивилизационными подходами в изучении истории. Каких бы факторы не ставились во главу угла, они нуждаются в комплексном изучении, в тесной связи со всеми сопутствующими обстоятельствами в контексте своего времени, а не оценок потомков.

Теоретическое наследие марксизма изначально было не сводом догм, а открытым, направляющим началом, методологическим руководством. К. Маркс, Ф. Энгельс анализировали общество второй половины XIX века и объективно не могли дать рецепты решения проблем XX века, о которых они не могли знать в силу кратковременности человеческого бытия. В их теориях содержатся мысли и положения, которые в ряде случаев получили развитие в трудах не теоретиков-"марксистов", а адептов антимарксистских течений, в том числе в работах основоположников цивилизационного подхода изучения истории: А. Тойнби, М. Вебера, О. Шпенглера.

К числу таких идей относится вопрос о необходимости функционирования в рамках господствующего класса общества особой правящей элиты.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что разделение труда "проявляется теперь так же и в среде господствующего класса... так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (это - его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе), в то время, как другие относятся к этим мыслям и иллюзиям более пассивно и с готовностью воспринять их, потому, что в действительности эти-то представители данного класса и являются его активными членами, и поэтому они имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе. Внутри этого класса такое расщепление может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды между обеими частями, но эта вражда сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу". (4)

Обращает внимание марксова постановка вопроса об особом слое идеологов и мыслителей господствующего класса - то есть его собственной интеллигенции, обслуживающей его интересы, а также активной части этого класса, последовательно защищающей его интересы. Это положение отражает существование политической элиты господствующего буржуазного класса в рамках капиталистического общества. Однако исторический опыт позволяет уверенно заключить, что механизм осуществления классового господства с отмеченными классиками марксизма , чертами характерен не только для капиталистического общества, но и для общества другого типа, реализовавшегося на территории России и СССР в XX веке.

В статье "18 брюмера Луи Бонапарта" К. Маркс конкретно проанализировал специфику различных слоев и фракций внутри господствующего класса, показал, какие группы сыграли ведущую роль в формировании внутренней политики. Анализ структуры правящего класса буржуазии и формирования элиты - финансовой олигархии в новых условиях развития капиталистического общества произведен В. И. Лениным в работе "Империализм как высшая стадия капитализма". И хотя не все в этой работе выдержало испытание временем, постановка проблемы олигархической элиты в рамках господствующего класса не вызывает сомнений. Много внимания марксизм уделял интеллектуальной элите общества - интеллигенции.

Классики марксизма разработали взгляд на интеллигенцию как на социальный слой, порожденный историческими определенными общественными отношениями и выполняющий обслуживание социально-экономических интересов основных классов общества. Исходным пунктом интеллигенции в качестве в качестве обособленной группы является место умственного труда в общественном разделении труда. Интеллигенция выполняет квалифицированный умственный труд в различных областях общественной жизни и за это получает соответствующую плату.

В России интеллигенция вышла за пределы традиционной интеллектуальной элиты общества и взяла на себя ответственность за стимулирование и развитие освободительного и революционного движения, она сыграла ведущую роль в образовании всех основных партий, прямо или косвенно противостоящих самодержавию и произволу.

Ф. Дан, Л. Троцкий и ряд других деятелей социал-демократии неоднократно отмечали, что РСДРП до 1905 г. была рабочей партией больше по идее, а практически представляла собой организацию интеллигенции, взявшей на себя функцию интеллектульного и политического представительства интересов пролетариата. Это косвенно признавал и В. И. Ленин, когда писал о необходимости воспитания партийного авангарда со стороны интеллигенции, о внесении социалистического сознания в рабочее движение "извне". Но из идеологических и политических соображений В. И. Ленин не употреблял термины "интеллектуальная" или "политическая элита", подразумевавшие существование какого-то превосходства одного слоя движения над другим. В. И. Ленин писал по этому поводу: "интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательней, всего решительней и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе". (5) В этой связи он различал буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую интеллигенцию и отказывался ставить вопрос об интеллигенции надклассовой, относительно самостоятельной группе, направляющей общественные движения.

Осмысливая проблему интеллектуальной и политической верхушки большевизма, В. И. Ленин писал о ней исключительно как о пролетарских профессиональных революционерах и пролетарской интеллигенции, доказывая необходимость их саморастворения в рабочем классе и отказа от своей родовой принадлежности.

В 1919г. В. И. Ленин говорил: "Интеллигенция, образованные, способные политические руководители в России были в небольшом количестве. Этот слой в России был тонок и за истекшую борьбу надорвался, переработался, сделал больше, чем мог". (6) Образовавшаяся из этого немногочисленного, израсходовавшего свои внутренние резервы слоя революционных интеллигентов большевистская политическая элита был дополнена значительной группой революционеров маргинального происхождения, вступивших в борьбу незадолго до революции и в ходе ее осуществления. Этот симбиоз существенно изменил интеллектуальные и нравственные характеристики элиты большевизма. Хотя В. И. Ленин отмечал противоречия между новыми и старыми партийными кадрами, он считал, что партия сможет не допустить раскола элиты, ее перерождения и развития антагонизма между элитой и населением страны, деформации советского строя.

Для В. И. Ленина и других теоретиков и практиков марксизма проблема политической элиты государства диктатуры пролетариата не была социально значимой, так как предполагалось достижение принципиально иных целей коммунистического характера. Обрисовывая контуры грядущего общества, марксисты выдавали желаемое за действительное и не анализировали

возможности длительного функционирования новых политических элит, в той или иной степени отчужденных от общества.

Очевидная неразвитость политологии марксизма привела по мнению Ю. Хабермаса к недостаточному уразумению способов функционирования, форм коммунизации и условий институационализации, при которых формируется элитарная воля... Идея рабочего самоуправления потерпела крах из-за того, что развитие функционально-дифференцированного общества оказалось слишком сложным. Ленинская стратегия завоевания власти профессиональными революционерами не смогла возместить отсутствие политической теории. Практические последствия этого дефицита заявили о себе в тех апориях, в которых запутался бюрократический социализм с его политическим авангардом, застывшем в форме номенклатуры. (7)

Между тем в зарубежной историографии происходило осмысление принципов развития советского общества и его правящей партии на основе тех или иных элитарных теорий.

Большую роль в этом плане сыграл так называемый "железный закон олигархии", сформулированный еще в 1911 г. немецким историком, экономистом и социологом Р. Михельсом. Суть концепции олигархического перерождения партии сводится к обоснованию неизбежности и закономерности бюрократизации общенациональных политических партий.

Р. Михельс доказывал, что по мере развития политических партий внутри их все более резко обнаруживается разделение на пассивные, управляемые сверху массы и управляющих вождей. Рука об руку с ростом партии и усложнением ее деятельности идет образование специализированных кадров партийной бюрократии, живущее за счет организации, распоряжающееся значительными финансовыми средствами и опирающееся на сильный и сложный административный механизм. В результате образуется партийная олигархия, способствующая деформации отношений внутри партии. Выборность превращается в фикцию, контроль за деятельностью вождей и аппарата со стороны масс мало-помалу становится иллюзорным, исчезает свобода критики, вожди изгоняют из организаций нежелательный для них дух критики. С усилением бюрократического механизма намечается перерождение руководящих верхов партии. На смену прежнему идеализму идет рутинерство, узкий консерватизм, боязнь утратить достигнутое положение, робость перед влиятельными лицами и презрение к массам. (8)

Практически одновременно с Михельсоном теория олигархизации политических партий изложена в работе русского малоизвестного исследователя Моисея Острогорского "Демократия и организация политических партий" (1902 г.) В развитии политической социологии, в том числе элитологии, значительную роль сыграл классик немарксистского обществознания Макс Вебер. Его "идеальные типы": "традиционного", "харизматического" и "рационального" господства, концепция "государственной бюрократии" как важнейшего компонента управленческой структуры любого общества и допу-

щения участия масс в политическом процессе для выбора между конкурирующими элитами - составили основу современного понимания буржуазного общества.

Идеи элитизма в их классическом виде выразили итальянские социологи Вильфредо Парето и Гаэтано Моска в начале XX века. Развивая идеи Платона, Макиавелли, Гамильтона, Ницше, эти авторы пришли к убеждению, что деление общества на элиту и массы является условием развития мировой цивилизации. Для объяснения социальной динамики была сформулирована теория "циркуляции элит". Г. Моска выделил автократический и либеральный принципы организации правящего меньшинства в зависимости от характера политической ситуации. Причем, в отличие от Парето, Моска считал важным проникновение в элиту "лучших" элементов массы. Сторонником элитизма был О. Шпенглер, который считал функционирование элитных групп фактором развития культур. Для А. Тойнби также стержнем истории цивилизаций является развитие элит. Процесс истории вообще есть процесс смены творческих и господствующих элит.

В середине XX века большое распространение получила концепция демократического элитизма, развившая идею элиты как стихийно складывающееся сообщество объективно лучших, талантливых, активных представителей народа.

К. Манхейм при этом выделил три формы образования и селекции элит, от которых зависел характер деятельности их членов: бюрократическое продвижение, классовое давление и нерегулируемая конкуренция. Рассматривая проблему соотношения интеллигенции и власти, он приходит к выводу об оптимальности именно конкурентного механизма выдвижения кадров. М. Янг и Д. Белл выдвинули идею "элиты заслуг" или "меритократии" - усовершенствованной элиты, объединяющих не только лучших в плане личных способностей или богатства, а наиболее достойных и заслуженных в глазах народа людей.

В работах Д. Шумпстера, Г. Лассоуэла, Г. Моргентау, Т. Дай, Г. Цойглер рассматривается проблема элит как реальный элемент современной цивилизации, концентрирующей реальные властные функции, впускающей в свои ряды таланты из низов, но в целом не допускающий размывания своих рядов "плебеями".

Идея элиты в современной трактовке не противоречит буржуазной демократии, а является ее укрепляющим фактором. Из истории известно, что идея непосредственной демократии А. Линкольна: "правительство народа, из народа, для народа"не была реализована ни в США, ни в СССР и осталась красивой утопией. Рядовые массы в современном классовом обществе не в состоянии компетентно принимать участие в управленческом процессе, решении политических вопросов без специальной подготовки. В таком случае демократия сводится к голосованию за наиболее демократическую элиту или ее группу, которая предлагает наиболее квалифициро-

важную программу действий по решению актуальных проблем экономики и политики. Кроме того, элитарные группировки, оформленные в виде руководства партий, движений стремятся гарантировать функционирование демократических институтов, позволяющих периодически обновлять властные структуры и держать под контролем присущий массам идеологический и политический иррационализм, эмоциональный радикализм. В итоге осуществляется правление не народа, а "правление, одобряемое народом"- подчеркивают политологи. (9)

В советской литературе проблема элиты нашла отражение в целом ряде обществоведов, специализировавшихся на критике зарубежных авторов немарксистского направления. Элитаризм специально рассматривался в работах Ф.М.Бурлацкого, А.А.Галкина, П.С.Гуревича, В.П.Макаренко, Ю.Н.Давыдова, В.В.Колбановского, Г.В.Осипова,В.Г.Каленского, Г.К.Ашина. (10)

Следует особо отметить монографии и статьи Г.К.Ашина, возглавившего это направление исследования. В своей центральной работе о современных теориях элиты он не только снизил уровень "разоблачительства", но отметил ряд рациональных моментов элитаристских теорий. В частности он отметил, что термин элита может использоваться марксистами в двух случаях: при наличии общества, в котором еще не раскрыта классовая структура, но уже зафиксировано деление на "высших"и "низших"; и при анализе верхушечной части буржуазного класса, занимающей господствующие позиции в управлении. По мнению Ашина, руководящим принципом понятия элита должен быть метод социально-классового анализа, требующего соотнесения общественного явления с фактом социально-классовой дифференциации. Он справедливо отметил, что термин "элита" не противостоит и не подменяет феномен классовой дифференциации, а может рассматриваться как составной элемент этого процесса. (11) Этот подход автор вновь раскрыл в статьях энциклопедического справочника "Политология" в 1993 г.

Из зарубежных авторов, чьи работы были переведены на русский язык в то время, выделяются труды Р.Миллса, В.Веселовского и М.Нарты. (12) Монография М.Нарты впервые посвящена анализу теории элит применительно к социалистическим странам. Несмотря на отрицание существования элит при социализме, работа представляет ценность, так как излагает взгляды чешских социологов, пытавшихся поставить эту проблему при разработке модели " социализма с человеческим лицом".

Критика элитизма не была лишена оснований. Практически все элитаристские теории имеют реакционный акцент незыблемости функционирования элит, что сводит историю цивилизации к простой смене одних элит другими. В отдельных случаях элитаристские теоретики в своей проповеди элитизма скатились к фашистским взглядам,расистским схемам развития общества. Однако наряду с этим можно выделить в элитаристских подходах

рациональное зерно

В различных сферах человеческой деятельности, вне зависимости от типа общества, складывается иерархичность структур. Эта многоплановость и соподчиненность элементов общественных образований связана, во-первых, с требованиями общественного разделения труда, в профессионализации и специализации каждого участника, субъекта. Во-вторых, это связано с личностными качествами действующих индивидов, их разными способностями: характерами, особенностями воспитания и образования, психологическими характеристиками, ценностными ориентациями, нравственным обликом. Естественная и объективно обусловленная неоднородность этих черт в комплексе с практически безграничными возможностями их комбинаций делает неизбежной ролевую дифференциацию любой общности людей. В каждой общности возникают подобия элит - страты, представители которых играют или пытаются играть особую роль для общественной подсистемы, представляют большую или меньшую ценность для ее развития, инициируют усилия, направленные на ее усиление, упрочение.

Ролевая стратификация общества, как правило, сопровождается социальной дифференциацией в выраженной или латентной форме. Образующиеся страты верхушечного характера фиксируют объем прав и привилегий, позволяющих им осуществлять свои функции, что вызывает негативное отношение представителей страт и неэлитных групп, лишенных этих прав и привилегий. Это бесспорно, также естественное следствие стратификации общества, приводящее к борьбе, столкновениям, кризисам и др. явлениям, из которых складывается политическая история.

Рациональные элементы элитологических теорий активно используются в современных отечественных теоретических и конкретно-социологических исследованиях. Социологи согласились с тем, что категории "элита","субэлита", "контрэлита" успешно дополняют и углубляют методологию социально-классового и структурно-функционального анализа. Эти категории позволяют раскрывать механизм классового или группового господства и управления в любом обществе. Эффективность такого подхода продемонстрирована в работах В.П.Макаренко, Ю.Г.Волкова, В.Ю.Шпака, Г.Н.Сердюкова, Г.С.Процко, В.Делюги, Б.Н.Пугачева. (13)

Освоение апробированной в зарубежной историографии, методологии исследования политических элит при анализе функционирования советских властных групп давно встало в повестку для отечественной исторической науки, но в силу политико-конъюнктурных причин не осуществлялось.

Когда в первые годы советской власти оформилась замкнутая кадровая группа руководителей из числа старой партийной гвардии, занявшая все ведущие посты в правительственных, партийных, военных, профсоюзных, советских структурах, то это не могло не вызвать интереса со стороны зарубежной и отечественной общественности. В работах В.И.Ленина

советского периода, в ряде документов партии и правительства были зафиксированы количественные и качественные характеристики элитной большевистской группы, которая насчитывала приблизительно около 500 реальных политиков, возглавлявших новую власть в центре и в регионах. Помимо секретных архивов учетно-распределительного информационного отделов ЦК правящей партии, сведения о большевистской элите отражены в открытой печати. К числу наиболее показательных относятся специальный альбом "Руководящие деятели ВКП(б)", содержащий фотографии и краткие биографические справки практически всех лидеров партии, включая оппозиционных деятелей. Комплекс сведений об элите дают материалы БСЭ, МСЭ, энциклопедический словарь Гранат (Т. 41)

В 20-30- гг. началась конфронтация постленинского большевизма с остальным миром, и по проблеме элиты большевизма сформировалось два соответствующих направления общественно-политической мысли: советская и зарубежная, в первую очередь эмигрантская литература. В советской пробольшевистской историографии преобладало два подхода: превознесение образов вождей большевизма и разоблачение лидеров оппозиций как агентов мирового капитала и отечественного кулака. В 30-х гг. были размыты границы между инакомыслием, оппортунизмом и контрреволюционностью, в целом была утверждена сталинская концепция борьбы с "врагами народа, вычеркнутыми из жизни и учебников истории. Фактически было признано разделение элиты на группы и типы ,отразившее общую неоднородность большевизма. Оппозиционеры были объявлены в учебнике "История ВКП(б). Краткий курс" "кликой беспринципных карьеристов", подлежащих искоренению. В эту "безыдейную клику" были отнесены следующие большевики-оппозиционеры: Троцкий, Каменев, Зиновьев, Рыков, Бубнов, Ногин, Пятаков, Преображенский, Бухарин, Зиновьев, Шляпников, Осинский, Яковлев, Стуков, Манцев, Сапронов, Медведев, Коллонтай, Дробнис, В. Смирнов, А. Смирнов, И. Смирнов, Скрыпник, Раковский, Залуцкий, Бакаев, Куклин, Евдокимов, Богушевский, Красин, Слепков, Марецкий, Айхенвальд, Гольденберг, Серебряков, Саркис, Лифшиц, Мдивани, Смилга, Эйсмонт, В. Шмидт, Угланов, Котов, Уханов, Рютин, Полонский, Мрачковский, Пиккель, Тер-Ваганян, Рейнгольд, Крестинский, Радек, Сокольников, Томский, Мельничанский, Догадов, Тухачевский, Якир. Им противопоставлялась значительно более узкая группа "ленинцев- сталинцев" в составе Свердлова, Молотова, Орджоникидзе, Жданова, Дзержинского, Ворошилова, Фрунзе, Ярославского, Кирова, Кагановича, Куйбышева, а также депутатов IV государственной Думы Бадаева, Петровского, Шагова, Самойлова, Муралова. Эта группа являла собой тип большевистского руководства, для которого характерны преданность Сталину, исполнительность, дисциплинированность, организационные способности и вера в марксизм. Разделение на две группы в советской историографии стало аксиомой на долгие годы.

Параллельно развивалась эмигрантская историография, которая была

хорошо известна большевистским идеологам и функционерам в довоенный период. Они использовали выводы эмигрантов для очернения оппозиционеров и уклонистов, а также формировали собственные концепции по принципу "от противного". Следует выделить также либерально-кадетское и сменовеховское течения в эмигрантской литературе, внесшие значительный вклад в изучение большевистской элиты, направлений ее перерождения, развития внутренней структуры. Но особенно интересны суждения Ю. О. Мартова, Ф. Дана, Ст. Ивановича, П. Гарви, А. Потресова, Н. Валентинова, Б. Николаевского и др.

Ю. О. Мартов в программной платформе 1924 г. сформулировал задачу демократизации политического режима, установленного новым правящим слоем - привилегированной кастой большевистских деятелей. В былой социал-демократической интеллигенции наблюдаются революционно-якобинские или упаднические настроения. По его мнению, еще сохраняются возможности воздействия на режим, связанные с возрождением революционного энтузиазма рабочего класса и активизации интеллигенции. С этими выводами были категорично не согласны правые меньшевики - т. н. "активисты" во главе с А. Н. Потресовым, П. Гарви и др., выступавшие за активную борьбу с советской властью в любой форме, так как эта власть не способна эволюционировать в демократию. Ст. Иванович (Португейс) писал, что в большевистской верхушке независимо от ее внутренней дифференциации происходит: а) обуржуазивание, пожирание нэпом старой гвардии; б) идейное и психологическое вырождение, отсталость, разочарование; в) взаимная морально-политическая дисквалификация кадров в ходе внутриусобной борьбы. В конечном счете старая партийная гвардия не может иметь равноценной смены, ибо "коммунизм может один раз родиться и один раз умереть, но дважды родиться ему не дано. Нужно обладать вопиющей безграмотностью, чтобы предполагать, что тип революционера, созданный дореволюционным подпольем, может быть вторично сотворен в рамках нэповской государственности". (14)

Меньшевики в целом выражали убеждение в том, что в системе большевизма внутрипартийный демократизм обречен на исчезновение, и партийная интеллигенция уступит место "социал-бонапартистской олигархии". Старые вожди из интеллигентов типа Л. Д. Троцкого и Л. Б. Каменева обрекают себя на заведомое поражение, так как не имеют положительной программы на случай победы во внутрипартийной борьбе. Критикуя партийную бюрократию, они не предлагают реформы системы и не ведут решительной борьбы со сталинским режимом.

Следует выделить принципиальные идеи Л. Д. Троцкого, который в работе "Преданная революция" подчеркнул, что возникшая бюрократия сталинского типа не являлась господствующим эксплуататорским классом. Во-первых, "она вербуется, обновляется в порядке административной иерархии", во-вторых, она не имеет особых отношений собственности и не

может передать свои права на эксплуатацию государственной собственности по наследству. В-третьих, присвоение ею части народного дохода имеет характер социального паразитизма. Это делает положение сталинской элиты в советском обществе двусмысленным и противоречивым. Данный господствующий и командующий слой нечто большее чем просто бюрократия и нечто меньшее, чем господствующий класс. Л. Д. Троцкий прозорливо предупреждал, что если этот слой не будет свергнут революционной партией, то с течением времени он будет развиваться в новый имущий класс, который перестроит советское общество на принципах частнособственнической идеологии.

Различия в оценках большевистской элиты авторов различных политических направлений эмиграции не помешало им практически единодушно утверждать, что возникшая "сталинократия" противостоит не только капиталистическому окружению, но интересам советского рабочего класса и подлинным принципам марксизма. Второй этап историографии привел усилиями эмигрантских авторов к пониманию элитарной отчужденности большевистского руководства от трудящихся.

Послевоенные 40-70-е гг. охарактеризовались, с одной стороны, стабилизацией общественно-политических систем, с другой стороны, обострением идеологического противоборства, в том числе историографических тенденций и направлений. Л. Шапиро, А. Эстер, Р. Сормани, З. Бжезинский, Р. Пайпс, Р. Даниэлс, Д. Гэрон, (15) и другие для характеристики советской элиты использовали понятия "тоталитаризм", "идеократический деспотизм" и т. д. Э. Карр, Ст. Коэн, А. Ноув, Ш. Фитцпатрик и др. (16) проявили большое уважение к истории СССР и его лидерам в рамках т. н. "ревизионистского" направления в историографии. Югославский диссидент М. Джилас обосновал концепцию "нового класса" в СССР. (17) Развивая этот подход М. Восленский и А. Авторханов обозначили этот класс как "партократия" и "номенклатура." (18) Вопросы репрессий большевистской элиты раскрывались в трудах Р. Конквеста, В. Антонова-Овсеенко, Р. Медведева, А. И. Солженицына. (19) Значительное количество исследовательских работ было посвящено раскрытию вклада Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина и других вождей большевизма в становлении коммунистической системы, их противоречивой деятельности и взаимоотношениям со Сталиным и его окружением. Несмотря на реальный плюрализм подходов авторов к проблеме, прослеживается негативное влияние "холодной войны" на литературу.

Зарубежная историография была известна в послевоенном СССР уже только узкому кругу идеологов. В советском обществознании исключалась постановка об элите, а политология не считалась наукой. После реабилитации жертв сталинизма в 60-х гг. начался взлет биографистики, это не привело к серьезному исследованию биографий деятелей оппозиций, обобщению результатов исследований на уровне новых понятий. В 70-е гг. в ходе развертывания борьбы с маоизмом как формой троцкизма и борьбы с

т. н. "правым оппортунизмом" в Компартии ЧССР в августе 1968 г. на первое место вышло исследование "борьбы ленинизма против оппортунизма". В то же время продолжались исследования истории интеллигенции, освещавшие отдельные аспекты проблему элиты большевизме. (20)

Таким образом, третий этап историографии дал прирост исторических знаний по обоим направлениям, но с разными результатами: на одном преобладали концепции, на другом эмпирический материал, подобранный изложенный в русле господствующей политико- историографической парадигмы.

С середины 80-х годов начавшаяся перестройка открыла шлюзы гласности и демократизации. В отличие от экономики история большевистской элиты получила мощный импульс развития. После реабилитации вождей, уклонов и оппозиций, за исключением Л. Д. Троцкого, возник бум биографистики, заложившей мощную фактологическую базу для выявления сущностных закономерностей эволюции и гибели большевистских лидеров.

И. И. Алексеенко, Г. А. Бордюгов, О. Г. Волобуев, Б. Н. Земцов, А. И. Козлов, С. А. Кулешов, Г. Лисичкин, В. П. Макаренко, Е. Н. Осколков, Л. Радзиховский, Т. П. Коржухина, Э. В. Самойлов, Б. А. Старков, П. Н. Сахаров, В. З. Роговин, Ю. А. Поляков, О. В. Хлевнюк, А. Ципко, А. Ф. Поташев, (21) и др. исследователи составили целый ряд сюжетов, связанных с функционированием партийного авангарда. Особенностью некоторых работ явилась публицистическая заостренность и влияние политической конъюнктуры, приведшие А. Ципко, А. Н. Яковлева и других к нигилизму в отношении большевистской интеллигенции. (22) Взвешенный анализ проблемы взаимоотношения большевизма и интеллигенции содержится в работах Б. Дегтярева, В. С. Меметова (23), В. К. Егорова, В. Л. Мансурова, К. Н. Барбаковой, В. Т. Ермакова, Г. А. Матвеева.

Значительным фактом современной политической и научной жизни страны стала публикация массовыми тиражами зарубежных, ранее запрещенных историков, политологов и писателей - Ст. Коэна, Р. Конквеста, М. Рабиновича, М. Восленского, А. Солженицына и др. При этом выяснилось, что они часто занимают в вопросе истории большевизма более умеренные и центристские позиции, чем отечественные авторы, занявшиеся политизированным разоблачительством.

Усилиями А. Ваксберга, Н. А. Васецкого, А. Антонова-Овсеенко, Д. В. Волкогонова, И. Анфертьева, А. И. Зевелева, И. Е. Горелова, О. Лациса, И. Куна, Р. Медведева, В. Поликарпова, А. И. Козлова, В. А. Наумова, Б. А. Старкова, А. Селина, Д. К. Шелестова, В. В. Соколова (24) воссозданы биографии видных политических деятелей большевистской элиты и созданы предпосылки для осмысления феномена в целом. Однако теоретические и эмпирические исследования по большевистской политической элите как персонифицированном элементе власти и социальной стратификации советского общества 20-30-х гг. практически отсутствует.

Имеющиеся в обществознании исследования в области социологии

большевистской власти затрагивают проблему деятельности руководящих кадров, составлявших элиту, с ангажированных политизированных позиций. Существует устойчивая тенденция отношения к вопросам практической деятельности большевистских вождей как к неактуальной с научной точки зрения. Это наглядно проявляется в публицистике национально-патриотического и ультрадемократического направлений.

По мнению ряда политологов, политическая элита в советском обществе сложилась только в послесталинскую эпоху, когда она реально ограничивала действия первых лиц в СССР. такой подход не дает возможности выявить полно и широко генетические связи и преемственность элит, сужает перспективы структурного анализа высшего эшелона власти большевизма, не позволяет осмыслить причины поражения "старой партийной гвардии" в 30-х гг.

В целом, несмотря на отдельные нигилистические точки зрения, в современной историографии доминирует представление о ярком и неоднозначном феномене ленинской "железной когорты". Преодолевая мифологизированные коммунистические и новейшие антикоммунистические стереотипы, исследователи стремятся к объективному научному анализу социальной структуры советского общества, различных его слоев, в том числе правящей элитарной группы.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Березовский В., Червяков В. Современная политическая элита России? //Свободная мысль. 1993. N 1. С. 58; Мясников О.Т. Смена правящих элит: консолидация или вечная схватка? //ПОЛИС. 1993. N 1. С. 52.; Административно-политическая элита региона. Социологический анализ. Ростов н/Д. 1994.; Андреев Г. Правящая элита и общество //Сегодня. 1994г. 3 августа; Тулеев А., Сыровецкий Ю. Власть в руках человека и человек в руках власти. Новосибирск, 1993.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 280.

3. Каутский Карл. Томас Мор и его утопия. СПб. 1905. С. 9.

4. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 46.

5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 343.

6. Там же:. Т. 38. С. 145.

7. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Лекции и интервью. Москва. апр. 1989. М., 1992. С. 43.

8. Политология вчера и сегодня. М., 1990. С. 42.

9. Шаран П. Сравнительная политология М. РАУ. 1992. С. 80-92; Политология вчера и сегодня Вып. 3. М., 1991; С. 90; Пугачев В.П. Субъект политики: личность, элита, лидерство. М. 1991. С. 31.; См. также: Ледонн Дж. Правящий класс России: характерная модель //Международный журнал социальных наук. 1993. N 3; Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1994.; Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.; Шварценберг Р.Ж. Политическая социология. М., 1993. Т. 1.; Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

10. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология, политика, международные отношения. М., 1974; Гуревич П.С. Современный буржуазный элитизм: истоки, версии, тенденции//Социально политические теории современной буржуазной идеологии. М., 1981; Давыдов Ю.Н. Искусство и элита. М., 1966; Колбановский В.В., Осипов Г.В. Антинародная сущность теорий "элиты"// Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии М., 1960; Каленский В.Г. Политическая наука в США. М., 1969; Ашин Г.К. Социология человеконенавистничества. Саратов, 1957; Он же. Миф об элите и "массовом обществе". М., 1966; Фадин А. Кто правил и кто будет править в СССР //Век XX и мир, 1991. N 5; Цыганков А.П. Политология Роберта Даля //Социально-политические науки, 1990. N 10; В.П. Макаренко Бюрократия и сталинизм. Ростов н/Д, 1989; Он же. Революция и власть. Ростов н /Д, 1990.

11. Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985; Правящая элита и общество. М., 1993. С. 402-404. 288-289.

12. Веселовский В. Классы, слои, власть. М., 1981; Нарта М. Теория элит и политика. М., 1978.

13. Процко Г.С., Сердюков Г.Н., Шпак В.Ю. Политическая элита. Ростов н/Д, 1993; Макаренко В.П. Социальная структура: явные и скрытые элементы. Ростов н/Д, 1992; Бандурин А.П., Власов В.И., Сорока М.В., Усенко В.А. Партии, государства, системы (основные темы политической социологии). Ростов н/Д, 1994; Делюга В. Общество, кадры, элита. Польша 80-х гг. М., 1993; Белых Е.П., Веркеенко Г.П. Социальная структура и социальные процессы в современном обществе. М., 1993; Мирошников О.А. Социальная структура и стабильность общества. Новосибирск, 1993.

14. Иванович Ст. 10 ВКП. Десять лет коммунистической монополии. Париж, 1928; Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти В.И. Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник. 1991; Соломон Г.А. Среди красных вождей. Личное пережитое и виденное на советской службе. Париж, 1930.

15. Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Посев. 1990. Буржуазные идеологи о 50-летии советской власти. Вып. 1-3. Реферативный сборник. М., 1968.

16. Коэн Ст. Бухарин. Политическая биография. 1883-1938. М., 1988; Карр Э. История советской России. Кн. 1. Большевистская революция 1917-1923. М., 1989.

17. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.

18. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс советского союза. М., 1991; Авторханов А. Технология власти. М., 1991.

19. Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991; Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1991; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ //Малое собр. соч. Т. 3-6. М.,1993.

20. Леонова Л.С. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях. М., 1979; Федюкин С.А. Партия и интеллигенция М., 1983; Иванова Л.В. Большевистская партийная интеллигенция и великий Октябрь //Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985; Советская историография жизни и деятельности соратников В.И.Ленина. Харьков, 1985; Главацкий М.Н. Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987.

21. Воронов Ю.М. Становление идеократии: истоки, ментальность, аппарат (1917-1929). Иваново, 1993. Формирование административно-командной системы в 20-30-е гг. М., 1992; Они не молчали. М., 1991; Старков Б. Честь партии //Знание-сила. 1989. N 5. Первое советское правительство. Октябрь 1917 - июль 1918. М., 1991; Реввоенсовет республики. 6 сентября 1918 - 18 август 1923 г. М., 1991; Открывая новые страницы. Международные вопросы: события и люди. М., 1991; Страницы истории КПСС. М., 1993; Васильева Л. Кремлевские жены. М., 1992; Зевевлев А.И. Истоки сталинизма. М., 1991; Трудные вопросы истории. М., 1991; Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М., 1989; Возвращенные имена. Т. 1, 2. М., 1990; Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988; Волобуев О., Кулешов С. Очищение. история и перестройка. публицистические заметки. М., 1991; Бутенко А.П. Куда и откуда мы идем. Взгляд философа на историю советского общества. Л., 1990; Лунин Ю.Ф. Социально- политическая активность и протест в истории советского общества. Архангельск, 1991; Симония Н.А. Что мы построили. М., 1991; Роговин. Власть и оппозиция., М. 1993; Плимак Е. Политическое завещание В.И. Ленина. Истоки, сущность, современность. М., 1989; Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия //Вопросы истории. 1993. N 7; Соколов А.К. Лекции по советской истории. Часть 1. Становление советской системы 1917-1921. М., 1994.; Логунов А.П. Революция 1905-1907 гг. и российская социал-демократия. Ростов н/Д, 1992.

22. Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большевизм и реформация в России. Ярославль, 1994; Насилие лжи или как заблудился призрак. М., 1990;

23. Интеллигенция в политической истории XX века. Тезисы докладов. Иваново, 1992; Проблемы изучения истории российской интеллигенции и культуры в вузовских исторических курсах. Тезисы докладов. Иваново, 1994; Российская интеллигенция XX века. Екатеринбург, 1994; Интеллигенция в политической истории XX века. Иваново, 1993; Проблемы социально-политического развития российского общества. Иваново, 1992. Барбакова К.Г., Мансуров В.Л. Интеллигенция и власть. М., 1991; Интеллигенция и нравственность. Социологические очерки. М., 1993; Дегтярев Е.Е., Егоров В.К. Интеллигенция и власть (феномен российской интеллигенции и проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти. М., Новая слобода. 1993; Квакин А.В. Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа. 1921-1927. Саратов, 1991.

24. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1991; Кун М. Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992; Васецкий Н.А. Опыт политической биографии. М., 1992; Он же. Ликвидация: Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судеб; М., 1989; Берия. Конец карьеры. М., 1991; Медведев Р. Они окружали Сталина. М. 1990; Он же. Политические портреты. Ставрополь. 1990; Инквизитор. Сталинский прокурор Вышинский. М., 1992; Шелестов Д. Время Алексея Рыкова. М., 1990; Мельниченко В.Е. Раковский против Сталина. М., 1991; Николай Муралов. М., 1990; Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников. М.,1991; Хлевнюк О. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Неизвестная Россия. XX век. В. I-IV. М., 1991-1993.

ЛЕКЦИЯ 2.

ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И ЕЕ РАССЛОЕНИЕ

Становление большевистской политической элиты произошло в конце XIX в.-начале XX в. Процесс зарождения и формирования этой специфической общности профессиональных революционеров отражен в работах В.И.Ленина, его сподвижников и оппонентов. В них раскрываются особенности и характерные черты представителей элитного ядра большевистской партии, состоявшего из революционеров-интеллигентов, рабочих-передовиков и маргинальных люмпен-интеллигентов, примкнувших к социал-демократическому движению по конъюнктурным причинам. Уже тогда произошло расслоение партийной верхушки на революционеров-эмигрантов и комитетчиков-"почвенников", проявились специфические особенности элиты, связанные с национальными факторами. На этапе революционной борьбы сложные межличностные отношения выражались преимущественно в форме внутрипартийной борьбы по организационным и тактическим вопросам. Общие идейно-политические ценности и условия революционной борьбы способствовали укреплению относительного единства партии, усилению централизаторских тенденций и известному нивелированию различий между группами на основе заявленной принадлежности к "пролетарским революционерам".

Во время Октябрьской революции большевистская верхушка превратилась из контрэлиты в правящую политическую элиту, сосредоточившую в своих руках от имени пролетариата все рычаги власти. В процессе разработки политики нового государства по отношению к непролетарским слоям населения в большевистской политической элите сложилось несколько под-

ходов, порожденных различиями в ее составе, особенностями формирования ядра ленинской организации. Интеллигентская часть руководящих кадров большевизма, особенно из числа эмигрантов, учитывала неготовность страны к социалистическому строительству и выдвигала различные варианты политического решения компромиссного характера. Другая часть элиты, как правило из числа партийцев-практиков-"почвенников", поддерживаемая и направляемая В.И.Лениным, считала возможным более широкое применение насилия и принуждения, на основе единого и монопольного центра власти.

Борьба двух тенденций нашла свое выражение уже в ходе организации Октябрьского восстания 1917 г., определении его сроков. Ход борьбы В.И.Ленина и его сторонников за осуществление восстания подробно описан и изучен в исторической литературе. Позиция Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева, выступивших против восстания в виду отсутствия объективных условий для социалистической революции, явилась проявлением распространенных среди социал-демократической интеллигенции взглядов об утопизме строительства социализма в отсталой стране. По мнению Ю.О.Мартова в реальной действительности может расцвести только "окопно-казарменный квази-социализм". В определенной степени подобные настроения были присущи А.И.Рыкову, В.П.Ногину, В.П.Милютину, А.Лозовскому, отразившим стремление достичь соглашение с левыми партиями вплоть до создания "однородного социалистического правительства". (1)

В связи с появлением либеральной тенденции в большевистском руководстве Ленин в декабре 1917 г. набрасывает список актуальных тем для последующей разработки. Тема N 17 звучит весьма характерно: "В чем родство между босяками и интеллигентами". К ней отнесена добавочная тема 17 бис:"Правый большевизм место ли ему в партии?" Из анализа всех тем и сопоставления остальных тем очевидно, что В.И.Ленин рассматривает правобольшевистскую тенденцию как одну из слабых сторон советской власти наряду с анархизмом, мелкобуржуазным паразитизмом, "жуликами в революции" и другими последствиями революции и гражданской войны. В ряде работ декабря 1917 г. он развивал идею о "босяках"-люмпенах и интеллигентах как родственных социальных явлениях, одинаково противостоящих новой власти. Он писал, что босяки - деклассированные мелкие буржуа и рабочие, ставших под влиянием нужды и нищеты на путь хулиганства, продажности, забвения человеческого образа" и буржуазные интеллигенты, их "родные братья",- все они одинаково "дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества", "две стороны одной медали" - "главные враги социализма". (2)

В представлении В.И.Ленина интеллигенция, представленная в партии Зиновьевым, Каменевым, Рыковым, Милютиным и др. породила право-большевистскую либеральную тенденцию. Он прямо писал, что эти члены интеллигентских групп "дрогнули перед натиском буржуазии", "бежали из нашей среды" как "штрейхбрехеры и дезертиры, маловеры, колеблющиеся и сомневающиеся". В.И.Ленин вновь сделал главную ставку не на революционеров-своих соратников из эмигрантской среды, а революционеров-практиков, подпольщиков. Парадокс истории заключался именно в том, что последние были представлены выходцами из люмпен-интеллигенции, социальных низов общества и маргиналов в значительно большей степени, чем интеллигенты-эмигранты.

Мартов 30 декабря 1917 г. писал, что "под покровом" власти пролетариата" на деле распускается самое скверное мещанство со всеми специфически-русскими пороками некультурности, низкопробным карьеризмом, взяточничеством, паразитизмом, распущенностью, безответственностью и проч., что ужас берет при мысли, что надолго в сознании народа дискредитируется сама идея социализма и подрывается его собственная вера в способность творить своими руками свою историю". (3)

Тот факт, что в ходе революции формировалось два противоположных типа большевистских деятелей, не был секретом для многих очевидцев событий. М.Горький в "Несвоевременных мыслях" попытался на свой лад выделить типы лидеров большевизма. Первый тип - "вечный революционер", который является духовным наследником всей массы идей, двигающих человечество к совершенству, и эти идеи воплощены не только "в разуме его, но и в чувствах, даже в области подсознательной". Такой деятель олицетворяет "живое трепетное звено бесконечной цепи динамичных идей при любом социальном слое. Он совокупностью своих чувств и мнений принужден на всю жизнь остаться неудовлетворенным, ибо знает и верит, что человечество имеет силу бесконечно создавать из хорошего - лучшее". По мнению М.Горького, вечный революционер органично не способен прибегать к насилию над человеком, кроме тех случаев, когда это крайне необходимо. Безусловно, Горький назвал черты не реального, а скорее идеализированного типа большевика, которого он хотел видеть сам. Но не оставляет сомнения в том, что Горький знал деятелей большевизма, приближавшихся в той или иной степени к описываемому идеалу. В ряде своих очерков он описал конкретных большевиков именно как таких вечных революционеров. (4)

Второй тип революционного деятеля, описанный Горьким, это "революционер на сей день", то есть вставший в ряды революционного движения в силу политической конъюнктуры. Такой деятель обижен на всех за свои прошлые неудачи, репрессии, тягостное существование эмигранта и т.д. "Он весь насыщен чувством мести и хочет заплатить сторицей обидевшим его." Мстительный, мелкий, скованный "тяжелым консерватизмом зоологических инстинктов", он склонен искать в людях прежде всего негативное. Прикрываясь коммунистической фразой, он на самом деле "оскопляет творческую силу революционной идеи" и "будит в человеческой массе древнего жестокого зверя". Для такого типа деятеля, люди есть материал, который он использует в своих экспериментах, будучи сам не всегда искренним и

честным.

Как художник Горький сделал акцент на чувственность и морально-нравственные качества, а не на мировоззренческо-политические, но практика показала, что в таком подходе заложен глубокий смысл. Во всяком случае типы большевика-идеалиста и большевика-конъюнктурщика, отмеченные Горьким, четко прослеживались на протяжении истории этой партии.

Проблема нравственного и безнравственного в политике правящей партии, поставленная М.Горьким, проявлялась на каждом шагу, требуя от властей определения своей позиции. Выход был найден практически в первые дни существования новой власти, было установлено, что нравственно все то, что на пользу революции, все, что укрепляет провозглашенную диктатуру пролетариата.

Такой подход позволил лидерам большевиков без тени сомнения осуществлять от имени пролетариата его диктатуру, превратив ядро профессиональных революционеров, интеллектуальную элиту в правящую политическую верхушку нового государства. Формально и логически такое решение было обосновано тем, что далеко не каждый член рабочего класса может управлять обществом. Для реализации идеала диктатуры этого класса наиболее активная его часть, организованная в партию или другие авагардные организации, выделяет слой лучших представителей для выполнения функций конкретного руководства. В целях укрепления и стабилизации своей власти рабочему классу и его авангарду необходимо создание развитой политико-идеологической системы, фиксирующей его господство.

Но с другой стороны, отношения между сложившейся политической элитой, авангардом и самим рабочим классом на практике изначально приняли неоднозначный и противоречивый характер. Это связано с тем, что большевистская элита в процессе выявления реализации интересов пролетариата руководствуется не только его собственными потребностями, но в первую очередь теоретическими марксистскими представлениями о том, что нужно рабочему классу. Как показал исторический опыт, эти представления носили утопически-иллюзорный характер и часто не соответствовали реальным интересам трудящихся. Кроме того, элита приобрела относительную самостоятельность по отношению к породившему ее классу. Приобретая автономию, политическая элита начала существовать как самостоятельный политический организм, претерпев различные метаморфозы. Карл Каутский отрицал право большевистской элиты осуществлять диктатуру пролетариата таким образом, так как, по его мнению, диктатура рабочего класса это не форма, а состояние общества. Класс господствует, но не конкретно управляет обществом. Это делают партии и организации в рамках политической системы, имеющей социальную направленность. (5) Диктат замкнутой политической элиты во главе с Лениным приведет к тому, что рабочие лишатся права самостоятельно оценивать аргументы борющихся партий и

классов. (6)

Но А.А.Богданов -известный теоретик марксизма, тоже разошедшийся с большевизмом, считал в известной мере оправданными многие нарушения положений марксизма в русской революции. В письме Бухарину он писал о трагизме революции в России, обусловленном тем, что к этому делу "прилипло больше крови и грязи, чем требовалось его сущностью; но винить в этом некого: виновата историческая отсталость и неподготовленность, виновата безмерная тяжесть задачи, беспримерная жестокость бедствий, поразивших нашу страну. Трагизм в том, что на плечи исторически самого юного рабочего класса у русского пролетариата история возложила самое непосильное, невиданно огромное бремя, задачи, далеко выходящие из границ его собственной классовой природы." (7)

Нисколько не сомневаясь в своей способности компенсировать ограниченность возможностей пролетариата, большевистская элита незаметно для самой себя заняла позиции на вершине новой социальной пирамиды. Первоначально их объединяла общность революционных судеб, близкие товарищеские отношения, преданность идеям и память погибших в борьбе с царизмом друзей. Но уже с первых месяцев своего владычества, большевистские лидеры стали проявлять в своей деятельности, что ничто человеческое им не чуждо. Не все избежали искушения удовлетворить свои слабости, потворствовать родственникам или друзьям. Привилегии носили характер поблажек весьма незначительного свойства, но они имели тенденцию к разрастанию.

Может быть впервые особые взаимоотношения внутри правящего слоя проявились во время известного конфликта в апреле 1918 г. между Сталиным и Мартовым, в ходе которого проницательный идеолог меньшевизма тонко обратил внимание на новые моменты властных отношений.

Этот процесс прослеживается на материалах политической деятельности С.И.Сырцова, направленного на Дон после февральской революции. Он сочетал в себе качества революционера-интеллигента и партийца-подпольщика: склонность к инакомыслию и дисциплинированность, творчество и исполнительность, что обусловило неординарные результаты его деятельности. Первоначально он занял более умеренную позицию, чем местные большевики и проводил линию на сотрудничество с меньшевиками и эсерами. В Ростове-на-Дону в ноябре 1917 г. под его руководством функционировал ВРК Объединенной Демократии. Приведенные материалы С.Турло и другие свидетельства подтверждают, что это было сознательным политическим выбором демократически настроенных большевиков. Данный эпизод был не исключением и находился в русле правобольшевистской тенденции в элите партии, возглавляемой Г.Е.Зиновьевым, Л.Б.Каменевым, А.И.Рыковым, В.П.Ногиным и др. деятелями.

Проявленное в 1917 г. стремление к мирным способам борьбы и компромиссам сменилось у большевиков по мере разрастания гражданской войны

и интервенции Германии более радикальным видением окружающей действительности и способов решения актуальных проблем. Донская региональная верхушка большевиков под впечатлением поражения Донской советской республики, казни Подтелкова и Кривошлыкова и неудачи политики соглашения с трудовым и фронтовым казачеством радикально изменила представления о методах борьбы за Советскую власть.

Противоборство праволбольшевистской демократической и авторитарно-бюрократической тенденции закончилось в пользу второго направления, что привело к краху идеи однородного социалистического правительства, разгону учредительного собрания, красному террору, ужесточению политического режима уже в первый год революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История КПСС. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 345-346.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 201.
3. Родина. 1990. N 8. С. 19.
4. Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1991.
5. Каутский К. Диктатура пролетариата. Вена, 1918. С. 20.
6. Каутский К. Терроризм и коммунизм. С. 174.
7. РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 60. Л. 8.

ЛЕКЦИЯ 3.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ В ХОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

С лета 1918 г. развернулась широкомасштабная гражданская война на всем протяжении российской территории с возникновением протяженных полос фронтов, противостоящих красной и белой армии, сил интервентов бандоформирований. Это требовало от большевиков мобилизации всех своих сил, прекращений дискуссий и сосредоточения своих относительно многочисленных кадровых сил на решающих участках военно- организаторской работы.

На этом этапе исторического направления партийной политики, относившиеся к деятельности государства, определялись и реализовывались его высшими органами непосредственно без предварительного обсуждения Центральным комитетом партии. (1) Это достигалось расстановкой узкого круга соратников В. И. Ленина, членов большевистской элиты на высших государственных постах, военных и партийных должностях. Такая форма выработки политики была вызвана чрезвычайными обстоятельствами, диктовавшими необходимость исключительной оперативности в принятии решений и их реализации. Для достижения этого эффекта практиковался метод совмещения партийных, советских постов в руках одних и тех же лиц. В. И. Ленин по этому поводу говорил, что "как правящая партия мы не могли не сливать с "верхами" партийные "верхи" советские, - они у нас слиты и будут таковыми". (2) Персональная ответственность за судьбу дела было главным принципом функционирования политической системы в этот период. В деятельности большевистской политической элиты во главе с В. И. Лениным, пользовавшимся непререкаемым авторитетом в ее среде, воплотилась диктатура коммунистической партии, выступавшей от имени рабочего класса в качестве его авангарда.

В. И. Ленин не скрывал, что именно тончайший слой старой партийной гвардии является главной организующей силой становления нового государства, а, следовательно, фактической политической элитой советского общества. Естественно, он не позволял себе таких определений или даже намеков об ее избранности и элитарности, так как это противоречило принципиальнейшим основам коммунистической идеологии. В то же время В. И. Ленин понимал, что независимо от желания привлечь всех трудящихся к управлению государством, на данном конкретном этапе это практически не осуществимо.

Использование старых, воспитанных в дореволюционное время кадров партии, не решало кадровую проблему в целом. Централизованная военно-политическая система нуждалась в значительно большем количестве чиновников не только высшего, но среднего и низшего эшелонов. 5-6 тысяч бывших подпольных комитетчиков и несколько сотен эмигрантов не могли покрыть потребности руководства. Кроме того, старая партийная гвардия состояла из людей прошедших тюрьмы, каторги, ссылки, знавших нищету эмиграции, годы нелегального существования. Их здоровье было серьезно подорвано, что ограничивало их возможности как ответственных работников. В силу этого государственный и партийный аппарат активно комплектовался из новых кадров партии, вступивших в нее в 1917 г. и позднее. Полностью полагаться на новых работников, в числе которых были выходцы из меньшевистской и эсеровской партий, примкнувшие, сочувствующие и просто карьеристы, для которых членство в правящей единственной партии было единственно возможным путем обеспечить безбедное существование большевикам было невозможно. Поэтому начиная с 1918 г. началось формирование новой системы руководства, партийного и государственного строительства. До УШ съезда РКП(б) доминировал принцип элитности руководства на основе персональной ответственности каждого из членов элиты. Как говорил Н. Осинский на УШ съезде РКП(б), ЦК не руководил всесторонне разработанной политической линией и не обеспечивал единство советской, партийной работы как системы "в смысле цельной, сознательной постановки вопроса". (3)

УШ -й съезд партии принял решение об упорядочении взаимоотношений между партийными и советскими органами о кадровой политике, о внутренней структуре центрального комитета партии. Было официально закреплено

учреждение в составе ЦК РКП(б) трех постоянно работающих органов: Политбюро, Оргбюро и Секретариата, которому поручалось создать отделы ЦК, реализующие принятые решения. Хотя отдельные органы спорадически существовали и ранее,(например, в октябре 1917 г. работало Политическое бюро из 7 человек, работал узкий круг секретариата во главе со Стасовой) учреждение системы этих органов имело принципиальное значение для функционирования старой партийной гвардии как большевистской политической элиты. Наряду с прослойкой знающей друг друга профессиональных революционеров и отвечающих друг перед другом и узким ЦК за порученное дело, была создана официальная кадровая элита в рамках партийно-государственных структур, а также военно-политических органов: реввоенсоветов, чрезвычайных комиссий и т. д. В результате каждый член элиты был вписан в систему и получил в складывающейся иерархии конкретный ранг. Этим были заложены основы будущей партийно-бюрократической системы, так называемой партократии.

Важнейшей функцией новых органов стало организационное обеспечение партийной политики и через государственный аппарат. В. И. Ленин прямо указывал о недопустимости того, "чтобы важнейшие государственные назначения делала не руководящая партия." (4) При распределении партийных кадров В. И. Ленин стремился учитывать профессиональные знания, приобретенные до революции. Поэтому литератора А. В. Луначарского назначили наркомом просвещения, бывшего члена Государственной Думы Г. И. Петровского направили в наркомат внутренних дел, выдающегося инженера Л. Б. Красина в ВСНХ. Однако этот принцип было трудно выдержать до конца в силу нехватки кадров и главным критерием при назначении на высшие посты была преданность политике большевизма, непримиримость к классовым врагам, организаторский талант. На этапе исторического развития, характеризующимся обостренной гражданской войной, этот подход был жизненно необходим для большевистской партии.

Анализ переписи советских служащих 1918 года показал, что из 578 коммунистов, зарегистрированных в ходе обследования 17 наркоматов РСФСР 180 или 34,4% занимали руководящие должности от членов коллегий до заведующих отделами, секциями и т. д. 177 служащих или 32,2% занимали должности учетноконтрольного и делопроизводственного персонала. Таким образом, коммунисты составляли бесспорное большинство среди ответственных руководителей правительственных органов. Партийный стаж коммунистов - работников наркоматов распределялся так: старая партийная гвардия- вступившая в партию до 1905 г. -16%, в 1905-1907 гг. - 11,5%, 1907-1917 гг.- 9,8%, между февралем и октябрем 1917 г. О 25%. Всего 63% коммунистов - служащих наркоматов имело дооктябрьский партстаж. (5) Представители старой партийной гвардии были рекомендованы на работу съездом и ВЦИК Советов, ЦК РКП(б), СНК, ВРК, крупными деятелями партии. В. И. Ленин отмечал, что "весь аппарат сколько-нибудь

авторитетный составился из коммунистов". (6) В первую очередь это относилось к ВЧК, к наркомату иностранных дел, по делам национальностей, юстиции, к органам управления отраслями, носившими сугубо политический характер.

В созданную систему были включены практически все кадры большевистской политической элиты, независимо от возраста, профессии, пола, местонахождения и частично партстажа (единственный ограничитель - рубеж 1917 г.). В силу того, что система создавалась в течение всего периода гражданской войны, она закономерно приняла милитаристский характер, но с выраженными элементами самостоятельности, инициативы местных органов партии и их лидеров.

Отношения партийного товарищества, развитые в среде большевистской элиты, не позволяли авторитарно-бюрократическим тенденциям укрепиться в одночасье. Их развитие шло в в течение длительного периода, включая и годы нэпа. Однако именно во время гражданской войны произошла решающая организационная и духовная трансформация элиты большевизма. Ее составные части: партийная интеллигенция и рабочие - "передовики", эмигранты-литераторы и "подпольники"-комитетчики совершили в своем мировоззрении заметную эволюцию в сторону ужесточения своего отношения к демократии, к непролетарским слоям населения, к интеллигенции, к насилию как методу строительства социализма и т. д.

По мере развертывания гражданского противоборства, усиления белого террора В. И. Ленин и другие вожди большевизма стимулировали террористическую политику в отношении несоветских слоев населения. Расстрелы, заложничество, создание концентрационных лагерей, внесудебные расправы ВЧК вошли в повседневную практику революционеров, поставивших целью создание общества всеобщей справедливости. Именно поэтому их вина в современном общественном мнении до сих пор не прощается, даже в сравнении с такой же жестокостью их противников.

Видные представители большевистской элиты в различных регионах страны проводили политику "красного террора", часто не считаясь с конкретно-историческими условиями и особенностями местностей, не учитывая негативные последствия в более отдаленном будущем для советской власти. Г. Е. Зиновьев в Петрограде, И. В. Сталин в Царицыне, Бела Кун и Р. Землячка в Крыму, А. Г. Белобородов в Екатеринбурге и т. д. проявили в полной мере тенденцию радикализации большевистской элиты.

Процесс радикализации мировоззренческих и нравственных позиций проявился в решении казачьей проблемы на Юге России усилиями большевистских вождей, начиная от В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе, Г. Я. Сокольникова и заканчивая донскими деятелями С. Ф. Васильченко, М. П. Жаковым, В. Ф. Ковалевым, А. А. Френкелем. Показательна деятельность С. И. Сырцова, роль которого трудно переоценить или недооценить, учитывая то, что он был доверенным лицом ЦК на

Дону. Его конкретная работа отразила растущее недоверие большевиков к непролетарским слоям населения и особенно к казачеству как военному старорежимному сословию. Исходя из прагматических задач удержания власти и коммунистической доктрины мировой революции, ЦК РКП(б) и Донбюро санкционировали террористические формы расказачивания на грани геноцида. Сопротивление казачества, выразившееся в победоносном восстании на верхнем Дону, заставило лидеров большевизма перейти к тактике дифференционного отношения к казачеству, но стратегический подход остался прежним- решительностью и жестокостью достичь победы в гражданской войне.

Военно- коммунистический прагматизм был значительно слабее выражен среди интеллигентской части элиты, занявших умеренные позиции, в том числе в решении казачьего вопроса: Г.Я.Сокольникова, В.Ф.Ковалева, братьев Трифоновых. Но в целом произошла общая экстремизация политического сознания большевистской элиты. Прежние правые большевики стали радикалами, а радикалы превратились в подлинных экстремистов, способных во имя своей победы перешагнуть любой нравственный порог.

Принцип нравственной саморегуляции личности, распространенный среди российской интеллигенции в XIX в. у большевиков-интеллигентов отошел на второй или третий план. Это обусловило принятие С.И.Сырцовым, И.И.Рейнгольдом, А.Г.Белобородовым и другими членами донской элиты ряда безнравственных решений о массовых расстрелах, конфискации имущества казачьих масс на основе примитивно понятого классового подхода. (Как показал анализ докладных И.И.Рейнгольда, С.И.Сырцова, А.А.Френкеля, эта тактика носила осознанный характер и преследовала целью ускорение ассимиляции казачества среди крестьянства и его полной ликвидации, как сословия, но без каких-либо национальной расовых мотивов).

М.Покровский писал, что гражданская война внесла в психологию и даже в идеологию большевиков определенные новые черты, чуждые ей в 1917-1918 гг. Молодые коммунисты-просвещенцы вернулись с фронта "бравыми молодыми людьми", настоящими "военными коммунистами". Они "вернулись с уверенностью, что все то, что дало такие блестящие результаты по отношению к колчаковщине и деникинщине, поможет справиться со всеми остатками старого в любой области". (7) Как следствие начался угар милитаризации и этатизации.

В.Винниченко, известный писатель и социалистический деятель Украины,констатировал на исходе гражданской войны искажение в советской России основных принципов социализма -коллективизма в управлении народным государством. В большевистском руководстве нормой стали индивидуализм и абсолютизм правления, единоначалие в партии и иерархия власти, низвержение коллективов до роли статистов. В партийной верхушке утвердилась власть большевистских авторитетов, которые возглавляют

течения в партии и не подлежат никакому контролю масс. Высшая авангардная партия "из живого творческого организма снизошла к большой, слепой машине, которой руководит небольшая группа людей". Эта машину скрепляет железная дисциплина, основывающаяся не на убеждениях и преданности делу, сколько на желании выслужиться. Дисциплина канцелярии и казармы, абсолютизм в политике, единоначалие в руководстве приведет к бюрократизму и милитаризму всей системы советской власти - пророчески утверждал В.Винниченко. (8)

В ходе гражданской войны партийная верхушка усугубила заложенные в ней ранее черты нетерпимости и подозрительности, сплотилась в устойчивую властную группу, ориентированную на централизованное управление обществом на военно-коммунистических принципах. Радикализм стал доминантой в развитии элиты, в то время как демократические черты стали проявляться как рецессивные признаки с тенденцией к исчезновению. Это был мощный импульс развитию авторитарно-бюрократического режима, превращению старой партийной гвардии в замкнутую бюрократическую элиту.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шапко В.М. Обоснование В.И.Лениным принципов государственного руководства. М., 1980. С.85.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С.15.
3. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы М. 1959. С.165.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С.166.
5. Дробижев В.З., Пивовар Е.И. Коммунисты в центральных органах управления РСФСР //Вопросы истории КПСС. 1985. N 4. С.110,115.
6. Ленин В.И. Полн.Собр.Соч. Т.45. С.361.
7. Покровский М. Советская глава нашей истории //Коммунист. 1988. С. 87.
8. Студенческий меридиан. 1989. N 5. С. 26-27.

ЛЕКЦИЯ 4.

БЮРОКРАТИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И РАСКОЛ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Окончание гражданской войны в России растянулось на несколько лет. Как известно, в отличие от любых других войн гражданская война не заканчивается заключением мирного договора. После разгрома Врангеля и войны с Польшей новая власть почти два года боролась с мятежами и политическим бандитизмом. В силу этого РКП/б/ оставалась жестко организованной и дисциплинированной машиной власти, управляемой поредевшей, но по-прежнему спаянной большевистской элитой во главе с В.И.Лениным и

его ближайшими сподвижниками. В партии насчитывалось в это время около 400 тысяч членов, из них 10 тысяч "ответственных работников", несколько сотен представителей "старой партийной гвардии", регулярно участвующих в съездах партии, пленумах Центрального Комитета, и десяток высших лидеров.

Начиная с 1921 г. В. И. Ленин начинает отходить от политического руководства в виду ослабления здоровья, дав тем самым большую свободу апологетам "военного коммунизма". Все бразды власти были сосредоточены в руках фракционной официальной группировки в составе заместителя председателя СНК и СТО Л. Б. Каменева, председателя исполкома Коминтерна, официального идеолога партии, руководителем "петроградской коммуны" Г. Е. Зиновьева, а также избранного в 1922 г. генсеком ЦК И. В. Сталина.

Тройка вождей стремилась отстранить от руководства своего главного соперника - Л. Д. Троцкого и одновременно сократить влияние на высшие органы власти со стороны сформировавшейся политической элиты. Для политической элиты 20-х годов и прежде всего большевистской партийной интеллигенции как ее составной части, был характерен фейерверк личностей, ярких индивидуальностей, имевших самый разнообразный жизненный опыт и общую выучку революционной борьбы. Пропустив через свой опыт и интеллект информацию о положении дел в стране, они представляли в распоряжение руководства партии множество концепций решения принципиальных проблем. В ходе дискуссий под руководством В. И. Ленина вырабатывались и принимались необходимые варианты развития. Благодаря силе своего интеллекта, авторитету и политической воле В. И. Ленин обеспечивал сотрудничество и взаимодействие различных групп и поколений членов партии, их лидеров.

В. И. Ленин оценивал разгоравшиеся дискуссии как проявление внутрипартийной борьбы, недопустимой в условиях общего кризиса в стране. Но при этом он призывал разбираться в сущности разногласий, выявлять конкретное развертывание и видоизменение их на разных этапах, критиковать группы инакомыслящих исходя не из факта их образования, а из степени обострения фракционного противоборства. Он поддержал тезис Троцкого о том, что нужно выявлять в позициях сторон рациональные моменты, так как "идейная борьба в партии не значит взаимное отметание, а значит взаимное воздействие". В. И. Ленин настоял на запрещении фракций и введении пункта о возможности исключения членов ЦК за фракционность, но одновременно писал о необходимости создания демократической атмосферы партии, исключающей возникновение фракций. Для этого нужно было развертывать демократизм, самодеятельность, издание дискуссионных сборников. Он отмечал, что каждый коммунист вправе заниматься вопросами теории самостоятельно и иметь "уклон мысли", при условии сохранения организационного единства партии. Ленин обращал внимание на важность

воспитания у руководителей умения работать с инакомыслящими, с инакоподходящими к делу, которые в сочетании с организаторскими способностями большевистских лидеров могут обеспечить наиболее эффективное решение народнохозяйственных проблем. Характеризуя в последних статьях своих соратников, он отказался от терминов "оппортунизм" и писал, что их ошибки нельзя ставить им в вину лично. Но Ленину не удалось эти принципиальные идеи изложить в императивной форме, исключающей иные толкования. Скрыв одни письма, вольно интерпретировав другие статьи, предупредив местные парторганизации о необходимости учета влияния болезни Ленина на содержание его писем, Сталин и его сторонники отказались осваивать содержание ленинских идей. Более того - Сталин еще в период работы X съезда подталкивал В. И. Ленина к ужесточению внутрипартийных отношений, направляя ему подтасованную информацию о близящемся развале партии и намекая, что только аппарат ЦК может обеспечить "стабильное большинство".

В. И. Ленин был убежден, что только проверенные и испытанные кадры большевиков могут быть основой формирования всех высших звеньев большевистского руководства. Но ребром вставал вопрос - в чем заключается критерий проверенности и испытанности, кто был более достоин, а кто менее? В условиях послевоенного развития, когда произошли сдвиги в классовой структуре общества, усилилась пауперизация и люмпенизация трудящихся масс, резко возросла роль большевистской интеллигенции и в целом партийной элиты. В марте 1922 г. В. И. Ленин высказал принципиальнейшее положение в письме В. М. Молотову: "Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией". (1)

Уверенность Ленина в том, что партийный авангард знает лучше самих трудящихся масс и рабочего класса, что лучше для них, обусловило его подход к организации политической элиты, ее институанализации. Он потребовал от аппарата ЦК разработать вопрос "об изучении состава ответственных работников коммунистов с точки зрения их пригодности к работе разного масштаба и разного рода." (2) При этом он дал указания о распределении кадров в соответствии с их склонностями к определенным видам работы и даже дал советы относительно методики учета: "нужны карточки на несколько сот /для начала/ крупнейших работников партии с делением на пропагандистов, администраторов, агитаторов, преподавателей и т.п. с отзывами об их работе /стаж - пять скажем последних должностей/ со стороны таких-то /4-6/ лиц. А мы гонимся за тысячами и сотнями тысяч, играя в бюрократические бирюльки и не учась распределять людей". (3)

В. И. Ленин стремился в это время к уравновешиванию демократической

и аппаратно-централистской тенденций в партии. Но централистские взгляды, балансирование между требованиями оппозиционеров и аппаратчиков оказались непосильной ношей для больного вождя партии. Каждый сколько-нибудь значимый деятель претендовал на свое понимание проблемы внутрипартийной демократии, притягивая "за уши" те или иные цитаты из работ В.И.Ленина или резолюций съездов столь богатой на историю партии. Идеи Ленина о необходимости демократии в партии при функционировании специально подобранного аппарата - "подсобного инструмента" для управления страной (4) не воспринимались "демократами", и "центристами", абсолютизировавшими имевшиеся у них рациональные положения и забывавшие о диалектике центра и периферии, высшего руководства и исполнителей.

Проблема "верхов" и "низов" в партии была признана ЦК в качестве требующей решения. В выступлениях на IX конференции партии Лутовинова, Медведева, Кутузова, Бубнова, Колонтай, Сапонова критиковалась "военщина" во внутрипартийных отношениях. Но речь шла не о действительных низах - рядовых ячейках партии, а о той части большевистской старой гвардии, не попавшей в политическую элиту - реально управляющую в стране.

Сапронов и его единомышленники отстаивали идеи демократического централизма, равенства всех партийцев перед уставом своей партии, внутрипартийной демократии, начиная с 8 съезда партии и до XY -ого съезда. Значительный вклад в критику формирующегося авторитарно-бюрократического режима внесла "рабочая оппозиция", отразившая недовольство рабочих масс огосударствлеванием профсоюзов. Полемика на X съезде отразила сложность и неоднозначность позиций Ленина и его сторонников, а также взглядов его оппонентов - Шляпникова, Колонтай, Медведева.

Партия так и не смогла преодолеть наследие "военного коммунизма" - централизм, иерархизм в построении партии, предпочтение методам принуждения и администарирования, систему льгот профессиональным партработникам. В период от X съезда и вплоть до конца 20-х годов шло нарастание антидемократических тенденций. Рязанов говорил на XI съезде, что ЦК не реализует свои решения о внутрипартийной демократии, в отличие от запретительных и ограничительных резолюций. Победоносная партия, сохранив полумилитаристские организационные основы, переключилась вновь на борьбу, но уже с инакомыслием в своих собственных рядах. Создавалось послушное большинство во всех партийных инстанциях. Чистка партии 1921 г. позволила вывести из нее многих политических оппонентов. (5)

Попытки отдельных местных организаций, вроде Архангельского губкома партии, противостоять расколу партии на "праведных" и "чуждых", были пресечены на корню. В результате чистки 20,9% членов партии было исключено, а 2,8% добровольно вышли из ее рядов. (6)

Партия стала растворяться в госаппарате, трансформируясь из революционной в управленческую организацию со структурами массовой поддержки и подпитки. Процесс огосударствлевания партии в основном происходил в годы гражданской войны и начальный период нэпа.

Это выражалось в том, что партийные органы принимали решения административного характера, превращаясь в официальную инстанцию с государственными функциями.

В начале 1921 г. некая "организация низов РКП/б/" в письме в ЦК указывала, что в партии "завелся страшный бюрократизм, доходящий до старорежимного жандармского покроя. Завелась страшная канцелярщина.., личные счеты, подлизывание, сплетни, злоупотребления и заискивание и явное социальное неравенство." (7)

Начался процесс отчуждения рядовых коммунистов от политического процесса, реальное участие в котором было закреплено за обладающими властными полномочиями партийными руководителями. Но в начале 20-х годов этот процесс не был еще широкомасштабен и официозен. Сохранялась практика выборности, критики контроля за проведением руководителей и других проявлений демократизма, но принимавшего постепенно все более централистский характер. Когда в июле 1921 г. активизировалась разогнанная "рабочая оппозиция", то ее Заявление "22-х" было резко осуждено всеми партийными инстанциями, в том числе XI съездом. Но при этом произошел казус - альтернативная резолюция Антонова-Овсеенко набрала 215 голосов против 227 на съезде, что свидетельствовало о том, что процесс перерождения партии еще был далек от завершения.

Накануне XII съезда партии распространялся документ "Современное положение и задачи пролетарского коммунистического авангарда," получивший известность под названием "анонимная платформа". В нем был поставлен давно дискутируемый вопрос об отмене пункта резолюции X съезда о запрете фракций, допуске беспартийных интеллигентов на все советские должности, выводе советов из-под контроля партии, уничтожении монополии коммунистов. Подобные идеи были чрезвычайно похожи на мысли, развивавшиеся в статьях и речах Осинского и Сапронова, Красина и частично Троцкого.

XII съезд стал значительной вехой в становлении авторитарно-бюрократической системы диктатуры партии-элиты-вождей над обществом и государством. Здесь Сталин впервые открыто заявил, что демократизм не нужен, а инакомыслящие вредны. Внутрипартийная демократия мешала становлению политической системы, противоречащей демократической сущности Советов и Коммунистической партии как авангарда рабочего класса. Сталин считал, что если в групповых склоках в руководстве есть определенный положительный смысл, то в широком учете реального мнения партийных масс, обеспечении их влияния на выбор путей, решений, альтернатив и т.д. нет никакой необходимости. (8)

И. В. Сталин на словах отрицал идеи диктатуры вождей и диктатуры партии, но фактически он уже в это время организационно-политически подготовил условия для функционирования этого режима. Ему претил интеллигентский анархизм большевистской элиты, претендовавшей на обсуждение и разработку своих вариантов политики наравне с официальными партийно-советскими органами. По его мнению, члены партии с дооктябрьским стажем, как бы ценны и немногочисленны они не были, должны быть включены в общую систему кадровой политики ЦК РКП/б/, который держит все в руках и осуществляет руководство.

Резко осуждая фракции и оппозиционные течения в партии, носящие организованный и упорядоченный характер, Сталин поощрял межличностные конфликты, видя в них средство, залог укрепления аппаратного ядра в партии. Он прямо указывал: "склоки и трения, кроме отрицательных сторон, имеют и хорошие стороны..."

С принципиальной критикой Сталина и его союзников в это время Зиновьева и Каменева выступили С. В. Косиор, Ю. Лутовинов, Н. Осинский. Они требовали прекращения группировщины в верхах партии, реальной демократии в партии, свободы критики и дискуссий. Сталин грубо и бесцеремонно угрожал тем, что они наткнуться на стену, о которую разобьют себе голову и т. д.

Полемика на съезде закончилась компромиссом - выход из ситуации был увиден в укреплении позиций старой партийной гвардии, которая в силу исторических традиций обладала иммунитетом против нэповского бюрократического перерождения партии. Был официально утвержден курс "на старого партийца" в формировании кадрового корпуса партийной иерархии. В частности было принято решение о необходимости для секретаря губкома иметь дооктябрьский стаж, секретаря укома - 3 года, ячейки - 1 год. Это постановление институционализировало старую партийную гвардию именно как большевистскую политическую элиту.

Последовавшие после съезда события показали, что эти ограничения не спасают от групповой борьбы в верхах, всевозможных разногласий и бюрократизации аппарата. Пользуясь неоднородностью элиты сталинская группа успешно вербовала себе сторонников и заполняла ими важнейшие участки управленческого аппарата, изолируя сторонников Л. Д. Троцкого, А. Г. Шляпникова и других лидеров оппозиционного толка. Дискуссии вокруг событий в Германии 1923 г., выявления подпольных организаций "Рабочая правда" и "Рабочая группа", пытавшихся пропагандировать идеи политического плюрализма и свободы слова продемонстрировали усиление всевластия аппарата, бюрократизацию режима и политической элиты.

Против устанавливавшейся системы активно выступил Л. Д. Троцкий и поддержавшая его "группа 46-ти". Они прямо указали на прогрессирующее разделение партии на "секретарскую иерархию" и "мирян" - рядовых партийцев. Члены Политбюро ответили огульным разносом, отрицая все обвинения как абсолютно несостоятельные. Правящая верхушка считала, что управление сверху - неизбежное явление, централизованная партия рабочего класса не может себя иначе вести в государстве диктатуры пролетариата. Но учитывая авторитет Троцкого и его сподвижников, руководство ЦК предприняло маневр - приняло 5 декабря 1923 г. постановление "О партийном строительстве", в котором были использованы отдельные предложения группы 46-ти. Для части политбюро, возглавляемой Сталиным, это была безусловно только уловка, с целью перехвата инициативы и сохранения имиджа демократов.

Написанная Троцким брошюра "Новый курс" обозначила очередной этап борьбы, в центре которого встала проблема взаимоотношения элиты - старой партийной гвардии и партийного молодняка, рвавшегося к власти. Подвергнув критике состояние внутрипартийной демократии, роль партийного чиновничества, Троцкий тем не менее не стал рвать связей с высшей политической элитой и не возглавил массы в их борьбе за обновление политического режима. Отсутствие лидера у оппозиции и мощное давление партаппарата предопределило итоги дискуссий. При всех различиях во мнениях у спорящих сторон, для них было характерно общее мнение о недопустимости политического нэпа - ослабление диктатуры пролетариата и введение плюрализма. Но если оппозиция считала возможным сочетать однопартийный режим с плюрализмом в партии, то большинство ЦК было убеждено в необходимости пресловутого единства. Н. И. Бухарин по этому поводу говорил: " чтобы поддержать пролетарскую диктатуру необходимо поддержать диктатуру партии, которая немыслима без диктатуры старой гвардии, которая, в свою очередь, немыслима без руководящей роли ЦК как властного учреждения." (9)

Руководители партаппарата категорически отрицали обвинения оппозиции в бюрократизации партии. Молотов заявлял, что партаппарат это скелет партии, спасший ее в 1921 г. Бюрократизм в государстве в принципе неизбежен, с ним надо бороться постоянно и систематически, но не превращать борьбу в спекулятивный лозунг, как это якобы делала оппозиция.

Сталинский партаппарат в борьбе с оппозицией, начиная с первых идеологических боев, стремился использовать органы государственной безопасности для контроля за своими противниками. Еще в период борьбы с ленинградской "новой" оппозицией в конце 1925 г. -нач. 1926г. сталинское руководство активно манипулировало общественным мнением в партии с помощью партийной прессы, резолюций московской парторганизации и информационных сводок ОГПУ. На XIY съезде ВКП/б/ группа сталинских клакеров захлопывала и засвистывала всех неугодных ораторов. Сразу после съезда ЦК ВКП/б/ в нарушение всех уставных норм партийной жизни снял руководителей ленинградской печати, раскассировал состав горкома и райкомов, организовал проведение в парторганизациях нужных ему резо-

людей с помощью так называемых "инициативных групп" и агентуру ОГПУ. Члены ленинградского губкома в письме в ЦК ВКП/б/ описали целый ряд случаев откровенно хамского запугивания со стороны В.М.Молотова, М.И.Калинина и К.Е.Ворошилова, прибывших в Ленинград для "налаживания дел".

После объединения зиновьевцев и троцкистов в единый оппозиционный блок, Сталин прямо и непосредственно возложил на ЦК ВКП/б/ и соответствующее отделение СПО ОГПУ задачу слежки и контроля всех действий фракционеров. ГПУшники вели досье на активных членов оппозиций, организовали наблюдение и сбор информации, не гнушаясь незаконными обысками и арестами. Так в сентябре 1927 г. органы ОГПУ произвели обыски без ордеров в квартирах оппозиционеров - старых членов партии Шмидта, Певзнера, Максимова и др. Возмущенные произволом ОГПУ оппозиционеры подали заявления с протестом в свои партячейки, и они поддержали их протест. В фондах ЦК ВКП/б/ и секретного отдела ЦК ВКП/б/ сохранилось множество документов подтверждающих постоянное вмешательство спецотделений секретного отдела ОГПУ в политическую борьбу внутри правящей партии.

Наиболее одиозным проявлением такого вмешательства явилась провокация ОГПУ с организацией оппозиционной типографии при помощи якобы белогвардейского офицера, оказавшегося в действительности агентом ОГПУ.

Оппозиционеры в своей платформе к XY съезду партии указывали, что им противостоят два течения:"правый уклон" и "аппаратно-центристское" течение в партийной верхушке. Первый уклон, вдохновляемый интересами крестьянства, представлен Рыковым, А.П.Смирновым, Калининым, Петровским, Чубарем, Каминским. Около них находятся беспартийные специалисты: Кондратьев, Садырин, Чаянов и другие. К ним также примыкают лидеры профсоюзов Томский, Догадов, Мельничанский. Второе течение имеет своими вождями Сталина, Молотова, Угланова, Кагановича, Микояна, Кирова и Бухарина, колеблющегося в ту и другую сторону. Эта группа отражает интересы слоя управленцев, среди которых немало "выходцев из рабочих, ныне оторвавшихся от рабочих масс". Извращения политической линии и партрежим порождают многочисленный слой подлинной бюрократии". (10)

Троцкисты ошиблись только в некоторых деталях: Бухарин все-таки оказался достаточно принципиальным и выступил против Сталина. Чубарь, Петровский, Каминский были действительно умеренными политиками, но не решались открыто поддержать Рыкова и Троцкого.

Позиции этих течений не были четко зафиксированы и оформлены, но были известны в высшем эшелоне власти многим. Во всяком случае в информационном отделе ЦК хранится целый ряд справок, в которых отмечаются такие оценки ситуации. Накануне XY съезда ВКП/б/ не дожидаясь официального разгрома троцкизма сталинская верхушка начала наступление

на "правых уклонистов". Была опубликована статья с критикой Рыкова за примиренчество в годы реакции, хотя в этом не было непосредственной необходимости для науки, но явно подрывало авторитет его как большевика. На самом съезде Н.И.Бухарин подвергся критике со стороны В.М.Молотова, В.В.Ломидзе, Л.Шацкина в форме, вызвавшей удивление делегатов. Сталинское крыло руководства разорвало фактически сложившийся блок с бухаринско-рыковской группой большевиков-интеллектуалов. Этот блок сложился на негласном признании трех принципов политики: 1) бескомпромиссная борьба с троцкистско-зиновьевской оппозицией, 2) последовательное проведение НЭПа на основе методов "гражданского мира", 3) сохранение имеющегося уровня внутрипартийной демократии и реального влияния большевиков-интеллигентов на разработку генеральной линии партии. Эти положения были заложены в период борьбы с "новой оппозицией" и получили закрепление на XIY съезде ВКП/б/ в декабре 1925 г. Именно с этого времени была прекращена критика бухаринского лозунга "обогащайтесь", его школы молодых профессоров. Документы содержат свидетельства того, что сталинцы только временно терпели активность бухаринцев на страницах печати, не принимая их идеи как серьезные перспективы. Поскольку нэп еще давал положительные результаты, а троцкистско-зиновьевская оппозиция проявляла активность, сталинцы сдерживали свой радикализм и терпели правых союзников.

Таким образом, в первой половине 20-х годов развилось противоборство демократической тенденции, принявшей "левый" характер, и бюрократический тенденцией в форме дискуссий о "верхах" и "низах", о взаимодействии аппаратного центра с местными парторганизациями, о допустимости в партии платформ и фракций. Сокращение в условиях нэпа военно-политических структур, трансформация характера руководящей деятельности, дополненные личностными конфликтами в руководящей верхушке и наложившиеся на застарелые противоречия между внутриэлитными группами, - все это придало процессу остроту и болезненность.

Расслоение политической элиты на интеллигентско-оппозиционную и аппаратно-бюрократическую часть продолжилось в ходе внутрипартийной, а точнее внутриэлитной борьбы середины 20-х гг. Сталинская группировка взяла курс на замену в высших органах старых партийцев-интеллектуалов, обладавших культурой и знаниями, соратников В.И.Ленина, равных Сталину по революционному опыту и вкладу в победу революции, новыми- почвенными, коренными кадрами, выросшими в гражданской войне, привыкшими к нормам "военного коммунизма" и всецело подчиняющимися вождю как высшему авторитету. Осуществление этого курса растянулось практически на все 20-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.20.
2. Ленинский сборник. N 36. С.328.
3. Там же. С.426.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С.373.
5. Известия ЦК РКП/б/. 1921. N 33. С.40-41.
6. XI съезд РКП/б/. Стен. отчет. М., 1961. С.743.
7. Учительская газета. 1990. N 23. С.11.
8. XII съезд РКП/б/.
9. РЦХИДНИ ф.7. Оп.2. Д 109. Л 17.
10. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. Т.4. М., 1990. С.151.

ЛЕКЦИЯ 5.

БЮРОКРАТИЗАЦИЯ И ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Проведение радикальных социально-экономических преобразований в отсталой стране при отсутствии широкого кадрового корпуса управленцев и просто специалистов объективно требовало от правящей большевистской партии тщательного регулирования процесса распределения руководящих кадров, отбора лучших, отстранения несправившихся с делом и т.д. Эти функции в аппарате ЦК правящей партии перешли к функционировавшему учетно-распределительному отделу, который возглавил С.И.Сырцов. Первоначально на этот отдел возлагались относительно скромные задачи статистического изучения состава партии, проведения партийных переписей, партийных мобилизаций на фронты и другие решающие участки. Однако постепенно этот отдел становился важнейшим инструментом правящей верхушки партии во главе с И.В.Сталиным для контроля над руководящими кадрами и их перемещением в вертикальных и горизонтальных плоскостях партийной иерархии.

С.И.Сырцов - бывший региональный работник, стал причастен к большой политике и вошел фактически в высшую элиту партии. Его деятельность в аппарате ЦК отразила основные противоречия в функционировании партийной элиты, ее положительные и отрицательные стороны.

Он начал свою работу с проведения летом 1921 г. переписи ответработников, которая заложила основу работы учраспредотдела. Была установлена следующая система учета кадров. Каждый комитет учитывал персонально те кадры, которые он распределяет: ЦК - губернских секретарей, губкомы - уездных и т.д. Персональный учет преследовал цель выяснения

практического стажа, способностей и квалификации. С.И.Сырцов провел всесоюзное совещание учраспредотделов губкомов, на котором были приняты новые формы учета на основе дифференцированного подхода. Проведена работа по выдаче единого партбилета, упрощенного до минимума. Учет отныне производился не по партбилету, а по личной карточке, хранящейся в парткомитете. Под руководством Сырцова была развернута борьба с "местничеством"-зачислением в списки высших категорий местных работников по связям и знакомству без учета действительной ценности кадров.

К июню 1922 г. был налажен учет ответработников центральных учреждений, а в сентябре этого же года начался учет резервов и коммунистического студенчества. Именно с этого времени персональное учет-распределение стало твердой системой.

Формально С.И. Сырцов отвечал за учет и распределение партийных кадров, фактически он непосредственно создавал, быть может не осознавая этого до конца, особую социальную группу - партийно-государственную бюрократию или номенклатуру. Термин "номенклатура" не являлся в тот период чем-то предрассудительным и означал перечень руководящих должностей, замещающихся данным партийным органом или список лиц, которые находятся в резерве на замещение.

Под непосредственным руководством С.И.Сырцова был установлен перечень должностей, по которым производилось назначение и перемещение работников только с ведома ЦК, а на местах с разрешения местных комитетов. Таких должностей было установлено 3500. Была учреждена вторая группа должностей в госаппарате, по которым назначение производится ведомствами, но с уведомлением ЦК. Для подготовки решений о перемещениях в Учраспредотделе было создано 7 комиссий, которые за один год пересмотрели назначение 1102 работников, анулировав решения по 278 работникам. Главное внимание учраспредотдел сосредоточил на передвижениях работников высшего эшелона власти. Естественно, особо контролировалось выдвижение работников в партийный аппарат.

Особое место в деятельности учраспредотдела занимали вопросы упорядочивания материального положения нуждающихся активных работников партии и прежде всего элиты. В лечебно-санитарной и в материальной помощи нуждалась значительная группа партийцев-подпольщиков, чье здоровье было ослаблено пребыванием в тюрьмах, на каторге и на фронтах гражданской войны. Однако в ряде случаев меры помощи превышали необходимый уровень и фактически являлись замаскированной формой привилегий. Начиная с 1921 г. начала функционировать иерархическая система номенклатурных привилегий, которые выразились в лечении в специальных санаториях, продовольственных пайках, предоставлении жилплощади, загородных дач и т.д. Ряду высокопоставленных деятелей была представлена возможность получить медпомощь за границей. Оргбюро ЦК РКП(б) в июле 1922 г. приняло постановление "Об улучшении быта партийных работников".

Постановление гарантировало определенный уровень жизни 15325 руководителям, а вместе с семьями - 74470. Введена система должностных окладов по разрядам: 12 разряд - секретарь партячейки, 17 - член ЦК и т.д. (1)

С годами функционирования этой системы, она получала все более структурированный характер, наполняясь самыми разнообразными формами материального обеспечения партработников, официально получавшими партмаксимум. Причем сами бывшие революционеры не считали это привилегиями, а логичным восполнением затраченных ими энергии и усилий во имя государства диктатуры пролетариата. Следует подчеркнуть, что в своем подавляющем большинстве, партруководители этого времени действительно сутками сидели на работе, не имели собственности и в целом довольствовались скромными запросами. Однако уровень жизни представителей элиты и их семей хотя и уступал нэпманскому, но превосходил уровень материального обеспечения трудящихся масс. И в этом проявился начавшийся отрыв партруководителей, лидеров различного ранга - так называемого авангарда рабочего класса от самого пролетариата.

Учраспредотдел взял на учет в 1923 г. почти 3000 партработников. С помощью учетной документации кадры были сгруппированы по 9 направлениям работы: партийная, профессиональная, советская, экономическая, промышленная, судебно-карательная, военная и охраны труда. Главным источником для формирования кадрового корпуса была элита большевизма - старая гвардия "подпольщиков". На каждого была заведена личная карточка, включающая характеристики, биографии и дополнительные материалы. К марту 1923 г. по 81 губернии было взято на контроль продвижение по службе 2134 подпольщика. Наиболее активной частью явились партийцы, вступившие в партию в 1912-1916 гг. Часть низовых работников стремилась отойти от деятельности парторганизаций. На губернском уровне участились случаи оттирания старых партийцев с должностей молодыми кадрами, стремящимися сделать карьеру.

О роли старых большевиков в руководящем составе в руководстве страны говорят следующие цифры. Из 46 членов ЦК - большевиков с дореволюционным (дофевральским) стажем было 45, из 15 членов Президиума ВЦИК - 14, из 341 членов ВЦИК - 218 (64%), из 126 кандидатов в члены ВЦИК - 51 (40,5%), из 17 наркомов - 16 (94,1%) из 69 членов коллегий наркоматов - 52 (77,3%), из 112 секретарей губкомов партии - 70 (62,5%). (2)

Результаты бюрократического творчества Сырцова и его отдела воплотились в нескольких трудах: " Сборник инструкций по учету и распределению партработников". М.Красная новь 1923,"Руководящие кадры РКП (большевиков) и их расределение. М. ГИЗ 1924 и др. В последней брошюре С.И.Сырцов попытался объяснить для чего понадобилась номенклатура в государстве, претендовавшем на развернутую демократию для всех трудящихся - то есть большинства народа. Во введении говорилось, что привлечение к управлению сотен тысяч членов Советов " не дало гарантии успешного разрешения задачи управления". такая гарантия дается только наличием "выпестованного Лениным в течение десятков лет идейно вышколенного и закаленного в бою кадра революционных работников". Именно поэтому и была создана система управления, основу которой составил "кадр партработников, распределяемый партийными органами, беспрекословно выполняющих предначертания партии, кадр дисциплинированных товарищей, осознающих необходимость этих назначений".

Учраспредотдел вел кадровую политику на основе сочетания старых, опытных кадров и молодежи, пытаясь обеспечить преемственность и сохранение лучших традиций. В условиях возрастающего нажима Сталина, Молотова, Кагановича, требовавших жесткого контроля над персональными перемещениями руководителей, Сырцов пытался поставить кадровую политику на научные основы, создать систему, которая не зависела бы от политической конъюнктуры. Это привело к ослаблению позиций Сырцова на этом посту и впоследствии к его отставке.

С.И.Сырцов в 1923 г. пишет на имя И.В.Сталина докладную, в которой сообщает о распространении среди партработников порочной практики совместительства. Формально числясь на 5-10 должностях такие руководители физически не успевают делать порученные им дела так как им положено. такая работа является во многом формальной и с профессиональной точки зрения неэффективной, и поэтому Сырцов предложил принять меры по пресечению этой практики. (3)

Принцип профессионализма противоречил принципу номенклатурности подбора кадров по признакам политической и личной надежности с точки зрения генсека ЦК РКП(б). Предлагаемые меры в конечном счете подрывали смысл существования учраспредотдела и лишали партаппарат возможности держать в руках советских и народно-хозяйственных руководителей. Это было последняя докладная Сырцова на имя Сталина. Он был направлен в Ленинград на идеологическую работу, что несомненно было серьезным понижением. На его место пришел новый работник - Л.М. Каганович, никогда не допускавший вольностей в проведении сталинской политики и проявлявший непомерную активность и энергию в реализации замыслов вождя, не считаясь ни с чем.

Деятельность учраспредотдела подверглась накануне XIII съезда РКП(б) реорганизации. Из состава Организационного отдела был выделен самостоятельный Информационный отдел. Оставшиеся структуры Оргтотдела были объединены с Учраспредотделом и в результате возник Организационно-распределительный отдел. Официально было заявлено, что это позволит теснее связать организационную работу с распределением партийных сил, имея в виду хорошо налаженный учет кадров как в центре, так и на местах. Это объединение преследовало далеко идущие цели И.В.Сталина. Его явно не устраивала направляющая функция сырцовского отдела с пре-

тензиями на теоретические разработки. Связав воедино учет партийцев с их распределением и сменив С.И.Сырцова на более преданного ему Л.М. Кагановича, И.В.Сталин получил мощное оружие в деле превращения партии в "орден меченосцев", в полугосударственную структуру. Новый отдел обеспечил продвижение на принципиально важные посты в партии и государстве преданных лично вождю кадров и устранения инакомыслящих.

С этого времени процесс оформления номенклатуры и создания сталинской бюрократии резко ускорился. Кадровая политика сталинского аппарата была направлена на подготовку необходимых условий для замены строптивой старой партийной гвардии новыми кадрами.

Молотов и Каганович запретили самостоятельную трактовку циркуляров ЦК местными партийными организациями. Специальным постановлением Оргбюро ЦК от 30.XI. 1922 г. был введен секретный порядок хранения постановлений ЦК. Был установлен специальный шифровальный код телеграмм из обкомов, ЦК. Секретари обкомов партии получили исключительное право распоряжаться секретной информацией о теневых сторонах жизни парторганизаций и контролировать прессу. Коммунисты с этого времени стали делиться на "посвященных" и "непосвященных" в тайны партии.

Наконец в целом, в партии прослеживался устойчивый процесс перехода всей полноты власти от выборных органов - к исполнительным аппаратам этих органов, контролируемых первым секретарем- иерархом в номенклатурной "лестнице" партии. Секретариат ЦК контролировал прохождение вопросов через Политбюро и Оргбюро и держал непосредственную связь с губкомами. Объединенная ЦКК-РКИ оказалась не в состоянии контролировать высшие партийные инстанции, так как, во-первых, погрязла в пучине дел по контролю госаппарата всех уровней; во-вторых, сталинское руководство сделало ЦКК орудием против оппозиции и своеобразной партийной полицией.

По образцу партийных органов в госаппарате были созданы свои учраспредотделы и секретные части по всем отраслям работы и ведомствам. Создав дублирующую систему номенклатурного контроля, Секретариат ЦК принял специальное решение о запрете этим органам ссылаться на партийные документы и решения учраспредотдела. Но иногда это лицемерие прорывалось наружу и получало огласку.

Орграспредотдел в своей деятельности стал исходить из установки об обеспечении прочной связи рабочего класса и аппаратных структур. Предметом большой заботы было продвижение "рабочих от станка" в низовые, затем более высокопоставленные комитеты партии. Главным показателем единства рабочего класса и партийного авангарда считалось количество рабочих по происхождению и по профессиональной деятельности, выдвинутых в аппарат. Добиться необходимого процентного превосходства этой категории работников над остальными: (крестьяне и служащие) было очень не просто, так как управленческая деятельность в рамках центра-

лизованного партийно-бюрократического государства требовала определенного уровня образования, теоретической подготовки в рамках государственной идеологиимарксистско-ленинской, наконец определенные навыки и опыт работы. Это обуславливало тот факт, что во всех группах ответственных работников государственного аппарата партийная интеллигенция составляла половину, в области идеологической работы подавляющее большинство. Среди коммунистов Наркомпроса и органов печати 93% были интеллигенты, имеющие высшее и среднее образование. (4)

В издании статистического отдела ЦК РКП(б) "Партия в цифровом освещении" опубликована таблица сравнительного анализа служащих коммунистов по социальному происхождению и социальному занятию. В понятие "социальное положение" включалось основная профессия или основное занятие, которое в наибольшей степени определяло, по мнению отдела, принадлежность работника к той или иной социальной группе. Состав коммунистов- служащих по социальному положению в процентном отношении к составу РКП(б) на 1 января 1925 г. 19,3%, из них ответственных - 28,2, рядовых - 19,7. На основании этих данных статотдел подчеркивал, что коммунистов - служащих из числа рабочих должно быть не менее 50%. (5)

В инструкции об определении социального состава организаций в партстатистике ЦК ВКП(б) разъяснялось, что социальное положение коммуниста - его положение в обществе определяется по его основной профессии, дающей заработок. Она не должна смешиваться с занятием или работой, которую коммунист вел в данный момент опроса. Главным критерием определения социального положения коммуниста являлся характер труда, служившего источником средств для существования в течение наиболее положительного периода его биографии. Итогом такого понимания проблемы стало резкое расхождение между двумя показателями состава ВКП(б) по социальному положению и роду занятий, достигавшего 20% и более. По данным переписи 1922 г. удельный вес рабочих по социальному положению составлял 44,4%, а по роду занятий - 10%, в 1924 году в партии было 17,6% пролетариев и служащих, связанных с производством и транспортом (Правда,1924,18 января). Это вызвало необходимость резкого повышения уровня пролетаризации. Данной цели был посвящен ленинский призыв в партию 100000 рабочих. За один год в партию вступило 240 тыс. человек - 1/7 часть рабочего класса страны. В результате кампании удалось формально поднять показатель пролетаризации партии до 40%, но фактически это привело к размыванию партии огромным количеством малограмотных рабочих и крестьян. Абсолютизация роли рабочего класса, известное обожествление его всемирно-исторической миссии не позволяло увидеть реальный рабочий класс, с его жизненными проблемами и желаниями. Упрощенное понимание пролетарского характера партии и в целом -государства диктатуры пролетариата как арифметическое преобладание в партии представителей рабочего класса на практике приводило элиту к игнориро-

ванию интересов крестьянства, интеллигенции, других слоев общества.

Вожди большевизма понимали, что единственной гарантией от перерождения партии в условиях ее диктаторского положения в обществе может быть ее связь с рабочими массами, авангардом которых она была в дореволюционный период. В этих целях руководство при Ленине и особенно после Ленина взяло курс на искусственную пролетаризацию партии. Были введены такие приемы и способы организации приема в партию широких кругов трудящихся, которые давали преимущественные права именно рабочим. Но возможности оздоровления партии таким социальным регулированием состава ее рядов чрезвычайно ограничены. Несмотря на свою прогрессивную роль в развитии общества, в развитии народного хозяйства, особенно в промышленности, российский рабочий класс не отличался высоким образовательным уровнем, а одного классового чутья было недостаточно для руководства страной. В партию стремились войти тысячи проходимцев, для которых правящая партия была не больше чем кормушкой. Хотя Ленин предостерегал партию от превращения ее в "поганое стойло карьеристов" (6) и настаивал на введении жестких ограничений, это не было учтено в должной степени. После его смерти бурно развивалась тенденция абсолютизации роли рабочего класса.

Несмотря на целенаправленное внедрение рабочих в органы государственного и партийного управления, бюрократизация аппарата продолжала нарастать. Это связано с тем, что сталинское руководство призывало к рулю таких рабочих, которые выполняли решения свыше, не внося своего корректирующего начала, личного творчества. Орабочивание партии носило специфический формализованный характер, что определялось не столько конкретным руководством партии, а более глобальными причинами-противоречием между военно-коммунистической моделью правящей партии и объективной потребностью политического плюрализма, учета интересов широких слоев рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции.

В послереволюционном обществе партия стала средоточием всех командных импульсов. Вынужденная взять на себя функции прямого распределительства, рабочая партия стала терять черты политической партии как общественной организации, объединявшей передовых рабочих и интеллигентов. Было объективно невозможно соединять в себе функции выразителя собственных интересов рабочей массы, противостоящей работадателю-государству, национализировавшему промышленность, и самого государства, ориентированного на организацию самопожертвоания рабочих во имя мировой революции. Партия в условиях послереволюционного развития закономерно отошла от специфического рабочего движения и трансформировалась в правящую структуру полугосударственного характера.

Перестроив свои структуры на удержание власти в условиях гражданской войны, большевистская партия не смогла вернуться после ее окончания к демократическим принципам своего функционирования. Развитие авторитарно-бюрократических тенденций, выразившихся в администрировании, формализме, заорганизованности, вождизме, конъюнктурной идеологизации, обусловило перерождение партийного авангарда в замкнутую элитарную группу, руководящий слой кадров, вставший над рабочим классом и всем обществом.

Эволюция элиты определялась усилением власти в руках партийного руководства, трансформацией власти в руководящее ядро общества, монополизации ею легальной политической деятельности в стране. Партийная верхушка стала растворяться в госаппарате, трансформируясь из революционной партии в управленческую. Огосударствлевание партии закономерно вело к образованию оформленной политической элиты. Решения ЦК стали носить директивный характер и содержали помимо политических чисто административные решения.

Рядовые партийцы были фактически отстранены от политического процесса. Все полномочия были присвоены руководящим кадрам, отдавшим на откуп партячейкам только право на поддержку ЦК. Процесс бюрократизации партии и отчуждения ее элиты от партийных масс еще находился в стадии развития, но уже четко обозначился в сознании критически настроенных большевиков из оппозиционных кругов.

Перед ней объективно стояло два пути или возможности развития: либо элита развивается за счет совершенствования процесса формирования и обновления своих рядов, усиления обратных связей с массами и остается группой лучших, первых и равных: либо при неверном принципе подбора кадров элита деградирует, превращаясь в правящее сословие. В силу объективных и субъективных факторов развитие пошло по второму пути.

Большевистская элита стала отходить от рабочего движения и трансформировалась в иерархическую организацию полугосударственного характера. Развитие авторитарно-бюрократических тенденций, выражавшихся в администрировании и формализме, заорганизованности и вождизме, конъюнктурной идеологизации обусловили перерождение партийного авангарда в замкнутую кадровую группу, вставшую над рабочим классом и над всем обществом. Закрепление элитизма руководства сопровождалось по принципу двойного представительства в партийных и советских структурах, постепенного распространившейся и на другие органы управления, партийная верхушка стала одновременно государственной, советской, профсоюзной элитой, трансформируясь в управленческое сословие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аргументы и факты. 1990. N 27. С. 2. Собеседник. 1990. N 36. С. 6.

2. Итоги партийной работы за год. (1922-1923). М., С. 100, 102, 104.

3. РЦХИДНИ ф. 17 оп. 84 д. 480 Л. 20.

4. Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. М.,1924. С.128.

5. Партия в цифровом освещении. М., 1924. С.128.

6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.345.

ЛЕКЦИЯ 6.

ПАРТИЙНАЯ И БЕСПАРТИЙНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К СТАЛИНСКОМУ ЭТАПУ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Раскол большевистской политической элиты по вопросам влияния нэпа на строительство социализма и перерождения политического режима привел к образованию трех основных течений: лево-коммунистической демократической оппозиции Троцкого-Зиновьева, умеренно-прагматического направления Бухарина-Рыкова, и, наконец, аппаратно-бюрократического центра во главе со Сталиным. Каждая из этих групп элиты претендовала на самое подлинное и достоверное выражение интересов диктатуры пролетариата в новых условиях. Одним из центральных элементов течений в партии было определение отношения к непролетарским слоям населения, в том числе к интеллигенции. Актуальность этой проблеме придавало то обстоятельство, что большевистская политическая элита по социологическим признакам составляла категорию служащих, занимавшихся высококвалифицированным умственным трудом и формально в полном составе могла относиться к интеллигенции. По мере хронологического отдаления от революционного времени вопрос о самоидентификации слоя "пролетарских революционеров" и особенно его преемников, становился все более острым. Решение этой проблемы во многом зависело от отношения к старой российской интеллигенции, доверия к ней и использования при строительстве нового общества.

После прихода большевистской партии к власти в ней постоянно боролось две тенденции: признание необходимости использования компетентных профессионалов в решении практических проблем и политическое недоверие к ним как буржуазным старорежимным реакционерам-специалистам, потенциальным контрреволюционерам. В.И.Ленин в этом вопросе допускал известные колебания от призывов к сотрудничеству со старыми специалистами до требований замены их рабоче-крестьянскими преставителями. Но усилиями В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого в годы гражданской войны был утвержден курс на активное использование под контролем правящей партии старых специалистов сначала в области военного строительства, а после окончания военных действий в народнохозяйственной сфере. Принцип рабочего управления был сменен принципом совмещения пролетарского руководства с накопленными буржуазными профессиональными представителями

опытом и знаниями. Решения IX и X съездов в этом направлении ставили компетентность в руководстве выше социального происхождения и признавали достаточным простую лояльность старой интеллигенции к новой власти для сотрудничества с ней.

Эта линия подверглась жесткой критике со стороны группировок инакомыслящих лево-демократической направленности. Активисты "рабочей оппозиции", группы "демократического централизма" сочетали призывы к демократизации режима с борьбой против привлечения старой интеллигенции, отказываясь видеть наличие общности между оппозицией и интеллигенции в отношении критики правящих верхов. Левые инакомыслящие доказывали, что в области культуры нужна политика подлинно "пролетарской культуры", означавших прямое господство рабочих в культурных учреждениях, дискриминацию старорежимных деятелей культуры и прежних традиций, использование мер принуждения для создания условий культурного развития пролетариата. Наряду с А.А.Богдановым создателем подобных представлений был Н.И.Бухарин, отдавший большую дань левацким настроениям. Г.Е.Зиновьев на XII партконференции обосновал идею о политическом наступлении на носителей буржуазной идеологии в свете произведенной массовой высылки большой группы гуманитарной интеллигенции за границу. Но центристская позиция В.И.Ленина позволила направить усилия партии в сторону привлечения старой технической интеллигенции к мирной организационной работе.

После его отхода от политической деятельности снова активизировались апологеты концепции рабоче-коммунистического управления и оттеснения старорежимных кадров. На местах усились требования снижения оплаты труда старой технической интеллигенции. На нее организовывались административные гонения, создавались помехи в службе, моральное ущемление, дискриминация, неэтичные поступки партийцев в отношении специалистов. Главной причиной растущего "спецеедства" было невежество и низкая культура рабочих, большинство из которых было связано с деревней. Они недостаточно понимали специфику инженерного и управленческого труда. Это усиливалось распространяемыми средствами массовой информации лозунгами о всемирно-исторической роли пролетариата, его особости и сверхзначимости и т.д. Такие идеи материализовались в сознании рабочих в вульгарные представления о превосходстве рабочих над интеллигенцией. Классовый поход в оценке социально-экономических проблем превращался в иллюзию непогрешимости пролетариата как носителя абсолютной истины.

В рядах большевистской элиты также процветал классовый подход к анализу интеллигенции. Согласно этому принципу интеллигенция не являлась самостоятельным социальным слоем со своими специфическими интересами и интеллектуальной собственностью, а примыкала к определенным классам, выражая их интересы яснее и глубже, чем они сами. Наиболее

нигилистически и узкоклассово относились к интеллигентам члены новой политической элиты, происходившие из деклассированных люмпенизированных слоев общества. Занимаясь революционной организаторской работой, публицистической деятельностью и другими видами умственного труда и не имея систематического образования, нравственного воспитания, полноценных качеств пролетарского революционера они стали подлинными люмпен-интеллигентами, революционерами на один день, как говорил М. Горький. Усвоив психологию вечного подпольщика, всегда скрывающегося и подозревающего, они внесли ее в деятельность партийных органов, разрабатывающих политику в интеллигентском вопросе.

Аппаратно-бюрократическая группа таких деятелей, сгруппировавшихся вокруг Сталина, испытывала неприязнь к старой интеллигенции, но до поры до времени не присоединялась к антиинтеллигентским заявлениям в виду политико-конъюнктурных соображений. Шла борьба за власть и принципы в ней играли вторичную роль для вождей сталинского типа. Сталин не любил излишне самостоятельных и активных деятелей, даже если на каком-то этапе он не расходился с ними в суждениях. Логика внутрипартийной борьбы вынудила сталинцев в середине 20-х гг. поддерживать умеренную линию в отношении интеллигенции, солидаризируясь с А. В. Луначарским, поправевшим Н. И. Бухариным, последовательным защитником старой интеллигенции А. И. Рыковым и в какой-то мере даже с Троцким, всегда поддерживавшим специалистов-профессионалов.

В том, что ведущие большевистские деятели - хозяйственные руководители привлекали старых специалистов, отстаивали нэп и систему гражданского мира в обществе была своя закономерность, так как именно большевистская партийная интеллигенция представляла собой самую подготовленную теоретически и профессионально часть политической элиты. В основном это были интеллигенты не только по социологическому признаку конкретной деятельности в данный момент, но и по происхождению, образованию, воспитанию, восприятию духовного наследия старой культуры. В силу этого они объективно тяготели к сотрудничеству со старой интеллигенцией, вступая с ее виднейшими представителями в переписку /Луначарский-Короленко/ или в публичные дискуссии /Бухарин-Павлов/ и в личные контакты /Каменев, Троцкий/. В отличие от сталинских деятелей большевики-интеллигенты шли в ряде случаев дальше простого использования старой интеллигенции, активно привлекая ведущих ученых к разработке социально-экономических концепций реализации нэпа в народном хозяйстве, чем заслужили обвинения в свой адрес сначала лидеров оппозиции вроде Г. Е. Зиновьева, а затем сталинцев.

Лидеры умеренного крыла большевистской элиты хорошо осознавали свое генетическое родство с интеллигенцией. Общеизвестно, что В. И. Ленин, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский и другие в различных анкетах отмечались как "литераторы", не скрывая свое социальное происхождение, образование, основные профессиональные занятия и т. д. Н. И. Бухарин говорил, что имеет "привилегию или недостаток" - происхождение из интеллигенции, которую очень хорошо знает.

Эту линию проводил Сырцов в период своего руководства сибирской краевой парторганизацией в 1926-1929 гг. Он постоянно в своих речах и статьях и говорил и писал об осторожности в отношениях с интеллигенцией, необходимости отказа от администрирования и нажима. Следует подчеркнуть, что положения, содержащиеся в работах Сырцова, не были исключением из ряда вон. Подобных воззрений в основном придерживалась вся партийная интеллигенция. Известны разнообразные работы Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, А. В. Луначарского, содержащие так называемые "руководящие указания" о привлечении интеллигенции. Д. Б. Рязанов писал: "Пора покончить с тем прохладным, презрительным, индифферентным отношением к интеллигентскому труду. С легкой руки целого ряда товарищей хозяйственников, индустриалистов, поклонников физического труда, у нас пошло несколько легкое отношение к умственному труду... Пора кончать с той махаевщиной, которую мы сами породили в собственных рядах." (1)

Другим характерным примером являются работы М. Н. Рютина - будущего героя антисталинского сопротивления. В изданной в 1924 г. в Ростове-на-Дону брошюре он доказывал, что русская интеллигенция не пойдет уже за сменовеховцами, так как в основном уже сделала выбор в пользу советской власти. Это определялось тем, что интеллигенция всегда выполняет служебную роль, являясь резервом работников "психического труда" для ведущих классов общества. (2) В другой брошюре М. Рютин писал о важности вычленения в среде интеллигенции не только врагов, но и лучших элементов, которые влились в рабочий класс и внесли в него пролетарское сознание "извне". Особо отмечал он рабочую интеллигенцию, к которой относил и себя. Недопустимо превращать РКП/б/ в чисто рабочую партию и развивать антиинтеллигентские подходы требовал Рютин. Надо ценить партийных интеллигентов, помня об их слабых местах - не без снобизма замечал автор. Нужно бороться не с интеллигенцией, а со спецчванством в этой среде! (3)

Между тем антиинтеллигентские подходы были широко распространены среди той части большевистской элиты, которая вышла из бывших низов царской России. Однако еще были сильны традиции революционной интеллигенции среди большевистской элиты. Лидеры правящей партии (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин и др.) претендовали на роль наследников Ленина и стремились закрепить за собой право интерпретации его теоретического наследия, выпуская многочисленные труды. Наряду с этим осуществлялось подготовка партийных кадров в совпартшколах и коммунистических университетах, которая началась еще при жизни В. И. Ленина. В 1921-1923 гг. были заложены основы государственной подготовки политических кадров, чем активно занимался учраспредотдел партии.

В. И. Ленин и другие большевики-интеллигенты ориентировали преподавательский состав партийных учебных заведений не на натаскивание по теоретическому минимуму, а на широкомасштабную теоретическую подготовку. В этой сфере первоначально проявлялся заметный плюрализм в рамках официальной доктрины. Широко использовались работы Мартова, Акимова-Махновца по истории социал-демократии, четырехтомник "Общественное движение в России в начале XX века", был популярен "Краткий курс экономической науки" А. Богданова. К чтению лекций привлекались А. Деборин, Л. Аксельрод, К. А. Тимирязев, Н. Н. Андреев, С. Г. Бархударов, Б. М. Завадовский, М. И. Оленев, Я. С. Преображенский и другие ведущие ученые.

В лучших комвузах страны - имени Свердлова и Петроградском работали большевики-интеллигенты: В. В. Ардоратский, А. С. Батурин, А. С. Бубнов, В. И. Невский /Кривобоков/, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, М. Ф. Владимирский, А. В. Луначарский, В. П. Волгин, А. М. Степани, А. Д. Удальцев, С. Г. Струмилин, Н. М. Лукин, Н. Н. Баранский, В. А. Быстрянский, П. Ф. Кудели, Ю. Мархлевский, Ф. Я. Кон, М. Н. Лядов, А. М. Деборин.

Известны свидетельства видных ученых А. К. Тимирязева, Я. С. Пржеборовского, обеспечивающих общеобразовательную подготовку в комвузе имени Свердлова. Эти профессора отмечали воодушевление и подъем, жажду знаний слушателей, "то было совсем не то, что в старых университетах, - чувствовалось революционное творчество..." (4) Росло новое поколение большевистской интеллигенции, которое при благоприятном развитии политической ситуации в стране могло бы обеспечить преемственность лучших революционных традиций и одновременно пресечь догматические тенденции. Однако всестороннее изучение марксистской теории в контексте мировой истории было осуждено как академизм, вредный для подготовки партработников. Речь шла об изучении определенной системы работ, положений, указаний вождя, адекватных политике правящей партии. Старые члены партии пытались максимально расширить рамки этой системы и напоминали требования В. И. Ленина к учебе, заключавшиеся в отказе от заучивания готовых формул и развитии умения самостоятельно вырабатывать коммунистические взгляды. Однако этот призыв не был услышан.

Пропагандистские ведомства последовательно стремились превратить ленинизм именно в систему формул, советов, заветов, рецептов, программ для руководства в практической работе. Тенденции к формализации образования новых партийных кадров была активно поддержана лидерами партии и государства.

В 1924 г. И. В. Сталин прочитал в Комуниверситете им. Я. М. Свердлова лекции "Об основах ленинизма", ставших образцом схематизирования и суждения теории, превращения ее в инструмент для обработки кадров партии. В. В. Куйбышев и Ем. Ярославский выступили с лекциями по проблемам функционирования организационных структур партии и т. д.

Левокоммунистические лозунги оппозиции, требования расширения

внутрипартийной демократии закономерно увлекли студенчество комвузов - будущую смену старой партийной гвардии. В этой среде начали развиваться процессы, способные в последствии обеспечить самовоспроизводство БПИ /большевистской интеллигенции/. Комвузы стали ориентироваться на более широкий набор общеобразовательных предметов при повышении академического уровня преподавания. Это привело к отсеву курсантов и слушателей, среди которых увеличилась интеллигентская часть. Именно представители новой интеллигенции стремились получить академические знания и придать комвузам характер факультетов общественных профессий. Объективно это была попытка отказаться от навязываемой сверху цели комвузов - подготовки не большевиков-интеллигентов, а партработника, функционера аппарата.

Часть слушателей комвузов поддержала оппозицию, что было в принципе закономерным явлением. Во-первых, слушатели несмотря на все мандатно-кадровые отборы были как правило выходцы из образованных слоев общества, во-вторых, так называемый "академический уклон" в учебе - т. е. широкое образование при минимуме классово-партийных ограничений, в-третьих, отрыв от люмпенизированных масс, тяготевших к абсолютному единству вокруг вождей. Эти обстоятельства объективно направляли активную часть красного студенчества в русло борьбы за внутрипартийную демократию, за возможность оказывать влияние на бюрократизирующиеся властные структуры. Не могли не вызвать симпатии и левые лозунги оппозиции, отражавшие революционный подъем молодежи. В дискуссиях 1923-1924 гг. определенная часть будущих партработников поддержала Троцкого, несмотря на значительные усилия руководства комвузов по пропаганде официальных решений. В конечном итоге партийному руководству комвузов удалось добиться перелома в настроениях студентов, активно включившись в так называемую разъяснительную работу. Для не допущения в последующем колебаний студенчества комвузов были созданы с этого времени объединенные парторганизации преподавателей и студентов, контролировавшие ход дискуссий. Когда в 1925 г. представители "новой оппозиции" пытались опереться на "Свердловку", то их попросту не пустили в аудитории и не дали "заразиться" духом инакомыслия!

Вопрос об известной дискриминации партийной большевистской интеллигенции давно остро стоял в партийной среде. Еще в период "ленинского призыва" в партию и борьбы с троцкистской оппозицией было начато беспрецедентное давление и выживание большевиков-интеллигентов из госаппарата. А. В. Луначарский писал о настоящем "разгроме интеллигентской части партии" в условиях, когда ставится вопрос о привлечении интеллигенции к коммунизму. Обращаясь к Л. Б. Красину, он подчеркивал: "Конечно, ни Вы ни я не станем утверждать, что партийная интеллигенция есть лучшая часть коммунистов, но и Вы и я одинаково уверены, как я полагаю, что без интеллигенции вообще новое строительство пойти не может и что

средний уровень нашей партии в смысле культуры и в смысле знания достаточно отдельных высококвалифицированных специальностей достаточно низок." Луначарский считал необходимым "полное прекращение противопоставлений верхов и низов, интеллигенции и рабочих внутри самой партии", если этого не прекратить, то партия будет "в огромной степени обезличена и обесцвечена" и не сможет стать "подлинно политической, культурной аристократией страны." (5)

Через 4 года после этого ситуация еще более усугубилась. Процессы, о которых писал Луначарский в частном письме стали явными и приняли характер социальной проблемы, но говорить о которой по-прежнему не рекомендовалось. Но Сырцов со свойственной ему откровенностью в речи на томской окружной конференции в декабре 1928 г. в момент начала травли бухаринско-рыковской группы партийных интеллигентов выступил в защиту партийной интеллигенции от нападок большевиков с пролетарской родословной. Он решительно осудил "проявления примитивного упрощенного пролетарского сознания", "граничащие с чванством к партийцам, не вышедшим из рабочей среды." Сырцов возникающий антагонизм между партийными интеллигентами и новыми поколениями большевиков объяснил тем, что, во-первых,"в нашей партии чрезвычайно много выходцев из самых разнообразных нерабочих слоев, в том числе выходцев послереволюционного периода, во-вторых, тем, что зачастую многие из этих выходцев являются носителями мелкобуржуазных влияний." Однако, "перебарщивать здесь нельзя", так как это привело бы к негативным последствиям, прежде всего принижению роли идеологии и теории, "носителями которых у нас является партийная интеллигенция, в том числе сложившиеся и складывающиеся рабочие-интеллигенты, интеллигентная рабочая молодежь." В заключение он подчеркнул, что третирование культурно-революционных сил и представителей дореволюционной партийной интеллигенции - "опасное явление, оно означает угрозу скатывания на путь узкого практицизма." (6)

В течение этого периода большевистская элита сокращалась в количественном отношении, теряя относительную самостоятельность и возможности "элитного плюрализма", но при этом продолжала в меру своего понимания интегрировать интересы населения страны. Она достаточно конструктивно субординировала и реализовывала запросы части рабочих, крестьянства, интеллигенции, стремилась обеспечить стабильность политической системы. Но эгалитаристские лозунги и решения плохо сочетались с реальными противоречиями нэпа, растущей бюрократизацией властных структур, обрастанием льготами и привилегиями правящего "авангарда".

Это доказывает конкретная противоречивая деятельность отдельных функционеров элиты в условиях нэпа. Конкретные факты деятельности Сырцова показывают, что в его лице проявилась умеренная, нэповско-прагматическая тенденция в правящей партии. Сделанный С. И. Сырцовым доклад о

вовлечении казачества в советское строительство на апрельском 1925 г. пленуме ЦК ВКП/б/ демонстрирует изменение политики большевизма по отношению к непролетарским слоям, перспективность нэпа в политическом отношении. Но этот поворот в казачьей политике не был бы окончательным отказом от генеральной линии на расказачивание - ассимиляцию, являясь ее проявлением в латентной форме.

С. И. Сырцова на посту первого секретаря Сибирского ВКП/б/ в 1926-1929 гг. ориентировал региональную элиту, состоявшую в основном из партработников-"почвенников", на приспособление к НЭПу, углубление кооперативной политики, развитие индустрии за счет внутренних ресурсов ("Сибирская корова приведет к индустриализации"), поддержку зажиточных крестьян-середняков ("Накопляйте, в добрый час!") и др. С этих позиций он резко критиковал троцкистско-зиновьевскую оппозицию.

Ход борьбы с троцкистской субэлитой и развертывание внутрипартийных дискуссий определил ужесточение политического режима, переход таких прагматиков как Сырцов на позиции сталинской фракции. Группа Троцкого-Зиновьева не предложила приемлемой платформы для рабочего класса и рост забастовочного движения расходился по векторам с оппозицией. В стране существовала социальная база для нэповского демократического развития - зажиточное крестьянство, часть рабочего класса и интеллигенции. Это доказывает сопротивление сибирского крестьянства "чрезвычайщине", которую начал Сталин во время своей поездки в регион. Сырцов во время этой кампании занял двойственную позицию, с одной стороны, он выполнил все указания Сталина по применению 107 статьи УК РСФСР ко всем неотдавшим хлеб крестьянам, с другой - убеждал местных деятелей, что это не означает свертывания НЭПа и возврата к "военному коммунизму". Эта двойственность была замечена группой местных ортодоксов во главе с Н. Н. Зиминым, обвинившим Сырцова в искажении классовой политики в деревне, в хвостизме по отношению к бедноте, в сдерживании "боевых директив" ЦК, и в самомнении. (Н. Н. Зимин в 1933 г. возглавлял на Дону борьбу с т. н. "кулацким саботажем" хлебозаготовок)

Комиссия ЦК в июле 1928 г. поддержала Сырцова, что обусловило его позицию в борьбе с "правым уклоном".

В отличие от Сырцова Л. М. Каганович на Украине, А. И. Микоян и А. А. Андреев на Северном Кавказе проводили значительно более жесткую политику и не допускали никаких колебаний. Постепенно в элите происходила поляризация и кристализация позиций ее членов в политическом и личностном отношении.

Большевики-интеллигенты всегда были в поиске новых вариантов развития, платформ оппозиций и т. д. Они становились центрами притяжения для образованной части большевистской молодежи, создавая свои "школы" и группы единомышленников. Динамичность и склонность к новаторству лучших представителей элиты не сводилось к простому поддерживанию су-

ществовавшего строя. Большевики-интеллигенты пытались корректировать формы этого строя. Опираясь на старую научную и техническую интеллигенцию, они старались учитывать реальные условия и сдерживать авантюристские планы партаппаратчиков, но либеральное отношение к старой интеллигенции по мере ужесточения режима сменялось у них все более радикально-экстремистским.

Анализ книг и статей Сырцова, обращенных к учительству, библиотечным работникам, кинематографистам и т.д. убедительно показывает, что партийная интеллигенция пыталась отстоять умеренно-прагматический подход к старой интеллигенции, исключавший репрессии и террор. Об этом же свидетельствуют приводимые выдержки из работ М.Н.Рютина, Д.Б.Рязанова, А.В.Луначарского. Работы Л.С.Леоновой показывают попытки большевиков подготовить собственную партийную интеллигенцию в комвузах и партшколах вплоть до середины 20-х годов.

С.И.Сырцов специально указывал на опасность принижения партийной интеллигенции, без которой невозможна научная разработка политики. Вокруг Сырцова в Новосибирске сложилась группа единомышленников из числа интеллигентов, выходцев из других партий, журналистов, которая не только поддерживала его в борьбе, но и организовала выпуск журнала "Настоящее". Это своеобразное большевистское "культурное гнездо" составило впоследствии основу для антисталинской фракционной группы Сырцова. Утопизм и радикализм этой группы проявился ярко и показательно в ходе ее полемики с М.Шолоховым по поводу романа "Тихий Дон", который потакал якобы белогвардейцам.

На партийную и беспартийную интеллигенцию в конце 20-х годов было организовано беспрецедентное давление со стороны сталинизма, приведшее в конечном итоге к репрессивным акциям. Решающим мотивом власти стала необходимость реагирования на появление ряда листовок, обращенных к интеллигенции с призывом к развертыванию безынициативной деятельности на грани саботажа. Приведенные в главе сводки ОГПУ отмечали отстраненность интеллигенции от платформы троцкистской оппозиции и ее поддержка факта инакомыслия. Донесения о контактах старых специалистов с эмиграцией, об учащении фактов аварий и травматизма стали для сталинизма аргументами в развертывании антиинтеллигентской кампании. Процесс подготовки и осуществления шахтинского процесса над так называемыми вредителями г.Шахты и показывает, что он стал принципиальной вехой в формировании разгрома партийной и беспартийной интеллигенции. Но в отличие от последней большевистской элите свойственна имманентная особенность, состоящая в том, что она одновременно являлась интеллектуальным центром и властно-бюрократической группой. Это порождало внутреннее противоречие: как партийная интеллигенция она критиковала власть, выступала против бюрократизма и произвола, но как властная группа она в основном поддерживала политический режим, видя в нем средство утверждения в

перспективе социалистических идеалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РЦХИДНИ. ф.301.оп.1.Д.76.Л.72.
2. Рютин М. Сменовеховцы и пролетарская революция. М., Ростов н/Д, 1924. С.20.
3. Рютин М. Партия и рабочий класс. М., 1924. С.80.
4. Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах. М., 1972. С.124.
5. Коммунист. 1991. N 12. С.103-104.
6. За четкую классовую линию. Сборник. Новосибирск, 1929. С.156.

ЛЕКЦИЯ 7.

КРИЗИС ВНУТРИЭЛИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ 20-х ГГ.

1929 год по известному определению И.В.Сталина стал годом "великого перелома на всех фронтах социалистического строительства" и это было действительно так, если иметь в виду свертывание нэпа, создание административно-командной системы управления экономикой и всем обществом. Хозяйственный расчет в промышленности сменился директивным планированием, кооперирование крестьянских хозяйств переросло в принудительную кооперацию, экономика в целом стала объектом волюнтаристского экспериментирования. Все это сопровождалось прогрессирующей бюрократизацией общества и господствующей партии.

Исполнявший обязанности наркомвнудела РСФСР В.Н.Толмачев, в 1928 г. на II съезде административных работников республики откровенно отметил развивающуюся опасность "противопоставления части государственного аппарата рабочему классу", что является коренным извращением принципиальной установки рабочего государства. "Это очень большая опасность и ее надо уничтожить в самом зародыше" - предупреждал нарком, будущий борец против сталинизма. (1)

М.Н.Рютин - герой антисталинского сопротивления в 30-х гг. писал задолго до своего подвига по поводу обнаруженных в шахтинской, артемовской, смоленских парторганизациях т.н. "гнойниках", что в них забыли о таких прививках против перерождения, как связи кадров партии с рабочими массами, систематическая проверка повседневной практики нефальсифицированным марксизмом. Рютин даже открыто заявил, что ни партия, ни политика руководящих кругов не являются самоцелью, а только народ. Это было неординарное заявление, так как в среде большевистской элиты доминировало представление о своей партии, как особом отряде -

авангарде рабочего класса, спаянном единством мысли и дела, жертвами и подвигами, кровью и потом, освященном всемирной исторической миссией. Многие лидеры этой "мессианской" партии находили такие исторические аналогии своей организации, как "каста самураев" (Троцкий), "орден меченосцев" (Сталин), "революционный орден" и "железная когорта" (Бухарин) и т.д. Фетишизированное понимание роли партии, абсолютизирование ее как особой ценности, имеющей самостоятельное значение, нанесло непоправимый ущерб самой идее социализма как народовластия, ради чего создавалась изначально эта партия.

Рютин попытался проанализировать состояние руководящих кадров ВКП(б), т.е. партийной элиты, в свете выявленных шахтинского, смоленского, артемовского и других "дел". Рост руководителей отстает от роста требований к этим кадрам, вытекающих из задач культурной революции. С огорчением он констатировал, что секретари губкомов партии накануне XI съезда партии по своему происхождению на 41,7% относились к графе "прочие", а не к рабочим и крестьянам. К XII съезду партии - 54,5% к XIII съезду партии - 51,4% к XV съезду - 51,3%. Приблизительно такой же процент выходцев из "прочих" у заворгов губкомов, несколько меньший у секретарей уездных комитетов. Что касается заведующих агитпропами, то выходцев из непролетарских семей здесь более 70%.

Но Рютин не призывал к простой замене кадров из "прочих" выходцами из рабочих, преданных партийному курсу и уставу ВКП(б). Главная его идея - о необходимости воспитания новых кадров, в том числе высших руководителей. "Вожди не падают готовыми с неба, они вырабатываются и отбираются всей обстановкой борьбы и социалистического строительства. Вожди вырастают путем накопления и обобщения с помощью революционного марксизма-ленинизма, политического опыта руководства массами и практической работой. А это невозможно выполнить без подтягивания молодых, показавших себя на работе сил в руководящие органы". (2)

Несмотря на самостоятельный и критический взгляд на руководящие кадры партии во главе со Сталиным, М.И.Рютин еще не видел всей глубины проблемы перерождения большевистской партии и прежде всего ее политической элиты. В этот период яснее и четче других осознавали смысл происходящей трансформации лидеры разгромленного троцкистско-зиновьевского блока(Л.Д. Троцкий и Х.Г.Раковский).

Высланный за границу Лев Давидович Троцкий опубликовал цикл статей в журнале "Вестник оппозиции", в которых развил и углубил концепцию об образовании в СССР на основе правящей политической элиты нового господствующего класса. Х.Г.Раковский в своем письме Н.Валентинову от 6 августа 1928 г. проследил процесс его образования. первоначально проявилась тенденция перехода инициативы от борющихся масс и их авангарда в руки аппарата управления. В образующейся бюрократии набрал силу дух групповщины и личных интересов. Постепенно власть становится

атрибутом все более узкого круга лиц. Аппарат правящей партии превратился в "бюрократическую касту". Перерождение ленинской партии он считал следствием порочных методов сталинского руководства, основанных на жестокости, деспотизме, аморальности.

Однако несмотря на свою активную борьбу со сталинским политическим режимом большинство представителей коммунистической оппозиции в скором времени подали заявления о раскаянии. Вернувшись в столичные центры, они вновь были допущены к политической деятельности, но уже во втором и третьем эшелоне власти. Получили они и положенные в таком случае иерархические привилегии, которые они ранее обличали как симптом перерождения. Это было обусловлено переходом сталинской группировки на позиции в экономической сфере, близкие к платформе троцкизма ,и невозможностью для старых революционеров существовать вне партии, ставшей их судьбой и смыслом жизни. Но представляется и немаловажная третья причина - они были частью сложившейся политической элиты. Несомненно это была ее лучшая часть - искренняя, честная, преданная своим идеалам, но тем не менее она обладала общим для всей элиты менталитетом властвующего слоя, достаточно далеко отдалившегося от основных масс трудящихся.

В середине 20-х гг. резко возросло значение элемента обособления политической элиты СССР - секретного делопроизводства и информации. Все чиновники ведущих партийных, государственных и военно-чекистских учреждений в центре и на местах включались в систему особой информации, которая отличалась от публикуемой в печати своей приближенностью к действительности. Сюда относились конкретные персональные дела проштрафившихся работников, закрытые решения, указы, приказы, постановления, информация о забастовках, крестьянских волнениях, бандитизме и других фактах, не вписывающихся в русло официальной доктрины.

Секретной была информация о деятельности троцкистскозиновьевской оппозиции - ее программные документы, заявления лидеров, сопротивлении, а также вмешательстве органов госбезопасности во внутрипартийные дела. Быть допущенным к такой информации означало быть действительным членом номенклатурной элиты.

Руководство ВКП(б) отчетливо понимало важность обеспечения секретности такой информации и разработало особые правила по конспирации особого делопроизводства. Были составлены специальные списки членов номенклатурной элиты, которые получали стенографические отчеты пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б), информационные сводки отделов ЦК, ОГПУ, иностранную эмигрантскую печать. Получение и возврат документации строго контролировались специальными подразделениями, которые по истечении определенного времени сжигали ставшую неактуальной документацию. В ОГПУ существовал спецотдел, следивший за обеспечением секретности делопроизводства, допуском к нему проверенного ограниченного круга людей.

Расхождение интересов политической элиты и трудящихся нашло выражение в росте забастовочного движения. В информационной сводке информационного отдела ЦК ВКП(б) "Итоги колдоговорной компании 1927-1928 гг." сообщалось о целой серии волнений рабочих на предприятиях страны, в том числе массовых забастовках в Твери, Люберцах, Ленинграде. Причинами забастовок были названы: 1. снижение зарплаты, 2. Увеличение норм выработки, затяжка в подписании договоров, 3. крупные недостатки в организационно- производственно и массовой работе заводских организаций. Причем наибольшее число волнений было среди высококвалифицированных рабочих-металлистов. Хотя основные мотивы были экономические, в ряде случаев выдвигались и политические лозунги. (3) Рабочие выступали против бюрократизма администрации, партийного аппарата. В одной из листовок призывалось: "будьте готовы к борьбе с советской буржуазией. Да здравствует свобода. Да здравствует братство и равенство всех народов, долой советских бюрократов. Долой чиновников старой царской армии. Рабочий класс сумеет сам править государством". (4)

Шла социальная дифференциация среди коммунистов, как не пытались предотвратить ее лидеры партии. Характерным примером появления новых групп большевиков со своими особыми интересами являлся рост числа зажиточных крестьян из партийцев. Как информировало ОГПУ в общей массе хозяйств крестьян-коммунистов преобладали не бедняцко-середняцкие группы, а середняцко-зажиточные, со средствами производства стоимостью 300-700 рублей. При вступлении в партию они в подавляющем большинстве были бедняками, однако затем, пользуясь доверием властей, получили кредиты, доходы от советской службы, даже нанимали батраков и арендовали землю. Они сторонились участия в колхозах и преимущественно состояли в простейших кооперативах. ОГПУ рекомендовал обкомам партии радикально пересмотреть лицо деревенских парторганизаций, чтобы в будущем иметь опору для новых преобразований в сельском хозяйстве.

В партии развивался процесс перерождения. На партийном сленге это называлось "болезненными явлениями" в партячейках. Сводки по фактам таких явлений регулярно составлялись информационным отделом ЦК и анализировались руководством. Болезненные факты были вскрыты во многих губерниях, охватив широкие круги партработников. Наиболее типовыми и однородными явлениями были факты пьянства, кутежей, увлечение карточными играми, растраты государственных денег, "вербовка в специальных целях сотрудниц учреждений". Все это сопровождалось подбором госаппарата по неделовым качествам. Для таких парторганизаций характерна была "атмосфера замалчивания, безнаказанности и круговой поруки со стороны ответработников". Руководящая верхушка с помощью неверной информации пыталась создать у центра впечатление благополучия, вводя систематически в заблуждение высшие парторганы. Резко усиливалась бюрократизация парткомитетов, деятельность в ряде случаев носила явно "бумажный

характер". В результате развивалась "запутанность дел в советских органах, бесхозяйственность, бесконтрольность, несработанность советской верхушки и отсутствие всякой плановости в работе". Вскрывались подобные факты "гнили" в результате, как правило, усилиями чем-то обиженных и недовольных "сообщников". не поладивших с остальными коллегами по работе.

Практически одновременно с шахтинским на всю страну прозвучало Сочинское дело. В постановлении ЦКК ВКП(б) от 6 апреля 1928 года говорилось, что в Сочи, начиная с 1926 года, верхушка советского и партийного аппарата на протяжении трех лет систематически расходовала государственные средства, совершала уголовные преступления. Советские органы были засорены бюрократами и подхалимами, которые прикрывали злоупотребления высших начальников и содействовали им в их грязных делах. В этой среде процветало пьянство, разврат, всякого рода злоупотребления и использование служебного положения в личных корыстных целях. После проверки парторганизации контрольная комиссия исключила из партии около 700 человек или 11,9% состава Черноморской парторганизации.

Зав. сектором ЦК Рошаль попытался выявить причины распространения болезненных явлений в меру своего понимания ситуации. По его мнению главным фактором являлось то, что традиционные переброски кадров затрагивали узкий круг высшего регионального руководства, а основная масса чиновников сидит на местах с окончания гражданской войны и подбирает кадры из "угодных" лично им людей. Не увидев больше никаких причин бюрократизации Рошаль предложил оживить партруководство, своевременно реагировать на прорывы, не посылать на места проштрафившихся работников из центра, мобилизовать вокруг фактов общественно-политическое мнение партии с помощью прессы. (5)

Сталинский аппарат, возглавляемый В. М. Молотовым, Л. М. Кагановичем, рассчитывал преодолеть тенденцию "нэповского" перерождения, обуржуазивания элиты на местах резким усилением контроля, давления сверху, дисциплины на основе ужесточения политического режима.

Иная политика предлагалась прагматическим крылом руководства, представленное председателем Совнаркома А. И. Рыковым, руководителем профсоюзов М. П. Томским и редактором "Правды" Н. И. Бухариным. Каждый из них имел группу близких единомышленников или учеников, которые трактовали генеральную линию партии в относительно либеральном духе и фактически склонялись к идее смешанной экономики с элементами частнокапиталистического уклада и индивидуальным трудовым хозяйством.

Вокруг Н. И. Бухарина группировалась молодежь из числа выпускников Института Красной Профессуры, комвузов. ИКП стал в глазах сталинцев рассадником всяческих партийных уклонов. (6) Это явление было закономерным, так как существовавший в 20-е гг. " большевистский плюрализм" позволял доверенным идеологическим кадрам иметь широкий доступ к

иностранной печати и литературе, включая эмигрантскую. (7) Сама природа партийного интеллигента обязывала его иметь собственное суждение о существе разногласий, партийной политики, личностях вождей. Сталин был вынужден распустить бюро партячейки ИКП за поддержку Бухарина и ужесточить правила приема и обучения. Но главное беспокойство представляли выпускники ИКП, вошедшие в окружение Бухарина и составившие костяк газеты "Правда" и журнала "Большевик". В. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, П. Г. Петровский, Е. В. Цейтлин, А. Д. Зайцев, В. В. Кузьмин, В. Н. Астров, П. Ф. Сапожников, А. Ю. Айхенвальд стали, по выражению сталинского идеолога Л. З. Мехлиса, идеологическим ядром правого уклона. В целях предотвращения в будущем подготовки оппозиционно настроенных партийных интеллигентов было решено формировать состав слушателей на основе социального происхождения, связи с парторганизацией, партстажа и верности генеральной линии ЦК. (8)

М. П. Томский сосредоточил в Президиуме ВЦСПС и краевых советах профсоюзов реформистски настроенных кадров, таких как Ф. Я. Угаров, Г. Р. Ударов, Я. К. Яглом, В. М. Михайлов и др.

В своей деятельности эти профсоюзные лидеры проводили политику правящей партии на превращение общественных организаций в передаточные звенья в механизме "диктатуры пролетариата", но одновременно пытались развивать традиционную для профсоюзов функцию социальной защиты трудящихся от собственника средств производства- в данном случае государства. Попытка Томского и его окружения соблюдать относительную независимость от партийных структур вызывало сильное раздражение сталинских аппаратчиков.

Важным центром умеренных сил большевистской партии стал Московский комитет ВКП(б) во главе с Н. А. Углановым. "Ситцевая" Москва традиционно была центром легкой промышленности и ее руководители заботились о развитии отраслей группы "Б", рынках сбыта и т. д. Среди сторонников Угланова, ориентировавшегося на линию Рыкова, были М. Н. Рютин, Е. Ф. Куликов, М. А. Пеньков, В. А. Яковлев и другие секретари райкомов г. Москвы.

Наиболее серьезное и заметное влияние умеренного прагматизма прослеживалось в деятельности председателя Совнаркома в СССР и РСФСР А. И. Рыкова и целого ряда правительственных деятелей. Среди них выделялся заместитель Рыкова по Совнаркому РСФСР А. П. Смирнов, фактически выполнявший в силу загруженности Рыкова в союзном правительстве и Политбюро обязанности руководителя российского правительства. Его речи и статьи наглядно убеждают в том, что он был самый последовательный и убежденный сторонник НЭПа, развития трудового индивидуального крестьянского хозяйства, активного использования товарно-денежных отношений.

А. И. Рыков и А. П. Смирнов опирались на Н. П. Брюханова, В. В. Осинского, В. В. Шмидта, М. М. Фрумкина, Э. Квиринга, И. А. Теодоровича, М. Боголепова, А. И. Догадова и др. видных деятелей. В 1925-1926 гг. активно поддерживал умеренную политику М. И. Калинин, выступления которого практически не отличались в содержательном плане от речей Рыкова и Бухарина. Демонстрировали свою лояльность рыковской линии зампред ОГПУ Г. Г. Ягода и наркомвоен К. Е. Ворошилов. Особо важное значение имело единство позиций А. И. Рыкова и Ф. Э. Дзержинского. Знаменитый Председатель ВЧК-ОГПУ, по воспоминаниям В. В. Валентинова, был типичный "правый коммунист", требовавший умеренной политики в крестьянском вопросе. Его смерть в 1926 г. серьезнейшим образом ослабила позиции рыковцев, позволила Сталину установить контроль над карательными органами и превратить их в инструмент борьбы за личную власть.

А. И. Рыков стал центральной фигурой умеренно крыла большевистской элиты, так как Бухарин был непоследователен, допускал левые отклонения в духе своих прошлых колебаний, а Томский как рабочий-революционер имел естественную предвзятость в отношении частно-капиталистических элементов НЭПа.

А. И. Рыков был проводником союза рабочего класса с крестьянством на исключительно экономических принципах и фактически придерживался политической линии 1905 г. -"демократической диктатуры пролетариата с крестьянством". По воспоминаниям бывших сотрудников Рыкова, он и его заместитель А. П. Смирнов видели в крестьянском вопросе альфу и омегу экономической политики. Под влиянием идей Н. Д. Кондратьева о ведущей роли крестьянства в такой стране как Россия, он признавал важность естественного развития сельского хозяйства, вписывающееся в мировое разделение труда. Исходя из такого понимания аграрной проблемы, А. И. Рыков в середине 20-х гг. разделял идею "строительства социализма "черепашьим шагом", учитывавшей реальные возможности сельского хозяйства как источника накоплений для индустриализации. Прагматическое крыло большевистской партии пытались решать задачу внутрисистемного реформирования, соблюдая социальный мир в стране и избегая потрясений и репрессий. Но под воздействием ожесточенной внутрипартийной борьбы, критики как левой оппозиции, так и формально-центристской группировки Сталина, бухаринско-рыковское направление сместилось влево, в сторону усиления государственного контроля за рыночными отношениями. Несмотря на такую эволюцию, Рыков и его единомышленники оставались приверженцами НЭПа. Противоречивость их позиции была продиктована временем и средой. Они пытались совместить традиционные для большевизма идеалы с интересами основного населения страны - крестьянства, в результате чего допускали колебания и отклонения, квалифицированные Сталиным как "правооппортунистические".

В своей работе А. И. Рыков часто выступал с технократических позиций. Это выражалось в стремлении к децентрализации управления, предоставлении регионам относительной самостоятельности в ходе кампании

районирования. Он активно протестовал против постоянного вмешательства орграспредотдела ЦК в решении кадровых проблем Совнаркома. Характерная для большевизма непримиримость в Рыкове и ряде других большевиков-интеллигентов: Милютине, Чичерине, Оболенском, Осинском, А. П. Смирнове была выражена значительно меньше, чем у сталинцев, что сказалось на их позиции на крутых поворотах истории. Это не означало, что А. И. Рыков был либералом в современном значении и всегда отдавал предпочтение реформам и демократии. В годы гражданской войны он эффективно реализовал свои полномочия в ранге чрезвычайного уполномоченного по снабжению в рамках системы "военного коммунизма". До революции он успешно работал в подпольных комитетах и относился к пролетарским революционерам. Наконец, он весьма недолюбливал некоторых большевиков-интеллигентов: Каменева, Сокольникова, Красина именно за "чистоплюйство". Этим обстоятельством воспользовался И. В. Сталин во время внутрипартийной борьбы середины 20-х гг. для их устранения из высшего эшелона власти.

Отречение большевистской интеллигенции от власти, как "путаников-умников", "интеллигентских хлюпиков", было для Сталина предметом первой необходимости. Они мешали твердо и непреклонно осуществлять намеченную линию форсированной индустриализации и коллективизации, подавления инакомыслия в среде интеллигенции и других слоях общества.

Выживание правопрагматического крыла нэповцев из правительственных структур началось после смерти Ф. Э. Дзержинского и назначения на пост председателя ВСНХ В. В. Куйбышева. Вскоре Л. Б. Каменева заменил гибкий А. И. Микоян, быстро влившийся в группу сталинских приверженцев. Г. К. Орджоникидзе занял пост председателя ЦКК- РКИ, позволявший контролировать назначения руководящих работников. Смерть Цюрюпы также ослабила силы прагматиков-нэповцев. К XV съезду партии из правительства РСФСР вышли А. Г. Белобородов и И. Н. Смирнов, которые, хотя и являлись сторонниками левой оппозиции, но по многим хозяйственным и административным вопросам солидаризировались с Рыковым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рютин М. Руководящие кадры ВКП(б) //Большевик. 1928. N 15.
2. ГАРФ. Ф 374 С. Оп 27. Д 2080. Л. 370.
3. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 308. Л 33.
4. Там же. Д. 308. Л 56.
5. Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 212. Л. 7.
6. Соловей В. Д. Подготовка историков партии в 20-30-е гг. //Вопросы истории КПСС. 1990. N 12. С. 96.
7. Авторханов А. Технология власти.
8. Мехлис Л. Институт красной профессуры и проблема кадров //Партийное строительства. 1930. N 2.; Партийное строительство. 1930. N 6. С. 31-35.

ЛЕКЦИЯ 8.

"ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ" БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ

Решение этого центра нанести решающий удар по бухаринско-рыковской группировке в высшем эшелоне партии было подготовлено всем ходом внутриэлитной борьбы 20-х годов. Учитывая, что Бухарин, Рыков, Томский были соратниками Ленина, виднейшими представителями политической элиты, пользующимися авторитетом среди рабочих, крестьян и интеллигенции, Сталин огромное внимание уделил сбору компроментирующего материала исторического характера. Помощник Сталина Товстуха собирал сведения о всех расхождениях с Лениным данных деятелей, их просчетах в борьбе с троцкистами. Сам Сталин лично вел картотеку ведущих деятелей, отмечая на карточках достоинства и недостатки коллег, их основные концепции и подходы, которые он зачастую использовал как свои.

Обобщая известные ему информации, известный деятель итальянской компартии Серра сообщал в ЦК своей партии: "Сталин это плагиатор, потому что не им не быть, потому что в интеллектуальном плане он посредственен и бесплоден и потому, что втайне завидует интеллектуальному превосходству Троцкого, Бухарина и др., чего простить им не в состоянии. Он пользуется их идеями от разу к разу, от случая к случаю, в зависимости от обстоятельств. А потом, присвоив себе эти идеи, переходит в атаку против обворованных, ибо для него важны не принципы, а монополия на власть." (1)

Необычайно помогли Сталину не только двухлетний опыт борьбы с троцкизмом, но и сами партийные вожди-либералы. Не претендуя на полноту власти и чураясь систематической борьбой с противостоящей фракцией Сталина, они в силу неумолимой логики фракционного противоборства в верхах партии все-таки были вынуждены искать союзников, конспирировать и т. д. Делали это они столь неумело, что нанесли ощутимый ущерб своему положению в бюрократической иерархии. Особенно негативное значение имела встреча Н. И. Бухарина с только что восстановленным в партии бывшим лидером оппозиционного блока Л. Б. Каменевым.

Руководители ОГПУ Г. Г. Ягода, М. Трилиссер в период внутрипартийных столкновений в московской парторганизации в конце 1928 г. выступили в поддержку Угланова. М. Трилиссер даже провел заседание группы сторонников Угланова в своем кабинете на Лубянке. Г. Г. Ягода в силу своего служебного положения знал состояние в экономике и информировал руководство страны о росте забастовочного движения и крестьянских волнений. Как умный политик, он отдавал себе отчет, что предлагаемый бухаринско-рыковской группой курс на углубление нэпа, наиболее близок к чаяниям крестьянства и может способствовать их умиротворению. Но он не

обладал такими качествами как принципиальность, мировоззренческая убежденность и принес в жертву своей карьере правильное понимание экономических проблем. Перейдя на сторону И.В.Сталина и его окружения, он переключил ОГПУ на решение задачи по разгрому правой оппозиции, не ставя в известность тяжелого больного В.Р.Менжинского. (2) Эстет и полиглот, слабохарактерный интеллигент, он не вмешивался в эти дела.

Секретно-политический отдел ОГПУ вел оперативное наблюдение за всеми членами группы Бухарина, регулярно сообщая сводки лично Сталину. С этого времени Г.Г.Ягода стал практически игнорировать бухаринцев, скрывая от них секретную информацию, которую им было положено знать как членам Политбюро. По его указанию, начальник отделения оппозиционно-политического отдела А.Ф.Рутковский начал провоцировать оппозицию с помощью секретных агентов ОГПУ в окружении Бухарина, Рыкова, Томского на фракционные действия с целью оформления внутрипартийных течений в организационные структуры антипартийного характера. Эти планы были зафиксированы в специальной агентурной разработке СПО ОГПУ под кодовым названием "Противники".

Развертывая личностную дискредитацию партийных интеллигентов-либералов, Сталин и его окружение стремились представить дело, что речь идет о более высоких материях: борьбе ленинизма и оппортунизма. В реальной действительности в высших партийных кругах возникло и нарастало критическое отношение к сталинскому курсу на "чрезвычайщину", свертывание нэпа и ужесточение политического режима. Партийная интеллигенция, сосредоточенная в аппарате СН, ВЦСПС, МК ВКП/б/ и в различных редакциях и вузах была объективно предрасположена к сохранению относительного и ограниченного коммунистического плюрализма в идеологии, в политической системе, к экономическим мерам регулирования взаимоотношений различных экономических укладов в народном хозяйстве. Но эта предрасположенность не успела вызреть не только в оппозицию, но даже более или менее четко оформленный уклон. Это был, говоря словами зав.агитпропом МК Мальденштама, уклон, которого не нужно бояться. Но, уклон, который имел тенденцию к развитию в силу наличия заинтересованных социальных слоев общества, прежде всего крестьянства,представлял опасность для политики Сталина. По данной причине Сталин жаждал предотвратить новые внутрипартийные дискуссии.

В обращении ЦК "Ко всем членам Московской организации" от 18 октября впервые был официально поднят вопрос о правом уклоне. На самом пленуме Сталин выступил с речью "О правой опасности в ВКП/б/". Главной его задачей была попытка убедить партию, что "правый" уклон не является чисто "московской болезнью" и не носит элитарного характера, а является проявлением объективной тенденции в партии, означающую "склонность к отходу от генеральной линии партии в сторону буржуазной идеологии."

Продолжалось формирование условий для "разгрома" бухаринской группы и ее политической ликвидации. Один из секретарей редакции "Правда" Попов-Дубовский сообщил Молотову, что Цетлин, Слепков, Астров ведут в редакции фракционную работу и на основании этого доноса их немедленно устранили из этого органа.

К Бухарину в "Правду" политкомиссаром был назначен Г.Крумин, к Томскому в ВЦСПС - Л.Каганович. Однако Г.Крумин оказался не на уровне тех требований, которые олицетворял сталинский "вышибала" Л.Каганович. Слишком интеллигентный Крумин был дополнен более верным сталинцем - Л.З.Мехлисом.

С назначением Л.З.Мехлиса произошли самые радикальные перемены в содержании и стиле работы редакции. "В самый короткий срок не только безоглядно улетучилась привычная для редакции товарищеско-демократическая атмосфера, но и сама "Правда", которая, хотя именовалась центральным органом партии, но была в общем нормальной газетой, превратилась в некую безапелляционно-директивную инстанцию." (3)

На ноябрьском пленуме ЦК 1928 г. Сталин продолжил подготовку общественного мнения партийной элиты в русле необходимости углубления борьбы с пресловутым "правым" уклоном, проявляющийся в критических письмах М.Фрумкина и гнездящийся в "наших советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных аппаратах, а также в аппарате партии, особенно в низовых деревенских ячейках."

Группа Бухарина-Рыкова пошла ва-банк. В заявлении от 30 января 1929 г. бухаринцы сформулировали основные обвинения сталинскому большинству в поощрении бюрократизма в партии, скатыванию к троцкизму в экономических вопросах, военно-феодальной эксплуатации крестьянства, в разложении Коминтерна. На состоявшихся заседаниях Политбюро и Президиума ЦКК ВКП/б/9 февраля 1929 г. и пленуме ЦК и ЦКК в апреле этого же года сталинское большинство центрального комитета отказали бухаринцам в довери в самых резких выражениях. Но решения пленума не были опубликованы в печати, так как, по мнению Сталина, общественное мнение было не готово для известия о расколе высшего руководства. Но было принято решение о развертывании беспощадной борьбы в практической работе всех организаций со скрытой формой правого уклона, "когда органы на местах под прикрытием официального согласия с решениями извращают классовую линию."

Эти указания были конкретизированы XVI партконференцией. В принятых шести резолюциях были сформулированы основные направления борьбы с так называемой "правооппортунической практикой", в том числе изгнанные из аппарата чиновников, не дающих отпор нэпманам, очищение партии от бюрократов, борьбу со скрытыми троцкистами, мясниковцами, децистами и с любым инакомыслием. Главной целью этих мер было обеспечение единомыслия в партии, беспрекословной поддержки курса партийных верхов.

Л. Шацкин в статье "Долой партийного обывателя" написал об угрожающих симптомах превращения значительной части партии в "молчаливое большинство", готовое проголосовать не задумываясь за любую директиву сверху, о нарастании в нижних этажах партии слоя хорошо унавоженной почвы, благоприятной для всхожести диктатуры одной личности. Близкой по духу была статья Я. Стэна.

Ориентированная на Сталина часть новых партийных кадров - новоявленных интеллигентов немедленно обрушилась на инакомыслящих. В этом плане показательна статья Л. Мехлиса, Н. Ежова и П. Поспелова "Правый уклон в практической работе и партийное болото". Они всеми силами доказывали, что правооппортунистическая практика включает в себя то самое "партийное болото", игнорирующее политику партии, а борьба с ним на основе решений ЦК есть безусловная обязанность коммунистов. Таким образом, в ходе разворачивавшегося процесса поиска правых оппортунистов происходил разлом партийной интеллигенции в целом, и большевистской элиты в частности. Этот раскол вынуждал колеблющихся делать решительный выбор и он осуществлялся как правило в пользу сталинизма. Присоединяясь к мехлисам и поспеловым, партийные интеллигенты делали не только политический, но и нравственный выбор, который в значительной степени предопределил их дальнейшую судьбу.

Само участие в идеологических разгромных кампаниях, в ошельмовании своих товарищей предопределяло многие последующие позиции потенциальных сторонников оппозиций. Поддержав Сталина в его замыслах, замаравшись в грязи интриг, пропагандистских разоблачений, приняв на себя часть ответственности за новый поворот в политике, большевики-интеллигенты сковывали себе руки и совесть. В этом отношении интерес представляет позиция С. И. Сырцова, который будучи близок по взглядам к умеренному крылу руководства, стремился сделать карьеру в 1929 г. - стать премьером российского правительства.

И. В. Сталин решил освободить А. И. Рыкова от должности руководителя совнаркома РСФСР под предлогом децентрализации и повышения статуса, самостоятельности этого поста, не связанного с такой же должностью в СССР. Вопреки мнению Г. Маленкова, не верившего Сырцову, Сталин склонялся к назначению Сырцова на этот пост. Решающим моментом нового назначения стала речь Сырцова на апрельском Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП/б/ 1929 г.

Речь Сырцова на этом пленуме была выслушана без реплик и замечаний, что для этого собрания элиты было не характерно. Большевистский парламент внимательно слушал кандидата на высокую должность и оценивал его политическую позицию. Сырцов сдал экзамен на верность сталинскому большинству более чем успешно.

В мае 1929 г. на XIY Всероссийском съезде Советов назначение С. И. Сырцова было оформлено официально. Вскоре он был кооптирован в кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП/б/.

С. И. Сырцов с воодушевлением приступил к работе, опираясь на свой богатый опыт руководства огромным Сибирским краем. Однако вскоре он убедился в том, что пост председателя Совнаркома РСФСР не вписывается в систему политического и народнохозяйственного руководства, сложившегося к тому времени. Все нити руководства сходились в кремлевском кабинете Сталина, а на долю республиканского правительства выпадала честь выполнения указаний и конкретизации решений. РСФСР в условиях сталинского "союза республик", превратившегося фактически в унитарное государство, не имела даже той самостоятельности, которая декларировалась применительно к другим республикам. В силу этого обстоятельства пост предсовнаркома РСФСР являлся передаточным звеном высокого уровня, а Сырцов - высокопоставленным чиновником, отвечающим за функционирование республиканских наркоматов второстепенного характера: местной промышленности, коммунального хозяйства, лесного и др. Хотя Сырцов практически сразу же был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП/б/, то есть стал причастен к высшему политическому руководству, он рассматривался Сталиным и его соратниками в основном как крепкий хозяйственник, организатор и исполнитель.

Такое место и роль совершенно не устраивали Сырцова - политического деятеля по призванию. Выполняя возложенные на него обязанности конкретного характера, спрашивая, выясняя, наказывая, управляя, руководя работой совнаркома, он стремился внести свой вклад в формирование генеральной линии. Его видение многих проблем экономического развития страны отличалось от сталинских установок и стало вскоре проявляться в его речах и статьях.

Сырцов и многие партийные интеллигенты настороженно восприняли курс сталинизма на форсированную коллективизацию. Н. К. Крупская попыталась обратить внимание партийных организаций на преодоление массовых перегибов в ходе проведения коллективизации села. На Бауманской конференции г. Москвы она проанализировала систему выявленных фактов "перегибов" и указала на несоответствие проводимой практики с ленинским кооперативным планом. Ее выступление подверглось разносной критике Л. Кагановича, который оценил оценку Н. К. Крупской как играющую на руку правым и троцкистам. Но особенно плохо выглядело, по мнению Кагановича, сопоставление политики Троцкого 1920 г. по милитаризации профсоюзов с коллективизацией. (4)

Такой подход к решению проблем был характерен для основной массы большевистской партийной интеллигенции, не принадлежавшей к левому и правому флангу партии. Не принимая душой радикализм троцкистов, нэповский "термидор" бухаринцев и экстремистский псевдоцентризм сталинцев, большевики-интеллигенты мучились, колебались, искали пути выхода в самозабвенной работе на полученном ими участке работы. В этой среде

Сырцов смотрится как активный боец при сравнении с такими интеллектуалами как Д. Б. Рязанов и А. В. Луначарский. Акад. Рязанов был выдающимся марксоведом, постоянным инакомыслящим членом ЦЕ при Ленине. В 20-х гг. возглавлял Институт Маркса-Энгельса. Отстраненный от политической деятельности, он продолжал время от времени выступать на различных партийных съездах с критическими речами. Его речь на XYI съезде партии вызвала особое раздражение Сталина. Вскоре было организовано обследование института, в результате которого выявилось, что институт самоустранился от задач социалистического строительства, борьбы с троцкизмом и с правым уклоном, выплачивал деньги в виде гонораров оппозиционерам. Во время следствия над так называемыми "вредителями" из Промпартии, на Рязанова дали показания И. И. Рубин, который подробно описал способ инакомыслия Д. Б. Рязанова. (5) С одной стороны, он проявлял себя как видный коммунист, директор идеологического института, с другой - он находился в постоянном конфликте с органами партии. Как официальное лицо Рязанов старался не переходить ту грань, которая отделяет его от партии, но, что он не мог позволить себе в открытых выступлениях, он высказывал в частной форме полунамеками в беседах с доверенными лицами. Он избегал установления контроля ЦК над институтом, стремился придать своей деятельности отвлеченно научный, академический характер. Он выражал сочувствие социал-демократии, критиковал суровые меры ЦКК ВКП/б/ по отношению к оппозиции, непосильные темпы коллективизации. Он постоянно конфликтовал с партбюро института, не принимал участия в его работе. Рязанов не верил в будущее Коминтерна, считая его искусственно развившейся организацией и поддерживал дружеские связи с лидерами II Интернационала Ф. Адлером и Р. Гильфердингом. В его высказываниях постоянно проявлялось тяготение вправо, к коалиции с некоммунистами.

Другим характерным примером двойственного инакомыслия в рамках авторитарно-бюрократического режима являлась деятельность наркома просвещения А. В. Луначарского. Будучи человеком высочайшей культуры, он не мог воспринимать интеллигенцию как свою экологическую нишу, хотя официально повторял установки ленинизма об интеллигенции как мелкобуржуазной прослойке. Он активно поддерживал Сталина во внутрипартийной борьбе, но в 1928 г. вступил с ним в косвенную конфронтацию по проблемам подготовки новой советской интеллигенции.

Луначарский воспротивился решению Сталина реорганизовать систему высшего технического образования в духе постановления ЦК ВКП/б/ о Шахтинском деле. Согласно этому решению технические институты передавались из ведения либерального наркомпроса в подчинение ВСНХ. Это означало одновременно недоверие Наркомпросу и его лидеру и отказ от проводившейся наркоматом линии на воспитание не узких специалистов, а подлинных интеллигентов советского общества.

Я. А. Вышинский выступая на ноябрьском пленуме ЦК 1929 г. пошел еще

дальше и выдвинул идею наступления на вузовскую интеллигенцию как условие подготовки коммунистических специалистов. Это связано с тем, что профессорско-преподавательские кадры вооружены совершеннейшим техническим оружием, но "зато идеологически нам чужды." Среди преподавателей выходцев из среды рабочих всего 1%, что служило доказательством их "чуждости". Для того, чтобы изменить социальный облик высшей школы - надо провести дифференциацию и чистку преподавательского состава и "ударить очень сильно по старой академической традиции бесконтрольности профессорского преподавания."

Еще более обострился конфликт в вопросе о фабрично-заводских училищах. Луначарский и его сподвижники настаивали на том, что они должны давать молодым рабочим общее образование наряду с профессиональным. Их противники утверждали совершенно иное: "Сейчас не время говорить о гармоническом человеке старого типа... Время слишком трудное, разбрасываться не приходится, нужен однобокий тип деловика, волевика, мозговика. От всечеловечности - к резкой классовой тенденциозности и непримиримости. Нужен верующий, нужен фанатик социалистического строительства." (6)

Что мог противопоставить этому Луначарский - большевик, по мнению Сталина, "из руководителей, отживающих свой век", ставший вместе с Красиным и другими устаревшим типом большевиков-интеллигентов, отошедших на второстепенные роли? Осознавая, что надвигается нечто страшное, он писал, что стране не нужны фанатики с обуженным сознанием, растворившие свои личности и оригинальности в примитивно понимаемой коллективности. "Стадная личность легко подчиняется всякому бонапартизму, вождизму. Стадный человек не может критически относиться к тому, что представляет ему жизнь." (7) Его никто не слушал и Луначарский вместе со всей коллегией наркомпроса подал в отставку, что явилось хотя и пассивным, но инакомыслием.

Процесс оттеснения - "отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых "вождей" постоянно развивался, по мнению Сталина, в российской социал-демократии и сменившей ее компартии, так как "это необходимый процесс обновления руководящих кадров живой и развивающейся партии." И Сталин не постеснялся конкретизировать свою квазимарксистскую мысль: "Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красины и т. д. - таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли." (8)

Обращает на себя внимание полупрезрительное отношение к большевикам-интеллигентам, некоторые из которых - Покровский, Луначарский - входили в состав партии. Несомненно, что этому типу старых вождей Сталин относил гораздо более широкий круг деятелей партии, представлявших лидеров-литераторов, организаторов, способных творчески осмысливать

действительность, и идеологов, способных к организационным действиям. Такие лидеры были не нужны ему, так как все уже осмыслено Лениным, интерпретировано Сталиным, дело остальных квалифицированно исполнять, руководить конкретными формами классовой борьбы. Сталин прямо заявлял:"старый тип работника-всезнайки должен уступить место новому типу работника, старающемуся быть хозяином дела в о..ной какой-нибудь отрасли работы." (9) Интеллигенты-всезнайки, большевики-литераторы должны быть сменены формирующимся новым типом партработников, квалифицированно исполняющим предначертания новых типов вождей.

В течение 1929-1930 гг. Сталин и его ближайшее окружение - В.М.Молотов, Л.М.Каганович, Л.З.Мехлис осуществили решительные удары по партийной интеллигенции, добившись ее отстранения от активной политической деятельности. Капитуляция Бухарина, Рыкова, Томского на ноябрьском пленуме ЦК, раскассирование всех комитетов, редакций, президиумов, в которых имелись сторонники умеренно-прагматического курса на основе НЭПа, партийные репрессии против лидеров уклона означали начало радикальной чистки партии. По всей стране была развернута чистка госаппарата, непроизводственных партийных ячеек, которая свелась к устранению партийной и беспартийной научно-технической интеллигенции. В центральных правительственных ведомствах были удалены с постов Г.М.Кржижановский из госплана, Н.И.Угланов сначала из МК ВКП/б/, а затем - из наркомата труда, Н.П.Брюханов из наркомата финансов, Г.Г.Чичерин из наркоминдела, М.М.Фрумкин сначала из наркомата финансов, а затем - из "Союзрыбы".

И.В.Сталин в письме В.М.Молотову ставил задачу отстранения В.В.Шмидта, Э.Квиринга, И.А.Теодоровича, В.В.Осинского, А.И.Догадова и др. Он писал:"центральная советская верхушка /СТО,СНК, совещание замов/ больна смертельной болезнью. СТО из делового и боевого органа превратили в пустой парламент. СНК парализован водянистыми и по сути дела антипартийными речами Рыкова. Совещание замов, являвшегося раньше штабом Рыкова-Сокольникова-Шеймана, теперь имеет тенденцию превратиться в штаб Рыкова-Пятакова-Квиринга или Боголепова... противопоставляющий себя Ц.комитету партии. Ясно, что дальше так продолжаться не может. Нужны коренные меры."

Эти коренные меры были просты и категоричны - освободить и разогнать! Молотов должен сменить Рыкова на посту предсовнаркома и в результате "при такой комбинации мы будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что несомненно удвоит наши силы." Такие же меры намечались в отношении Сырцова.

Окончательное слияние партийной и советской власти на основе проверенных сталинистских кадров, чуждых каких-либо свойств и качеств интеллигенции - было главным итогом этого переломного момента истории. На политический олимп рвалось новое поколение партийных лидеров, не

испытывавших колебаний в борьбе за указанный курс, не сомневавшихся в методах достижения цели. Этот массовый слой бюрократических кадров, доказавших свою преданность режиму, ничуть не сомневались в своем праве представлять интересы пролетариата вместо старой партийной гвардии. Новое поколение мехлисов было не обременено избытком мудрствований, страданий, колебаний, сомнений, утопических иллюзий. Оно быстро начало превращаться из политической элиты в социально-номенклатурное "сословие", подобие "нового класса".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Трухин Г.А. Политическая дискуссия 1023-1929 гг. о путях строительства социализма. М., 1990. С.21.
2. Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С.192.; ВЧК-ГПУ. Сборник документов. Бернсон. 1989. С.214-215; Социалистический вестник 1929. 14 июня. С.14.
3. Новое время. 1993. N 35. С.52-57.
4. О выступлении тов. Крупской на X Бауманской партконференции МК ВКП/б/ 1930.
5. РЦХИДНИ Ф.155. Оп.1. Д.26. Л.5.
6. РЦХИДНИ Ф.17. Оп.85. Д.378. Л.8-9.
7. Яковлева Т. Луначарский. М., 1991. С.109-110.
8. Сталин И.В. Соч. Т.7. С.43.
9. Там же. С.171.

ЛЕКЦИЯ 9.

ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ ОРГАНИЗОВАННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ АВТОРИТАРНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОМУ РЕЖИМУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х ГГ.

Начавшееся после поражения бухаринско-рыковской группировки беспрецендентное выживание из высших эшелонов власти представителей партийной интеллигенции было закреплено системой партийных санкций и организованных мероприятий. 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о перестройке партаппарата и осуществлению кадровой политики по функциональному принципу. Вместо универсального организационно-распределительного отдела подбором кадров стали заниматься функциональные отделы и их сектора по соответствующей специализации - культуре, агитации и пропаганде, отраслям народного хозяйства, административным органам и т.д. (1) Но особую роль играл оргинструкторский отдел, ведавший распределением кадров общепартийного значения. Изменения в партаппарате резко усилило его значение в политической системе власти, так

ка позволяли установить всеобъемлющий контроль за всей партийно-государственной номенклатурой и вновь назначаемыми работниками, менявших сторонников бухаринско-рыковской ориентации. Выдвижение новых, преданных Сталину кадров шло под традиционными лозунгами орабочивания партаппарата и борьбы с бюрократизмом.

Л. М. Каганович - один из инициаторов реформы, требовал радикального обновления личного состава партаппарата. Он писал, что старые нормы выдвижения по 300-400 человек в год устарели "В нынешний период мы должны выдвигать не в порядке кампанейском, а в порядке органичной смены старых, негодных бюрократических элементов в государственном, хозяйственном, профессиональном, кооперативном аппарате и не единицами, а сотнями, тысячами, десятками тысяч рабочих". Эту задачу решает центральный аппарат партии, который по мнению Кагановича "впитал все лучшее" в партии. Если партаппарат радикально реорганизуется, то это не потому, что он оказался негодным, а потому, что надо лучше приспособиться к новым задачам наступившего этапа. (2)

Бюрократизация внутрипартийных отношений достигла такой степени, что это стало очевидно для той части большевистской политической элиты, которая ранее поддерживала Сталина и его окружение в борьбе против левой и правой оппозиций. По-прежнему, решая поставленные задачи на своих участках работы, такие деятели-технократы стали задумываться о рациональных зернах в критике оппозиции бюрократизма аппарата и всевластия генсека, о перерождении советского государства и партии.

Всякое инакомыслие по мере кристаллизации своих принципиальных позиций имеет тенденцию трансформироваться в определенное инакодействие. Это выражается в открытой критике взглядов господствующей группы лидеров, в попытках уклонения от проведения в жизнь чуждых подходов и ложных концепций, в стремлении изыскать максимально легитимные способы смещения политического руководства. В условиях сращивания партии и государства, отождествления партийного и советского руководства, ужесточения политического режима и превращении генсека Сталина во властителя с неограниченными полномочиями, процесс инакомыслия и инакодействия вплоть до образования уклона или оппозиции становился все более невозможным. Последняя оппозиционная платформа, опубликованная в открытой печати - тезисы объединенной оппозиции к XV съезду ВКП(б). Платформа бухаринско-рыковской группы уже не была известна рядовым партийцам, которым в печати были предложены извращенные идеи бухаринцев с готовой оценкой как правого оппортунизма. На новом этапе развития режима партаппарат с помощью органов ОГПУ и партийной полиции - ЦКК прекращал деятельность групп инакомыслящих еще до того как они объявляли о своем существовании или обращались за поддержкой к партии. Несмотря на усиление бюрократических и охранительных тенденций, в среде большевистской партийной интеллигенции возникли попытки организованного противодействия режиму.

Процесс превращения новых групп инакомыслящих партийных интеллигентов в группировки оппозиционного характера в условиях ужесточения режима в 30-х годах отражен главным образом в двух типах источников: во-первых, сообщениях информаторов ОГПУ-ЦКК, завербованных этими ведомствами, во-вторых, в протоколах опросов в ЦКК и допросов ОГПУ. В отличие от истории внутрипартийной борьбы 20-х гг. такие источники как стенографические отчеты съездов партии, пленумов ВКП(б) материалы печати 30-х гг. не раскрывают содержания платформ новых групп, перепитий борьбы с ними и т. д. Учитывая специфичность имеющихся документов, их политическую и конъюнктурную ангажированность, а также гибель самих участников групп, трудно достоверно реконструировать и воспроизводить ход политической борьбы. Причем, если в документах карательных органов прослеживается тенденция усиления вины подозреваемых в "оппортунизме" и "контрреволюционности", то в показаниях арестованных - прямопротивоположное стремление, вызванное интересами самосохранения или просто невиновностью. Это обстоятельство не позволяет со 100% уверенностью выявить степень организованности сопротивления большевистской партийной интеллигенции режиму групп Сырцова, Рютина, Эйсмонта и других менее известных.

С. И. Сырцов в своей работе на посту председателя Совнаркома РСФСР исходил из генеральной линии ЦК ВКП(б), установок Сталина, но стремился корректировать их требования применительно к экономической ситуации, как он ее понимал. Как показал анализ его речей и статей в период между XVI партконференцией и XVI съездом ВКП(б), его понимание причин экономических трудностей все более расходилось с мнением руководства. Объективная логика требовала либо прекращения сомнений, либо перехода инакомыслящих к более решительным действиям организационного плана. Сырцов решился на второе, хотя имел перед собой примеры, чем заканчивалось инакомыслие таких деятелей большевистской элиты как Бухарин, Рыков, Томский.

Задумав вынести свои сомнения и предложения на очередной пленум ЦК, Сырцов стал стремиться к расширению своих контактов с членами ЦК и выяснению их позиции. Его оценки нашли понимание у ряда известных интеллектуалов партии, входивших во второй эшелон элиты - В. В. Ломинадзе, Л. А. Шацкина, Я. Стэна. Среди них выделяется личность Виссариона Виссарионовича (ВЕСО) Ломинадзе, интеллигента по происхождению, образованию, роду деятельности и по личным качествам. Он поддержал оценки Сырцова, считая их соответствующими ленинским традициям критики и самокритики.

В 1927 г. Сырцов выдвинул лозунг: "Накопляйте, в добрый час!", адресованный индивидуальным крестьянским хозяйствам. В последующей политической деятельности С. И. Сырцов постоянно стремился в меру возмож-

ности содействовать развитию кооперации, препятствовать эксцессам в коллективизации, пропагандировать завешенный осторожный подход к решению проблем экономики. Став руководителем правительства России, он ориентировал местные госорганы на самостоятельный учет конкретных условий в регионах и проведении политической линии без перегибов и очковтирательства. В разосланном на места документе под названием "Надо что-то делать" С. И. Сырцов предложил разрешить колхозам участвовать в рыночных отношениях, минуя центральные инстанции, и выступил против абсолютизации планирования. Доклады и брошюры Сырцова по своему критическому запалу значительно превосходили работы других руководителей. Вместе со своими единомышленниками И. С. Нусиновым, В. А. Каврайским, А. Л. Курсом, А. Гальпериным и др. он подготовил обращение к очередному пленуму ЦК ВКП(б) с целью добиться коррекции политик и кадровой линии генсека. Незадолго до ареста участники группы сожгли этот документ. Однако идеи Сырцова не остались безвестными, так как они нашли отражение в завуалированном виде в речи 30 августа 1930 г. на заседании СНК и КОСО РСФСР по докладу госплана республики о контрольных цифрах на 1930-1931 г. Данная речь, изданная брошюрой под грифом "для служебного пользования" и впоследствии уничтоженная НКВД, была логично названа сталинским окружением "фракционным манифестом". Обычная для Сырцова критика недостатков здесь переросла в свое новое качество- комплексную критику командно-бюрократической системы управления.

Отталкиваясь от объективных оценок экономических проблем, вызванных авантюрной политикой "подхлестывания" народного хозяйства, автор проанализировал такие черты госаппарата как ведомственность, администрирование, эмпиризм, угодничество перед руководством. Он призвал решительно критиковать "практику наших учреждений и органов, которые бюрократическим самомнением глушат и искажают живое дело", в результате чего сама борьба с бюрократизмом превратилась в "добавочный фактор бюрократизма". Особую его озабоченность вызвало состояние кадрового корпуса, так как " хозяйственные задачи переросли уровень наличных кадров". Но это не означало необходимости массового поиска врагов и вредителей, которые якобы саботируют реализацию планов правительства. нужно подготовить такие управленческие кадры, которые смогут проявить "элементарное предвиденье хозяйственных процессов", учитывать совокупность теории и практики. Опыт показал, что "бюрократическое реорганизаторское прожектерство" заменило подлинную реорганизацию аппарата. По мнению Сырцова нужно преодолевать "бестолковую суетню", "мелочную опеку", "вредные иллюзии", "морально-политическое давление сверху", фальшивую статистику, игнорирование реальной инфляции. Залогом успеха в строительстве социализма он считал принципиальное совершенствование госаппарата, режим строгой экономии средств и ресурсов, доверие к кадрам, учет подлинного мнения трудящихся о политике правительства, ак-

тивное использование хозрасчета и других элементов рыночной экономики. Лейтмотивом речи явилась идея о подчиненности аппарата управления интересам широких трудящихся масс, а не верхушки государства. Программа Сырцова реорганизации управления не была полноценной альтернативой сталинизму, но тем не менее это был такой вариант, который достаточно радикально расходился с практикой сталинизма, что предопределило судьбу ее автора. (3)

Любопытно описал историю Сырцова один из тех партийных идеологов, которые всегда были верны официальной партлинии,- А. Г. Соловьев. Участник гражданской войны на Дону и близкий знакомый Сырцова, он пристально следил за его выступлениями, работая в МГК ВКП(б). В частности он описал, как Сырцов возразил на пленуме МГК Кагановичу, утверждавшему, что в срывах производства виноваты троцкисты. Сырцов заявил, что виновато бюрократическое администрирование, формализм, завышенные планы, лишение низов инициативы. 10 октября Сталин в присутствии К. Баумана указал Сырцову на недопустимость такой критики. Когда Сырцов ответил, что это его самостоятельное и личное мнение, Сталин обвинил его в право левацком уклоне. Он заявил, что его беседы с Шацкиным и Ломинадзе подозрительно похожи на образование новой группировки и предложил Сырцову задуматься. 26 октября Сырцов публично заявил в Комакадемии, что его стремление помочь партии не понимают Сталин, Каганович и Микоян.

Сталин был в курсе всех намечаемых Сырцовым и его группой планов из информаций осведомителя Б. Резникова. 4 октября Сырцов был вызван на заседание Политбюро и Президиума ЦКК ВКП(б), на котором он и Шацкин были выведены из ЦК, а остальные члены группы исключены из партии. Практически одновременно за излишнюю "мягкость" в рассмотрении дела Сырцова и его "праволевацкого блока" был освобожден с должности Председатель ЦКК Орджоникидзе, которого сменил А. А. Андреев. Параллельно прошла серия отставок ряда умеренных деятелей, которых заменили более радикальные, решительные и преданные Сталину деятели.

Дело Сырцова специально рассматривал Молотов в выступлении на декабрьском 1930 г. пленуме ЦК ВКП(б). В качестве нового председателя СНК СССР (вместо А. И. Рыкова) он демонстрировал свои экономические воззрения. В частности он остановился на обращении Сырцова от 4 августа 1930 г.: "Надо что-то делать". Поставив позиции Сырцова с ног на голову, он заявил, что в стремлении Сырцова ликвидировать бюрократические препятствия в снабжении колхозами городского населения он увидел бюрократизм самого Сырцова! По его мнению, рекомендация Сырцова организовать прямой выход социалистического производителя на рынок является игнорированием социалистического планирования и правооппортунистической ориентацией на рынок, попыткой привязать колхозы и совхозы к частнохозяйственному укладу. В целом весь смысл документа Сырцова был сведен к ставке на частный рынок. Письмо является, по Молотову, приме-

ром того, "как не надо делать!" Критика Сырцова и Ломинадзе является "полуменьшевистской критикой советских либералов", которая может только нанести вред социалистическому строительству. Главное сейчас, подчеркнул новоявленный премьер, - по-большевистски взяться за дело, не доверяя специалистам самим улучшить аппарат, заставить его эффективно работать.

В 1930 г. была разоблачена антисталинская группа, называвшая себя "ЦК Российской национально-демократической рабочей партией" (4) Во главе группы находился член партии с 1919 г., зам. нач. сектора технопропаганды Наркомата связи Крылов. Их целью являлось "свержение существующего строя, замена его Российской демократической республикой с выборным президентом по образцу Франции и Америки; каждая нация управляется своими выборными; свобода частной собственности, торговли, инициативы".

В центре и во всех крупных регионах страны - Северо-Западном, Центрально-черноземном, Северо-Кавказским и других выявлялись аморфные образования - группы единомышленников, объединенных критическим отношением к действительности, попытками поиска нестандартных путей выхода из кризиса. Наиболее яркой и последовательной в этом отношении была группа М. Н. Рютина, В. Н. Каюрова, М. С. Галкина и др. Еще в 1928 г. М. Н. Рютин, будучи секретарем Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы, выступил с требованием учитывать в полном объеме политическое завещание Ленина - его "Письмо к съезду". Он активно поддерживал Н. И. Бухарина, Н. А. Угланова и в 1930 г. был исключен из партии за резкую критику политики Сталина. В 1932 г. он при поддержке своих единомышленников написал два документа: Манифест "Ко всем членам ВКП(б)" и уникальную двухсотстраничную платформу "Кризис партии и пролетарской диктатуры", ставшие программой сопротивления сталинщине. (5) Это были марксистские обличения сталинизма как политико-теоретической системы, диаметрально расходящейся с социалистическими идеями. Но созданная ЦКК ВКП(б) и ОГПУ тотальная система доносительства и слежки не позволила группе Рютина развернуть антисталинскую пропагандистскую работу. 9 октября 1932 г. Президиум ЦКК исключил из партии как участников группы, так и всех знавших о ее существовании, но не донесших, в том числе бывших учеников Бухарина, а также Каменева и Зиновьева. ЦКК восприняло дело Рютина как серьезный сигнал приближения кризиса партии. В. М. Молотов по этому поводу говорил о несомненном росте оппозиционных настроений в партии. Выступая на заседании ЦКК, кающийся Г. Е. Зиновьев также отмечал: "В общем у меня представление такое: насколько я могу судить, в последнее время довольно значительным числом партийцев овладевает опасная неопределенная идея отступления- надо куда-то отступать..."

Дело Рютина, с одной стороны, серьезно насторожило Сталина и его окружение, не случайно Сталин пытался впервые в истории партии заставить Политбюро санкционировать смертный приговор тройки ОГПУ Рютину - профессиональному революционеру, и только прагматическому крылу руководства во главе с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым удалось отсрочить его смерть. С другой стороны, наличие реального мощного антитоталитарного документа дало Сталину внешне неоспоримое доказательство необходимости ужесточения карательной политики. Все последующие "дела" отныне так или иначе связывались с этой платформой. Прошедший в сентябре-октябре 1932 г. Пленум ЦК ВКП(б) в секретном порядке обсудил дело Рютина и принял постановление, которое вопреки существовавшей практике не прорабатывалось в партийной печати. Теоретический уровень критики сталинизма в платформе Рютина был настолько высок, что было невозможно организовать ее массовое изучение и "разоблачение" даже на основе выбранных цитат.

Вскоре было начато расследование нового уголовного делатак называемой "контрреволюционной группы правых- Слепкова и других (бухаринская школа)". без санкции прокурора было арестовано 38 молодых представителей новой партийной интеллигенции, в том числе А. Ю. Айхенвальд, А. Д. Зайцев, В. И. Кармалитов, Д. П. Марецкий, П. Г. Петровский и др. Подлинная вина учеников Бухарина в том, что они были критически мыслящими интеллигентами, вольно или невольно распространявшими неверие в "гений" Сталина, в обоснованность его политики. (6) Они раздражали партбюрократию самим фактом своего существования.

Стихийно, но вполне закономерно в обществе стало складываться ширящееся снизу доверху сопротивление сталинской коллективизации и ее трагическим последствиям.

Стремясь пресечь потенциальное сопротивление снизу, сталинский режим принял серию законов, внешне направленных на укрепление правопорядка. Это были акты о борьбе с хищениями социалистической собственности, о борьбе со спекуляцией, о прогулах, о паспортах. Как прямо подчеркивал прокурор страны Н. В. Крыленко, все эти законы представляли "цепь одних явлений, одного ряда мер, которые нужны, чтобы обуздать стихию мелкобуржуазной анархичности". Но претворение в жизнь этих законов, особенно акта от 7 августа 1932 г. с указанием только двух мер наказания - расстрела и 10 лет лишения свободы, натолкнулось на скрытое сопротивление работников юстиции. Н. В. Крыленко с возмущением говорил на Пленуме ЦК ВКП(б), что прокуратура сталкивается "с глубоким, впитанным с молоком матери предрассудком и традициями старых форм правовой буржуазной мысли, что этак нельзя, что обязательно судить должно исходя не из политических указаний партии и правительства, а из соображений высшей справедливости". (7)

Такие предрассудки были еще распространены среди части большевистской элиты, и они проявлялись время от времени в практической деятельности, принимая иногда характер оппозиционного противостояния. Од-

ним из таких проявлений стала группа инакомыслящих большевиков в составе Н. Б. Эйсмонта, А. П. Смирнова, В. Н. Толмачева, З. Н. Доссера, Р. Я. Крумовец, Н. Кочерьянц, В. Ф. Поповина. Наиболее авторитетным участником этой группы, выявленной в конце 1932 г. был А. П. Смирнов, партийный стаж которого исчислялся с 1896 г. Создатель партийной организации в Твери, делегат IV и V съездов партии, член ЦК с 1932 г., депутат Учредительного собрания и при этом рабочий-самоучка, Смирнов был одним из самых известных представителей ленинской партийной гвардии. После революции он возглавлял наркомат земледелия, входил в состав ВСНХ, опираясь в своей работе на помощь выдающихся российских экономистов Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова и др. С началом принудительной коллективизации А. П. Смирнов, несмотря на всю свою преданность партии, выразил серьезные сомнения в ее необходимости. Его поддержали Н. Б. Эйсмонт и В. Н. Толмачев - в недавнем прошлом работники Донских советов - первый возглавлял крайисполком, а второй был его заместителем. Они хорошо знали Северо-Кавказский регион и естественно в первую очередь положение на Дону. Обсуждая совместно экономическую ситуацию в стране и свою деятельность в качестве наркома торговли РСФСР и начальника Главдортранса при СНК РСФСР, они сформулировали целый ряд исходных позиций. В частности они заявляли, а) что партия поступила неправильно, перепрыгнув при проведении коллективизации через форму товарищества по обработке земли и других форм простейшей кооперации к артели и коммуне; б) темпы колхозного движения бесспорно велики и явно нереальны, а, следовательно, могут быть выполнены при большом административном нажиме с помощью карательных органов; в) хлеб, производимый в колхозах долгое время будет убыточным, дороже, чем аналогичная продукция, производимая в единоличном хозяйстве; г) ухудшающееся положение в сельском хозяйстве неминуемо отразиться на темпах индустриализации, вызвав их понижение; д) Наркомзем СССР Яковлев ничего не понимает в сельском хозяйстве, руководство ВКП(б) в целом практически не развирается серьезно в этой проблеме.

Считая, что в целом курс на преобразование сельского хозяйства на путях коллективизации является правильным, они отмечали, что его надо осуществлять более медленными темпами и с меньшими жертвами, при условии сдерживания извращений политики на местах местными руководителями. Особое их возмущение вызвали результаты работы комиссии Л. М. Кагановича на Северном Кавказе и недостаточное, по их мнению, сопротивление местного руководства во главе с Б. Шеболдаевым авантюрной политики форсирования хлебозаготовок в крае. Они опирались на поступившие им сведения с Дона об отсутствии поддержки рядовых колхозников и не руководящих коммунистов политики ЦК ВКП(б). Зная об отрицательном отношении Б. Шеболдаева к требованиям резко увеличить объем сдачи хлеба за счет снижения жизненного уровня крестьянства, Эйсмонт, Смирнов и Толмачев были

уверены в необходимости энергичного сопротивления нажиму из центра. Но осуждая одних за пассивность, сами они не проявляли реального противодействия преступной практике коллективизации.

Все сомнения и выводы членов группы стали известны сталинскому руководству по доносу директора одного из сибирских предприятий Никольского, заявившего о намерении Эйсмонта, Смирнова и Толмачева бороться против Сталина. М. Савельев препроводил донос Никольского на имя Сталина следующим текстом: "Положение в ЦК-Эйсмонт заявлял: Украина разбежалась, Казахстан тоже, теперь очередь за Северным Кавказом. Положение в ЦК, если говорить в отдельности с членами ЦК, большинство против Сталина, но когда голосуют, то голосуют единогласно - "ЗА", и как это во всей стране не найдется человека, который мог бы его убрать. Смирнов говорил, что одна речь Сталина на съезде аграрников-марксистов в несколько дней свела на нет результаты его трехлетней работы по восстановлению страны". (8)

На допросах ОГПУ Смирнов, Эйсмонт, Толмачев отрицали естественно антисталинскую направленность своих высказываний, не признались в своей негативной оценке практики коллективизации. Они заявили, что избрали тактику "ожидания", когда нарастающие трудности заставят ЦК пойти на изменение курса в направлениях, которые они считали правильными. В. Н. Толмачев в качестве одного из направлений назвал проведение в казачьих регионах Северного Кавказа особой политики кооперации, учитывающей особенности региона. Поддержал Толмачева Эйсмонт, сказавший, что не только на Северном Кавказе существует в партии недовольство политикой форсированной коллективизации. Члены ЦК Самаров, Колотилов, Томский считают многие решения руководства ошибочными, но не собираются выступать против, так как это бессмысленно - за Сталиным обеспеченное большинство.

На заседании Политбюро и Президиума ЦКК ВКП(б) 27 ноября 1932 г. все участники группы, а также привлеченные Рыков, Томский, Шмидт признали свою вину относительно сомнений и оценок коллективизации, но категорически отрицали фракционность и сталинизм. На январском объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1933 г. было принято специальное решение "Об антипартийной группировке Эйсмонта, Смирнова, Толмачева и др.", в которой заявлялось о ведении этими руководителями подпольной фракционной работы среди разложившихся элементов с целью восстановления капитализма. Эйсмонта и Толмачева исключили из партии как "переродившихся антисоветских людей", а Смирнову, исключенному из ЦК, было сделано последнее предупреждение. От Рыкова, Томского и Шмидта пленум потребовал действительной работы с "антипартийными" элементами.

Через 4 дня после пленума особое совещание ОГПУ приняло решение о заключении Эйсмонта и Толмачева в "концентрационный лагерь" сроком на три года. Отсидев свой срок, Н. Б. Эйсмонт вскоре попал в авиакатастрофу

и погиб. Толмачев в сентябре 1937 г. был вторично осужден - на этот раз к расстрелу. А. П. Смирнов также был арестован и приговорен в 1937 г. к высшей мере наказания. Во время допросов в НКВД Смирнову и Толмачеву вспомнили все их разговоры о Северном Кавказе и заставили подписать признание о руководстве ими, совместно с секретарем Ростовского обкома партии Пивоваровым , контрреволюционной организацией, стремившейся превратить кулацкий саботаж в "массовые выступления с использованием реакционного элемента казачества и одновременного выступления развертывания противосоветского движения в национальных областях Северного Кавказа".

Характерным обстоятельством явилось активизация репрессий против бывших оппозиционеров сразу после январского пленума. В середине января 1933 г. были арестованы видные в прошлом партийные и государственные деятели, сподвижники Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева. В их числе были член РСДРП с 1899 г. легендарный председатель Сибревкома в гражданской войне, ставший после восстановления в партии начальником одного из управлений наркомтяжмаша И. Н. Смирнов; известный теоретик марксизма В. А. Тер-Ваганян; крупный экономист Е. Н. Преображенский и др. Их дело возникло на основе материалов личной переписки бывших оппозиционеров, согласовывавших друг с другом тексты покаянных заявлений с просьбой ЦКК о восстановлении в партии. В этих письмах признавалась линия ЦК ВКП(б) на строительство социализма в одной стране и т. д., но осуждалась система репрессий в отношении оппозиции, в частности применение к ней 58 статьи УК РСФСР, ссылок и заключения в политизолятор. Секретная агентура ОГПУ постоянно сообщала своему руководству об определенном группировании бывших троцкистов, выражавших на своих собраниях- вечеринках сомнения в темпах индустриализации и коллективизации, неудовлетворение внутрипартийным режимом, ролью Сталина и просто своим положением. СПО ОГПУ, а также М. Ф. Шкирятов и Е. М. Ярославский сделали вывод о формировании группировки И. Н. Смирнова, становящейся организационным центром для всех бывших троцкистов. По их мнению эта группа в перспективе будет координировать всю контрреволюционную работу, вернувшихся из ссылок оппозиционеров. Эта перспектива даже в потенции представляла серьезную угрозу режиму, так как речь шла о революционерах, умевших организовывать массы, бороться и воевать. С санкции И. В. Сталина по делу группы И. Н. Смирнова было арестовано 86 человек, впоследствии осужденных коллегией ОГПУ к различным срокам лишения свободы, а спустя 3 года повторно подвергшихся репрессиям. (9)

Если в центре и в великорусских областях внимание оппозиционно настроенных кадров было сосредоточено на общих политических проблемах, то на национальных окраинах инакомыслие принимало зачастую форму защиты национальных интересов. В силу этого в республиканских партийных организациях была широко развернута борьба с националистичными уклона-

ми. В Белоруссии, на Украине, в республиках Средней Азии и в автономиях России возникало сопротивление вульгарной сталинской национальной политике, направленной на полное подчинение национального вопроса превратно интерпретированному бюрократией классовому, общегосударственному подходу. Сталкиваясь с открытым пренебрежением к национальным особенностям народов, с непониманием специфики и глубины национальных традиций, честные специалисты и руководители различных рангов пытались самостоятельно в рамках своей компетенции корректировать на практике просчеты в формировании межнациональных отношений. Однако стремление к созданию благоприятных условий для развития национальных культур в ряде случаев расходилось с приоритетами высшего руководства и поэтому фактически само по себе являлось формой сопротивления тоталитаризму. Яркими примерами такого противодействия являлось "национально-демократическое течение в среде белорусской интеллигенции, деятельность Н. А. Скрыпника на Украине.

Н. А. Скрыпник возглавлял Наркомпрос республики, являясь одновременно членом Политбюро ЦК КП(б) и Исполкома Коминтерна. Он был назначен наркомом для преодоления последствий националистического уклона группы Шумского, однако русификаторская безграмотная деятельность Л. М. Кагановича, возглавлявшего в те годы по воле Сталина ЦК КП(б) У, вызвала его противодействие прежде всего в национальной сфере. В своих теоретических работах и речах Н. А. Скрыпник поставил национальный вопрос не только как часть общего вопроса о классовой борьбе, но и как относительно самостоятельную проблему в новых условиях. В этой связи он говорил о необходимости национального возрождения, развитии национального самосознания. Он пытался на практике добиться повышения уровня суверенитета республики и реальной борьбы с проявлениями великорусского шовинизма. Несмотря на отдельные ошибки и перегибы в "украинизации", его деятельность способствовала укреплению республиканских структур власти, прежде всего аппаратов Наркомпроса, Наркомзема, Наркомюста. Однако в скором времени его продуктивная работа была прекращена, так как она не вписывалась в стандарты сталинских указаний. На ноябрьском 1932 г. пленуме ЦК КП(б)У С. В. Коссиор заявил, что под флагом украинизации в ряде наркоматов петлюровцы захватили важные участки строительства. "Изменившуюся тактику борьбы классового врага на селе, также как и проникновение его в наш аппарат, мы КП(б)У и ЦК своевременно не вскрыли. Мы, товарищи, проглядели, наконец, идейное перерождение Скрыпника, переход его на националистические позиции о оформлении целого течения, целой группы национал-уклонистов, им возглавлявшейся". Итоги борьбы с очередной группой инакомыслящих были подведены в постановлениях ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1932 г. и 24 января 1933 г. Н. А. Скрыпник в 1933 г. занимал пост зампредсовнаркома Украины, но работать в обстановке политической травли он не мог и покончить жизнь

самоубийством. Несмотря на то, что в своем предсмертном письме в ЦК он признал "ошибки, имевшие троцкистский и националистический характер", официально было объявлено, что он так и не смог вырваться из буржуазно- националистических сетей. Н. Попов на Харьковском партактиве без тени сомнения указывал, что Н. А. Скрыпник совершил "преступный, даже для рядового члена партии, акт самоубийства". Такая оценка трагического события и фактический запрет партии на добровольный уход из жизни вопреки воле ЦК явились бесспорным свидетельством превращения партии в инструмент тоталитаризма и наоборот.

Появление и начало оппозиционной работы групп инакомыслящих Сырцова, Эйсмонта, И. Н. Смирнова, Скрыпника, и особенно Рютина, распространение скрытого, а в ряде случаев и открытого сопротивления проводимому руководством страны экономическому курсу доказывало наличие в партии и в стране антитоталитарных, но в тоже время в целом социалистически ориентированных сил и настроений. Именно это сочетание предопределило низкую эффективность потенциально грозной для сталинизма опасности. Искусно манипулируя социалистическими лозунгами, скрывая реальную информацию о состоянии общества, активно используя методы слежки и провокации, сталинизм обеспечил разобщенность оппозиционных групп, их неспособность к решительным действиям. В тоже время были сделаны логичные выводы при анализе проявлений кризиса политического режима. В целях пресечения самой возможности инакомыслия на январском пленуме было решено провести очередную генеральную чистку партии.

Собственно говоря, партийные чистки никогда не прекращались - постоянно шло очищение если не всех парторганизаций, то или производственных, или сельских, или служащих, или массы кандидатов в члены партии. Но теперь было решено осуществлять генеральный смотр партийных сил, аналогично чистке в 1921г., 1929-1930гг. Причем было решено организовать дело таким образом, "чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов". Это означало устранение всех, кто хоть в чем-то выражал сомнение в линии партии, когда-то участвовал в оппозициях или просто был неугоден властям.

Естественно, что в первую очередь чистка проводилась в тех партийных организациях, где на учете стояли бывшие члены оппозиции. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, В. В. Ломинадзе и многие другие были вынуждены клясться в верности Сталину. Несколько иначе повели себя С. И. Сырцов, М. Томский, А. Г. Шляпников, пытающиеся сопротивляться. Характерным примером явилось постановление комиссии по Сырцову.

В постановлении говорилось: "... Тов. Сырцов до сих пор в полной мере не осознал своих тягчайших преступлений перед партией и не изжил в себе до конца оппортунизма (за два года нигде не дал развернутой критики право-левацкого блока, не дал политической квалификации и

большевистской критики антипартийного выступления. Во время чистки, длившейся два часа, в своей автобиографии не дал надлежащей квалификации и развернутой критики фракционной деятельности право-левацкого блока, лидером которого он был, а замазал, и по сути дела оправдал свою антипартийную позицию". Постановили: "Сырцова С. И. оставить в партии, но предупредить, что если он не осознает до конца своих преступлений перед партией и рабочим классом, не докажет свою преданность партии на практической работе и не станет на путь жесткой развернутой критики платформы право-левацкого блока и той роли, которую он играл в нем, то т. Сырцов поставит себя вне партии".

В ходе развернутой кампании в 1931-1933 гг. за оппортунистические уклоны было привлечено к ответственности почти 40 тыс. человек, из них исключено из партии 15441, в том числе А. Г. Шляпников, А. П. Смирнов и др. В процессе разгрома всевозможных "уклонов" воспитывались кадры сталинской партии, готовые выполнить любое пожелание вождя. Именно об этом свидетельствует резолюция объединенного пленума МК и МГК ВКП(б) 1933 г., в которой фиксировалось: "Особо большую школу большевистского воспитания прошли молодые коммунисты, вступившие в партию уже после того, как партией были разгромлены оппозиции всех мастей, правые оппортунисты, троцкисты, право-левацкий блок и т. д. Молодые коммунисты, не имевшие достаточно большой большевистской закалки, в процессе чистки учились распознавать скрывающихся под той или иной личиной врагов рабочего класса, оппортунистов, перерожденцев, двурушников, нарушителей дисциплины". (10)

Публичное идейное линчевание, сопровожденное арестами групп инакомыслящих продемонстрировало всем сомневающимся, что относительно демократические нормы партийной и государственной жизни ушли в далекое прошлое. Многочисленные открытые и закрытые судебные процессы над "вредителями" из числа интеллигенции, массовые репрессии зажиточного крестьянства в ходе "ликвидации кулачества как класса" и завершения "сплошной коллективизации" составляли вместе с партийными чистками органическую целостность. Всесоюзное чистилище достигло поставленной цели - практически были ликвидированы последние реальные возможности для развития инакомыслия. Процесс тотальной бюрократизации советского общества был близок к завершению. Бюрократическая верхушка во главе со И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, Л. М. Кагановичем, К. В. Ворошиловым, М. И. Калининым, Е. М. Ярославским, А. А. Андреевым, Л. З. Мехлисом и др. фактически подчинила своему влиянию большинство деятелей партии под угрозу расправы.

Чистка 1933 г. не сопровождалась в отношении вычищенных немедленными организационными выводами по линии уголовного кодекса - то есть массовыми репрессиями. Но она непосредственно подвела партию к новому этапу укрепления тоталитарного режима.

Интеллигентская часть элиты занимала противоречивые позиции: с одной стороны, она обеспечивала достаточно конструктивное руководство образованием, наукой, культурой, частично экономикой, с другой стороны - она объективно внесла вклад в становление партгосноменклатуры, в укрепление режима, распространение репрессивной политики на непролетарские слои общества. Большевики-интеллигенты стали носителями двойного сознания, выступая на службе исполнителями воли партии и ее вождей, а в своей микросреде выражали несогласие и протест. Идеологические и нравственные устои призывали к борьбе с режимом, но узкоэгоистические интересы элиты диктовали ей необходимость подчинения системе власти. Эту дилему каждый деятель большевизма решал исходя из своих личных качеств и жизненного опыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малейко Л.А. Партийный аппарат. Становление и развитие /1917-1941/. Ростов н/Д. 1981. С.66-74.

2. Каганович Л.М. Очередные задачи партработы и реорганизация партаппарата. М.-Л., 1930. С.42.

3. Подробно содержание предложений С.И.Сырцова, его критику сталинской политики см: Кислицын С.А. Вариант Сырцова. Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе 20-30-х гг. Ростов н/Д., 1992.

4. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х гг. М.,1991. С.92-104.

5. Они не молчали. М., 1991. С.145-179; Рютин М. На колени не стану. М., 1991.

6. Известие ЦК КПСС 1990. N 2. С. 32-49.

7. РЦХИДНИ. Ф.17. оп.2. д-500. Ч.1. Л.19.

8. Известия ЦК КПСС. 1990. N 11. С. 63-74. ЦАФСК РФ. Р-23383. л. 171.

9. Известия ЦК КПСС. 1990. N 12. С. 84-94; 1991. N 6. С.71-90.

10. Абрамов Арх.Александров А. Партия в реконструктивный период. 1934. С. 188.

ЛЕКЦИЯ 10.

ГИБЕЛЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ОБНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-Х ГОДОВ

К середине 30-х гг. в СССР утвердилась чрезвычайная система управления с характерной для нее максимальной централизацией власти в руках аппарата управления и высшего политического руководства. В этой

системе были резко ослаблены позиции старой большевистской политической элиты как обособленной целостной корпоративной группы. Она стала выполнять функции не осуществления власти, а института поддержки и одобрения курса авторитарно-бюрократического режима. По форме государственная система была советской, но без реальной власти трудящихся и без выделяемой ими собственной элиты, которая должна была естественным образом сменить старую политическую верхушку. Сталинский режим диктатуры подменил народное правительство, разобщил и расколол старую партийную гвардию, превратив ее в ширму для своей власти. Новый партийно-государственный аппарат превратился в последовательную бюрократическую систему, каждое звено которой было полновластным по отношению к нижестоящему звену и имело лишь исполнительную функцию по отношению к вышестоящему органу. Служащие этого аппарата теряли многие признаки элиты, не имели прочной морально-психологической общности, выраженных корпоративных интересов и абсолютно зависели от воли вождя-диктатора. В целях утверждения своего всевластия авторитарно-бюрократический режим создал систему подавления инакомыслия и потенциальной оппозиции, включавшую в себя централизованную пропагандистскую обработку массового сознания, персонификацию отдельных успехов и достижений страны, создание разветвленного карательного аппарата и механизм выявления недовольных.

Осуществляя радикальные преобразования в стране по принципу "революция сверху", высшее политическое руководство сознательно абсолютизировало методы внеэкономического принуждения и насилия. Их активное применение позволило, с одной стороны, решить ряд проблем индустриализации и коллективизации, сформировать военно-промышленный потенциал, но, с другой стороны, привело к формированию сталинской модели тоталитаризма. Сложившееся общество не соответствовало ленинским идеям построения социализма, так как не были реализованы его положения о кооперации, о контроле масс за госаппаратом, кадровой политике, коллективности руководства, роли нэпа, с`новления точки зрения на социализм. О построенном обществе Ф.Раскольников, известный большевик-интеллигент, писал Сталину в открытом письме: "Ваш социализм, при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за его решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата. Вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку..."

Развязанный террор против кадрового корпуса, который был вроде бы опорой властного режима, до сих пор вызывает споры. Одни считают его проявлением сталинской шизофрении, другие видят в нем издержки логичной акции уничтожения врагов власти, третьи считают его попыткой защитить национальные интересы страны уничтожением деятелей еврейской национальности, заполонивших административный аппарат, четвертые доказы-

вают его адекватность тоталитарной системе власти, не могущей существовать без создания подсистемы страха. Во всех этих позициях есть большая или меньшая доля истины. Но основная причина террористического избиения руководящих кадров заключалась в стремлении режима поддерживать в обществе необходимый уровень революционного трудового энтузиазма народа, его готовности к самопожертвованию, абсолютной веры в партийное руководство, что можно было достигнуть только в условиях конфронтации с внешним и внутренним врагом. Перманентная классовая борьба с кулаками, вредителями, нэпманами, оппортунистами, превратившимися во "врагов народа", "германо-японских шпионов" и "контрреволюционеров-троцкистов", стала тем стимулом, который позволил сталинизму еще раз взбодрить уже уставшее от постоянного напряжения общество, призвать его к новым жертвам во имя будущего счастья. И надо признать - это удалось сделать. В целом большинство народа поверило в предложенные объяснения и выполнило поставленные задачи.

Но помимо этой главной цели сталинизм решал и более узкие задачи, связанные с самосохранением и упрочением своей власти. К середине 30-х гг. партийная интеллигенция оппозиционного характера была в целом подавлена в морально-политическом отношении. Ее видные представители типа Н.И.Бухарина либо замолчали, либо запели новые "песни". Однако Сталина беспокоила технократическая часть старой партийной гвардии, которая сохраняла важные посты и могла в определенных пределах корректировать ошибочные действия руководства. Такие большевики как Н.К.Антипов, П.А.Богданов, Н.П.Брюханов, А.С.Бубнов, Э.И.Квиринг, Г.М.Кржижановский, П.А.Красиков, А.М.Лежава, Г.И.Ломов-Оппоков, Н.А.Милютин, Г.К.Орджоникидзе, Г.И.Петровский, Д.Е.Сулимов и целый ряд других деятелей, включая большую часть военноначальников, обладали авторитетом и одновременно властными полномочиями. Они могли в случае крайней необходимости выступить против произвола и уже начинали в частном порядке обсуждать сложившуюся в партии и стране ситуацию. Осуждая разгромленную оппозицию, эти деятели проявляли сдержанность в ее отношении. Поддерживая сталинское руководство, они сосредотачивались на выполнении конкретных хозяйственных и др. задач, рассчитывая на ослабление режима и частичную демократию. И.В.Сталин был осведомлен об этом "молчаливом большинстве" элиты - партийной технократии и логично опасался, что по мере роста количества молчащих и оформления их взглядов может возникнуть новое качество - массовая оппозиция, чреватая осложнениями для режима власти.

Осознавая, что трудности экономического развития могут стимулировать выступления против его политики, Сталин и его окружение предприняли систему превентивных мер в дополнении в дополнение к всесоюзной партчистке. Они требовали от органов власти и ОГПУ "улучшить старые способы борьбы, рационализировать их и сделать наши удары более метки-

ми и организованными... чтобы каждый наш удар был подготовлен политически."

Все использовавшиеся ранее методы контроля, наблюдения, чисток, репрессий получили мощный импульс и новое качество содержания. Например, еще в 1930 г. было начато массовое изъятие из библиотек работ оппортунистических авторов. Но с 1933 года эта акция проводилась с таким размахом, что было изъято 60% библиотечных фондов. Возмутился даже Ем.Ярославский, писавший в ЦК о происходившем "разгроме книжного фонда", в ходе которого была вывезена вся антирелигиозная, философская, профсоюзная литература, книги о кооперации, безработице, соцстрахе, охране труда, колхозному строительству до 1930 г. и др. Комиссия Оргбюро ЦК под председательством А.А.Андреева подготовила постановление "О политико-воспитательной работе во ВТУЗах". Профессорско-преподавательский состав ставился под прямой контроль парткомов и политпомощников ректоров вузов. Вводилась обязательная дисциплина - история ВКП/б/, освещавшая деятельность правящего режима в апологетическом духе. Разносной критике подвергся 4-томник "Истории ВКП/б/" под редакцией Ярославского за недостаточный показ роли Сталина, шельмовались воспоминания Н.К.Крупской, А.Г.Шляпникова. Ужесточенные требования Сталина отразили 16-е издание "Очерков истории ВКП/б/ Н.Попова, "Краткая история ВКП/б/" под редакцией В.Кнорина и двухтомник "Краткой истории ВКП/б/ Ем.Ярославского. В этих учебниках препарировался опыт борьбы против инакомыслящих в ВКП/б/. Это осуществлялось путем систематизированного изложения документов ЦК и речей Сталина, а также вырванных из контекста платформ групп отдельных выражений. Стремление части большевиков отстаивать иные взгляды обозначалось как попытки подрыва партийного единства и дисциплины, которые являются прямым пособничеством реставраторским поползновениям буржуазии.

Естественно, что представители старой гвардии, видевшей историю своей партии от самого начала, знавшие подлинную цену ее современным вождям, становились опасными свидетелями. Их значительный авторитет как соратников самого Ленина придавал значение каждому их слову в воспоминаниях и в оценках действительности. Чем дальше отходил правящий режим от подлинных идеалов социализма и народовластия, ленинского теоретического наследия и не в препарированном виде, тем большую опасность для авторитарно-бюрократического режима заключала в своем существовании старая политическая элита и прежде всего партийная интеллигенция.

Режим начал с середины 30-х гг. ограничивать деятельность таких центров революционеров, как общество бывших каторжан и ссыльнопереселенцев, общество старых большевиков. Хотя эти общества в своей работе все больше скатывались к функциям профсоюзного плана и занимались в основном привилигированным социальным обеспечением своих членов, они

все еще претендовали на выражение своей позиции, требовали отчетов представителей ЦК о текущей политике и выражали свое мнение. Поскольку эти большевики все более старели и уходили из жизни общества, то встал вопрос о включении в состав общества членов партии с минимальным партстажем 18-ть лет. Это противоречило планам сталинской верхушки. Ем. Ярославский в 1935 г. разъяснил членам общества, что пролетарская политика еще в большей степени чем в 1920 г. определяется составом партии. Но поскольку социальное регулирование ведется ЦК и его генсеком, то нет нужды увеличивать общество. Расширять его состав сверх имевшихся 3000 членов - значит придать обществу несвойственные ему функции политической организации. (1) Имелось в виду, что 10 тыс. большевиков с дооктябрьским стажем в силу своего опыта и занимаемых постов стали бы новым политическим центром, возрождающим старую политическую элиту, неконтролируемую аппаратом Сталина. Это могло серьезно изменить расстановку сил, баланс властей, осложнить функционирование режима личной власти Сталина. В этих условиях общество старых большевиков не только не было расширено, но в скором времени полностью распущено.

Последним партийным форумом, на котором была представлена в составе политической элиты действующая часть старой партийной гвардии и большевистская интеллигенция, был XYII съезд ВКП/б/. Собравшийся в дни 10-летней годовщины смерти Ленина, он был подчинен задаче подведения итогов политической борьбы в правящей партии. Центральной идеей всех выступлений было доказательство тезиса о разгроме оппортунизма как главном условии победы социализма.

На съезде с покаянными речами выступили бывшие лидеры всех оппозиций, разгромленных после смерти В. И. Ленина: Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. Н. Осинский, А. Преображенский, Г. Л. Пятаков, К. В. Радек, А. И. Рыков, М. П. Томский.

От "право-левацкого блока" выступал только В. В. Ломинадзе, так как Сырцова не допустили к участию в съезде из-за его строптивости в ходе чистки. Ломинадзе в 1931 г. был направлен в Наркомснаб начальником научно-исследовательского сектора, а позднее секретарем парткома завода №24. После чистки в 1933 г., благодаря Орджоникидзе, он был возвращен на политическую работу и был направлен на работу в Магнитогорск секретарем горкома партии.

Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский еще в большей степени признали антиленинский и антипартийный характер своих идейно-политических платформ и абсолютную истинность курса И. В. Сталина. Провозглашая здравицы в честь "гениального вождя", "славного фельдмаршала пролетарских сил", бывшие оппоненты Сталина проявили очевидную неискренность, так как в отличие от многих они имели полное представление о реальных негативных качествах И. В. Сталина. Однако, не исключено, что они были

среди делегатов съезда, которые проголосовали при выборах ЦК ВКП/б/ против кандидатуры И. В. Сталина.

Существует гипотеза, что в ходе XYII съезда образовался "антисталинский блок" секретарей обкомов, недовольных экономическими провалами, произволом Сталина в отношении кадров. Эта группа во главе с Б. Шеболдаевым на совещании на частной квартире предложила якобы С. М. Кирову возглавить Политбюро ЦК в качестве генсека ЦК ВКП/б/. Киров не только отказался взять на себя ответственность за развитие страны, но сообщил об этом Сталину. Это событие не подтверждается никакими документами и излагается в печати со ссылкой на воспоминания старых большевиков. Однако злодейское таинственное убийство С. М. Кирова, ликвидация 98 членов и кандидатов в члены ЦК из 139 избранных на XYII съезде ВКП/б/ служат косвенным подтверждением того, что попытка организовать смещение диктатора могла иметь место.

Показательна история с подсчетом голосов при выборах состава ЦК на съезде, когда против Кирова проголосовало 3 делегата, а против Сталина значительно больше. По воспоминаниям делегатов съезда, проголосовавших против Сталина было 270 человек, но официально было объявлено -3. Проверка материалов счетной комиссии в 1989 г. показала, что отсутствуют чуть более 100 бюллетеней, а не 270. Хотя цифра не сходится с показаниями свидетелей, ясно, что фальсификация подсчета голосов была налицо. (2) Другим характерным фактом является практически одновременное уничтожение в октябре 1937 г. группы секретарей обкомов в составе Б. П. Шеболдаева, А. Д. Саркиса, И. Д. Кабакова, Б. А. Семенова, А. И. Криницкого, Т. П. Румянцева, М. М. Хатаевича, И. П. Носова, М. И. Разумова, А. С. Калыгиной, А. К. Лепа: Большинство из них было расстреляно 30 октября 1937 г. Если учесть практику НКВД формирования на местах региональных дел различных групп -"ответвлений" троцкистских и других придуманных следствием организаций и с последующими арестами региональной верхушки, то не исключено, что группа секретарей обкомов проходила по одному общему делу.

Для организации массового террора против партийных кадров было использовано убийство С. М. Кирова, совершенное по мнению большинства историков при участии НКВД 1 декабря 1934 г. А. Кирилова высказала точку зрения, что не существовало ни антисталинской фронды, ни заговора против Кирова, а убийство его не было поводом для репрессий, которые развернулись в порядке "рикошета". Но она не привела исчерпывающих документов, снимающих проблему таким образом. Между тем в реальной действительности сразу после преступления в стране началась вакханалия репрессий и проработок всех бывших оппозиционеров, в том числе участников группы Сырцова. В. В. Ломинадзе как секретарь Магнитогорского горкома ВКП/б/ был обязан организовать проработки и вычистить всех бывших уклонистов, но он не сделал этого, считая это мешающим стройке.

Несмотря на то, что в августе 1933 г. он был награжден орденом Ленина, он стал подвергаться нападкам и обвинениям в срыве массово-политической работы. 19 января 1935 г. он застрелился во время поездки в автомобиле, направляясь в Челябинск по вызову обкома.

Обращение к Г.К.Орджоникидзе было далеко не случайным фактом. Именно благодаря Орджоникидзе Сырцов и Ломинадзе не были исключены из партии в 1930 г. и были направлены на ответственную работу. Во-вторых, Григорий Константинович к середине 30-х гг. перестал быть ярым приверженцем Сталина и занял более умеренные позиции в отношении темпов индустриализации и методов ее осуществления. Вокруг него сгруппировалось большое число энергичных технократов, стремившихся к решению хозяйственных проблем без политиканства, идеологических кампаний, авралов, борьбы с вредительством. Орджоникидзе предпринял активные попытки защитить директорский корпус от репрессий. Однако это сделать становилось труднее и опаснее. (3)

Сталин и его ближайшее окружение взяло курс на физическую ликвидацию оппозиционеров - врагов партии и создаваемого тоталитарного государства. Проведенные под руководством Г.Г.Ягоды акции по преследованию сравнительно небольшой группы лидеров оппозиции, обвиненных в причастности к убийству С.М.Кирова не устраивали вождей масштабом и ограниченными последствиями. Г.Г.Ягода при всей своей моральной ущербности явно воздерживался от массовых репрессий в отношении старой партийной гвардии. В сентябре Сталин вместе с Ждановым послал из Сочи телеграмму Молотову, Кагановичу и другим членам Политбюро. Авторы считали "абсолютно необходимым и срочным делом" назначение Ежова на пост Наркомвнудела, так как Ягода "явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока." (4)

Н.И.Ежов не был профессиональным революционером как Г.Ягода и был типичным сталинским выдвиженцем нового призыва. Он был выходцем из рабочей среды, имел начальное образование и был членом партии с 1917 г. Это был типичный "человек во френче", люмпен-пролетарий, поднявшийся благодаря фанатизму и исполнительности до самых верхов партийной иерархии. Замнаркома земледелия в период коллективизации, заворграспредотделом в период чисток и реорганизации партаппарата, он стал тем преемником устраненного Ягоды, который наилучшим образом отвечал поставленным сталинизмом задачам. Многочисленные ежовы стали основой того слоя бюрократии, появление которого предвидел в 1923 г. левый эсер, бывший нарком юстиции И.З.Штернберг. Он писал: "Диктатура партии, а позже и небольшого круга партийных деятелей, т.е. незначительного меньшинства, приводит к тому, что власть избегает всех сознательных и идейно стойких своих противников, а на места управления ставит своих людей ей преданных... Это ведет к росту и укреплению чиновничества к диктатуре бюрократии, засилью временщиков, к еще большему отрыву пра-

вительства от масс, но чтобы вся эта система держалась, необходимо постоянное использование орудием террора... И вследствие этого в среде самой бюрократии выделяется особый слой ее, который непосредственно владеет этими орудиями террора, непосредственно пускает их в ход. Диктатуру бюрократии при диктатуре террора означает на самом деле диктатуру полиции"... (5) Можно без преувеличения считать назначение Н.И.Ежова на пост Наркома НКВД рубежом в оформлении полицейско-диктаторского режима Сталина, его апогеем.

С приходом Ежова в НКВД репрессии резко активизируются. Он производит замену 20 тыс. старых чекистских кадров, в том числе с дореволюционным партстажем и выводит к руководству местными управлениями НКВД сталинских кадров, рвущихся сделать карьеру и славу на костях отживших и "выживших из ума" старых большевиков. Новый состав чекистов оттолкнулся от "скромных" достижений Менжинского-Ягоды, возведя их в кратные степени и забыв вообще о существовании таких понятий как честь, совесть или просто революционные традиции и значение опыта.

В январе 1937 г. состоялся процесс по делу "параллельного антисоветского троцкистского центра", осудившего видных руководителей промышленности Ю.Л.Пятакова, Г.Я.Сокольникова, К.Радека, С.А.Ратайчика и других представителей старой большевистской элиты. По всей стране начинается вакханалия поиска вредителей и саботажников, якобы срывающих социалистическое строительство, хотя на самом деле эти годы характеризовались устойчивым ростом производства.

Г.К.Орджоникидзе попытался притормозить масштабы преследования хозяйственных руководителей. Готовясь к выступлению на предстоящем пленуме ЦК ВКП/б/, Орджоникидзе обобщает факты фальсификации НКВД актов вредительства и вступает в полемику со Сталиным. Накануне пленума 18 февраля Орджоникидзе ушел из жизни, по официальной версии, от паралича сердца, по версии доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС, в результате самоубийства, по современным версиям, был убит нквдистами.

На состоявшемся в феврале-марте 1937 г. пленуме ЦК ВКП/б/ вопросы репрессий против партийно-государственных кадров из числа большевистской элиты были центральными. (6)

Открывшие пленум доклад Н.И.Ежова и выступление А.И.Микояна изобиловали фантазиями на тему преступлений Бухарина и Рыкова, ставших якобы вдохновителями антисоветского подполья, начиная с 1930 г. Систематизировав известные факты инакомыслия партийных деятелей из окружения этих бывших членов Политбюро, они сформулировали обвинение о создании организационного центра в Москве, в состав которого входили Бухарин, Рыков, Томский, Угланов и Шмидт. Выступления Бухарина и Рыкова, попытавшихся оправдаться, было буквально освистаны и зашиканы. Не только сталинские клевреты Молотов и Каганович, Ворошилов, Шверник, Вышинский, Шкирятов участвовали в разоблачительных акциях, но и буду-

шие жертвы террора: Петерс, Косиор, Эйхе, Постышев, Рудзутак. (7)

Подводя итоги разоблачения очередных врагов народа, И. В. Сталин углубил давно муссировавшееся положение об активизации конрреволюционной деятельности врагов по мере успешного продвижения по пути социализма. Фактически на пленуме была официально закреплена политическая линия на организацию массовых репрессий по отношению к руководящим кадрам сверху донизу.

В июне 1937 г. Сталин поставил вопрос о продлении наркомвнуделу Н. И. Ежову чрезвычайных полномочий для уничтожения врагов народа. Неожиданно для него не пленуме против инквизиторских замыслов выступил Г. Н. Каминский, приведший факты нарушения законности со стороны НКВД и выразил недоверие к секретарю закавказской парторганизации Л. П. Берии.

Героические поступки этих деятелей большевистской элиты не могли в создавшихся условиях что либо изменить. Это были акты самопожертвования, когда большевики-интеллигенты во имя высших идеалов социализма, которым они посвятили свою жизнь, подняли свой голос против диктатуры и репрессий. Молотов, Каганович и Ворошилов в беседе с Пятницким пытались убедить последнего отказаться от своих слов. Он заявил, что во имя чистоты партии готов пожертвовать своей жизнью и жизнью своих близких: жены и двух сыновей. (8)

Но на такое смогли пойти очень немногие большевики. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и ряд других деятелей элиты партии согласились участвовать на открытом политическом судебном процессе 23 марта 1938 г. Они в целом признали, что якобы вместе с троцкистами и группой М. Тухачевского образовали "право-троцкистский антисоветский блок", который организовал кулацкие восстания, вредительство, диверсии, убийства Кирова, Куйбышева, Горького. Мужества Бухарина хватило только на отказ от признания в участии в покушении на Ленина, ряд намеков на фальсифицированность обвинения и передачу своей юной жене А. Лариной текста устного завещания, в котором выражал надежду, что "фильтр истории" рано или поздно смоет грязь с его головы. (9)

Другое поведение на следствии продемонстрировал С. И. Сырцов, упоминавшийся в докладах на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП/б/ как один из участников руководства организации правых. После снятия с поста предсовнаркома РСФСР Сырцов руководил Всесоюзным химтрестом и Ногинским военно-химическим заводом. По информации сексотов НКВД он проявил недоверие к офиальной версии убийства Кирова и настаивал на невиновности Зиновьева и Каменева. В 1937 г. он был арестован и обвинен в создании "резервного центра правых". Несмотря на отказ Сырцова от признания вины, он был расстрелян.

Организация репрессий осуществлялась под личным контролем И. В. Сталина и его ближайшего окружения. В. М. Молотов, Л. М. Каганович, М. Ф. Шкирятов, Л. З. Мехлис проявляли в проведении репрессий особое рве-

ние, личную инициативу, не пытаясь дифференцировать исполнителей не честных "утонченных" врагов и карьеристов. Л. М. Каганович до самой смерти в 1989 году не сомневался в правомерности террора 1937 г. В. М. Молотов на старости лет также допускал, что в ходе выкорчевывания контрреволюционных групп имелись "серьезные ошибки и неправильности", в которых были виноваты "перерожденцы-предатели в органах госбезопасности". Но главные перерожденцы, по его мнению, это оппозиционеры, зашедшие в борьбе против руководства так далеко, что превратились в "группы и банды заговорщиков, поставивших своей целью свержение советской власти". (10)

Такие руководители как А. И. Микоян, М. И. Калинин, Н. А. Вознесенский, М. П. Шверник примирились с условиями своего существования и старательно выполняли все порученные им дела, вплоть до санкционирования арестов своих подчиненных или выступлений на юбилеях НКВД. Некоторые из них предпринимали робкие попытки как-то ограничить размах репрессий, спасти некоторых близких им людей. Так Г. М. Маленков внес определенный вклад в смещение Н. И. Ежова. На январском пленуме ЦК ВКП/б/ 1938 г. и на XVIII съезде партии прозвучало предостережение против огульных репрессий, которое было даже зафиксировано в резолюциях этих инстанций. Но в целом сохранившиеся прагматические силы в обстановке террора были полностью подконтрольны режиму и не оказывали заметного влияния на его политику.

И. В. Сталин и его окружение пошли на снятие Н. И. Ежова и ограничение масштабов репрессий прежде всего потому, что старая партийная гвардия и большевистская интеллигенция как исторические феномены были фактически ликвидированы. Оставшиеся представители старой политической элиты типа Г. И. Петровского, Д. З. Мануильского, Н. К. Крупской были оттеснены на третьестепенные позиции и выполняли функцию олицетворения преемственности поколений, которая на самом деле была насильственно прервана.

Сопротивление сталинизму в застенках НКВД, когда все стало ясным и ничего нельзя было изменить, оказалось под силу немногим. В ряде мемуаров описаны характерные случаи, когда жертвы произвола уже в тюрьмах НКВД продолжали быть убежденными сталинистами, веря, что в отличие от других они просто жертвы трагической и случайной ошибки. (11)

Имел распространение другой вариант поведения, когда большевик шел на ложь и оговор других во имя высших идеалов социализма. Жена известного деятеля И. Н. Смирнова - А. Н. Сафонова вспоминала как ее убеждал дать показания лично Н. И. Ежов. Она писала: "Для нас не было сомнений: на убийство Кирова пошла оппозиция в Ленинграде. Хотели мы этого или нет, но мы чувствовали свою вину. На этом сыграли. Хотите разоружиться до конца? Раскройтесь, признайтесь в своей вине за гибель Кирова. Этого требует единство партии, интересы партии. Докажите делом свое

раскаяние... Так нас ломали." (12)

В то же время надо иметь в виду такое важное обстоятельство, как характер пыток, применявшийся в застенках НКВД с письменного разрешения И.В.Сталина. 2 июня 1937 г. Сталин направил спецтелеграмму секретарям крайкомов партии, в которой предупреждал их о недопустимости ставить в вину работникам УНКВД применение физических мер воздействия, ибо важно правильно применять этот метод. Преступные кадры сталинской охранки применяли такие пытки, которые выходили за пределы человеческого сознания и позволяли получить любые показания любого деятеля. Поэтому не исключено, что желание подписать ложные показания во имя партии было в каких-то случаях способом избежать продолжения изуверских пыток.

Существует теоретикообразное обоснование такого поведения, сделанное Г.Л.Пятаковым - одним из шестерки партийных лидеров, охарактеризованных В.И.Лениным в своем "политическом завещании". В марте 1928 г. Г.Л.Пятаков возглавлял торгпредство в Париже и его посетил бывший редактор "Торгово-промышленной газеты", В.Валентинов, ставший в 1930 г. эмигрантом. В беседе двух деятелей Г.Л.Пятаков развернуто раскрыл сущность психологии большевизма, которая в основном объясняет позицию ряда профессиональных революционеров в процессе репрессий. Он выразил категорическое несогласие с трактовкой ленинских последних статей как "нэповского мировоззрения", так как эти работы якобы "очень неудачны" и написаны "под давлением болезни." Пятаков считал главным в идеях Ленина убеждение о политической воле партии и ее энергичных действиях вопреки объективным условиям как решающем факторе исторического развития.

Сама диктатура пролетариата "есть власть, осуществляющая партией, опирающаяся на насилие и не связанная никакими законами." Пятаков так оправдывал эту систему: "когда мысль держится за насилие, принципиально и психологически свободное, не связанное ни с какими законами, ограничениями, препонами,- тогда область невозможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних..." Поскольку большевизм претворяет в жизнь то, что считается невозможным, то во имя его можно даже, будучи исключенным из партии, пожертвовать своей гордостью и достоинством. И далее он категорично сформулировал: "настоящие большевики-коммунисты - люди особого закала, особой породы, неимеющей себе исторических подобий. Мы ни на кого не похожи,... проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя, и если партия того требует, если для нее это нужно или важно, актом воли мы сумеем в 24 часа выкинуть из мозга идеи, с которыми носились годами." Пятаков объяснил это тем, что личность большевика "не замкнута пределами "я", а расплывается в коллективе, именуемом партией". Согласие с партией, по его мнению, не может выражаться только

внешним проявлением, ибо это двурушничество. Подавляя свои убеждения, большевик обязан в кратчайший срок перестроиться так, чтобы внутренне, всем своим мозгом, всем существом быть согласным с тем или иным решением, постановлением партии. (13)

Дальнейшая судьба Пятакова показательна для этого типа большевиков. Высказанные в 1928 г. мысли он подтвердил в опубликованном в "Правде" 23 декабря 1929 г. статье "За руководство", в которой восхваляя Сталина. Став замнаркомом тяжелой промышленности, он стал главным практиком индустриализации, осуществляя ее в достаточном соответствии с идеями троцкизма, совпавшими в данном аспекте со сталинизмом. В августе 1936 г. он призывал в прессе уничтожить Каменева и Зиновьева, своих бывших соратников, как антисоветскую "падаль". А когда пришел его черед предстать перед Вышинским и Ульрихом, он признал публично все, что было "нужно партии", предложив после процесса собственноручно расстрелять ее врагов, включая своих родственников. Конечно, Г.Л.Пятаков уникален в своей фанатичности, но в то же время его убеждение о примате партии как целостного организма над каждым своим отдельным членом были достаточно типичны для многих представителей старой гвардии. Свершив насильственную революцию, они подчинили себя ее судьбе и отказались от собственного "я", от общечеловеческих ценностей, нравственности и морали.

Социально-психологический тип большевика-интеллигента включал в себя две противоположные черты - абсолютную непримиримость к врагам партии и столь же абсолютную преданность партии, доходящую до самоуничтожения перед ней, подчинения до рабского подданства. Это уникальное сочетание, проявившееся у многих деятелей большевизма стало в конечном счете причиной их гибели. Марксов лозунг - "подвергай все сомнению" для них - якобы марксистов действовал только в одном направлении - против критиков и врагов партии, но не по отношению к собственной революции. Они могли сомневаться в генсеке, между собой критиковать его просчеты и личные качества, но партия оставалась фетишем, непогрешимой инстанцией, высшей ценностью, превосходящей реальные интересы и потребности страны и народа.

Тотальные репрессии кардинально изменили правящую партию по ее составу и по характеру. За период с 1933 г. по 1936 гг. в ходе чисток и начала первых репрессий кадров было исключено 1013889 человек или 44,5%, затем восстановлено ошибочно заключенных (по меркам того времени) - 167502 или 16,5%. Убыль партийцев составила 37,1%.

В партии рабочих по социальному положению стало 62,8%, а по роду занятий - 20,7%. Служащих по положению - 25:5%, а по роду занятий - 50,5%. Половина членов переродившейся партии сидела за письменным столом. Высшее образование имело только 18,8% или 364 тыс. человек.

Членов партии с партстажем до 1917 г. было всего 0,5% или 6701, с

1917 г. - 1.3%, вступивших в 1918-1920 гг. - 9.1%. Зато сталинских кадров, вступивших в партию в 1928-1930 гг. было 26.6%, а вступивших после 1930 г. - 37.3%! Партийная иерархия партии включала 164 секретарей обкомов, завотделов 383, секретарей окружкомов - 62, первых секретарей райкомов и горкомов - 3274 и т. д. Всего насчитывалось более 5000 учетных должностей. (14)

Это была новая организация, принципиально отличающаяся от той партии, которая пришла к власти в 1917 г.

Из имевшихся к началу репрессий 2,8 млн. членов и кандидатов партии было арестовано по меньшей мере 1 млн. и две трети из этого числа расстреляно. Старая большевистская гвардия была уничтожена практически полностью. К 1940 г. из ближайшего окружения В. И. Ленина в живых остался один Сталин. В составе партии осталось 25% тех, кто вступил в нее до 1929 г., а коммунистов с дореволюционным партийным стажем только 3% (по данным Ю. В. Дербинова - 0,3%). (15)

Можно согласиться с Роем Медведевым в том, что происходившие в 30-х гг. массовые репрессии против старой большевистской элиты - представляли собой своеобразный политический г е н о ц и д. Это было массовое уничтожение людей по признаку их прошлой политической активности в рядах правящей партии под руководством досталинских вождей. Ликвидировалось целое поколение кадров, способных к нонконформистскому мышлению, критическому отношению к вышедшим из их среды сталинцам. Ликвидировались не только большевики-антисталинцы, бывшие оппозиционеры и инакомыслящие, но в целом вся генерация старой большевистской элиты, сформировавшейся в первые годы после Октября.

В результате террора сталинизма страна лишилась не просто части своего населения - популяции руководящих кадров. Была оборвана преемственность революционного движения, прервана великая российская традиция стремиться к вечному обновлению, духовному раскрепощению, познанию смысла бытия и переоценке действительности. Исчезли "вечные революционеры" - идеалисты и утописты, остались карьеристы и прагматики, эксплуатировавшие сложившиеся квазисоциалистические формы бытия бывшей Российской империи, ставшей Советским Союзом. Партия была оскоплена и оказалась неспособной породить длительное время реальные альтернативы сталинизму, выйти на новый уровень осмысления актуальных проблем.

Таким образом, смысл репрессий заключался в уничтожении инакомыслящих интеллигентов "врагов партии" и в ликвидации социальной базы для антисталинского сопротивления, потенциальной духовной оппозиции, наконец, в ликвидации перерожденцев-карьеристов, погрязших в роскоши и привилегиях. Главным итогом репрессий было радикальное обновление политической элиты за счет ликвидации старой партийной интеллигенции. Большевистская политическая элита была в целом сменена сталинской олигархией, функционировавшей на принципиально иных принципах. В основе

новой общности находилось две подсистемы - преданности вождю и страх перед ним. Репрессии поставили точку в процессе перерождения большевистской политической элиты, включая партийную интеллигенцию, осуществлявшийся в течении 20-30-х гг. Капитуляция большинства деятелей партии перед ежово-бериевскими палачами, их отказ от решительной борьбы со сталинизмом и даже отдельные непоследовательные попытки сопротивления отдельных кадров партии массовым репрессиям свидетельствовали о том, что "стальная когорта" революционеров в целом не поняла какого монстра создала своими руками.

Их гибель - это морально-политическое поражение творцов Октября, не удержавшихся на достигнутых высотах, закосневших в своих привилегиях, оторвавшихся от трудящихся масс и тем самым обрекших себя на трагическую гибель.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. РЦХИДНИ. Ф. 89. С... 5. Д. 16. Л. 6.
2. Михайлов Н., Наумов В. Сколько делегатов XYII съезда партии голосовало против Сталина? К истории голосования при выборах центральных органов партии на XYII съезде ВКП/б/. Известия ЦК КПСС 1989, N 7. С. 114-121.; Яковлев А. О декабрьской трагедии 1934 г. //Правда, 1991, 28 января.
3. Хлевнюк О. 1937 год: противодействие репрессиям //Коммунист, 1990. N 18. С. 100.
4. Известия ЦК КПСС. 1989.
5. Штернберг И. З. Нравственный лик революции.
6. Коммунист. 1991. N 13. С. 59.
7. Вопросы истории. 1992. N 2-3. С. 3-45; N 3-4. С. 2-37.
8. Они не молчали. М., 1991. С. 221.
9. Осмыслить культ Сталина. М., 1991 С.
10. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 429.
11. Серебрякова Г. Смерч. М., 1989.; Боль и память. М., 1993.
12. Молодой коммунист. 1989. N 3. С. 74.
13. Валентинов В. Разговор с Пятаковым в Париже //Страницы истории. Дайджест прессы 1989 г. Л., 1990. С. 82-83.
14. РЦХИДНИ Ф. 17. Оп. 7. Д. 234 Л. Л. 1, 2, 7, 14, 18.
15. А. А. Евлахов. Кризис КПСС: истоки и уроки. М., 1991. С. 25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование большевистской политической элиты произошло в дореволюционный период, который является предэтапом ее функционирования. В это время она находилась, в основном на нелегальном положении и фактически представляла подпольную контрэлиту, готовившуюся к свержению вооруженным путем господствующих классов вместе с их элитами. Однако ее сторонники и противники не признавали элитарность большевистских руководителей.

Первоначальное различение ядра партии на рабочих -"передовиков" и партийцев - выходцев из среды разночинной, дворянской и буржуазной интеллигенции сменилось в 10-х гг. расслоением на эмигрантов и большевиков - комитетчиков, работающих на нелегальных основаниях в России и усвоивших подпольную психологию, нетерпимость, фанатизм, идолопоклонческое отношение к партии, специфическое отношение к интеллигенции.

Период Октябрьской революции и гражданской войны составили 1 этап развития оформившейся властной замкнутой группы - "старой партийной гвардии". Резкое усиление радикально-якобинского крыла партии и ослабление умеренно-демократической тенденции, начало формирования региональных элит, радикализация мировоззрения членов элит и милитаризация их сознания определяют содержание этапа.

1921-1928 гг. составили 2-й этап функционирования элиты, ее господства. Для него характерны расцвет и институализация старой партийной гвардии как номенклатуры ЦК, утверждение в общепартийном строительстве иерархической структуры, бюрократизация и дифференциация центральной и региональных элит, образование и разгром троцкистской внутрипартийной"субэлиты" антисталинского характера.

1929-1939 гг. - 3 этап эволюции и трансформации большевистской политической элиты, отчужденной от трудящихся масс, расколотой на группировки - субэлиты,пытавшейся сопротивляться, но в итоге подчинившейся авторитарно-бюрократическому режиму и погибшей большей частью в ходе террористических репрессий.

Выявлены характерные черты элиты: во-первых, приоритет идеологических ценностей; во-вторых, условия нелегальной и эмигрантской деятельности сформировали большевистскую верхушку как замкнутое ядро профессиональных революционеров, нацеленное на постоянную борьбу за власть, укрепление внутрипартийного единства на основе централизма; в-третьих, вседозволенность после перехода к власти усилила этический и правовой нигилизм элиты, утилитаризм в отношении науки и искусства, игнорирование самоценности человеческой личности; в-четвертых,несмотря на бюрократизацию и раскол, старая партийная гвардия сохраняла в части своих членов духовный аскетизм, жертвенность, рационалистический утопизм, партийное товарищество и стремление к борьбе за коллективность руководства, внутриэлитную демократию и ликвидацию режима личной

власти Сталина.

Осмысление черт и особенностей властно-бюрократической группы советского общества 20-30-х гг. позволило сформулировать дифиницию этого специфического явления. Большевистская политическая элита - конкретно-историческая, относительно самостоятельная, внутренне неоднородная общность профессиональных партийных деятелей, объединенных марксистскими мировоззренческими ценностями, традициями и опытом революционной и гражданской борьбы, властными монопольными полномочиями, привилегированным положением в политической системе диктатуры большевизма и приверженностью к устоявшимся нормам внутриэлитной демократии.

Реализация дифференцированного подхода к анализу большевистской политической элиты, позволило выделить в ее составе в эвристическом исследовательском плане три условных группы: а) "партийная интеллигенция", признаками которой были политическое творчество, критическое мышление, способность к активному инакомыслию вплоть до оппозиционного сопротивления, относительная гибкость в понимании господствующей идеологии, достаточно высокий культурный и образовательный уровень, высоко интеллектуальный характер профессиональной деятельности, способность к самоограничению и жертвенности,пассивность в служебно-карьерной самореализации, стремление к поиску новых вариантов развития общества, определенная преемственность с ментальностью революционно- демократической интеллигенции;

"Партаппаратная бюрократия", для которой было характерно отсутствие возможностей для инициативы и инакомыслия по отношению к господствующей идеологии, стремление к абсолютному исполнению предначертаний высших инстанций, добросовестность, доходящая до фанатизма, догматизма, дисциплинированность, преданность режиму, ориентация на личную карьеру, властолюбие, своекорыстие, способность к закулисным политическим манипуляциям, устойчивый антиинтеллигентский синдром, подозрительность, претензии на познание абсолютной истины,отсутствие каких-либо нравственных ограничителей и достаточного уровня культуры, мещанство.

"Партэлитная технократия" - промежуточное, аморфное, превосходящее в количественном отношении основные противостоящие группы "центристское" образование" включавшее в себя кадры, близкие по своим качествам к большевикам-интеллигентам, но не проявившие активного инакомыслия и сопротивления произволу сталинизма. Для них характерно политическое эпигонство, конформизм, двойное сознание, абсолютизация организационной деятельности и технократических решений, отказ от самостоятельной политической инициативы и тяготение к бюрократическому полюсу элиты при симпатиях к интеллигенции.

В вертикальном иерархическом срезе большевистская политическая элита включала в себя правящую клику во главе с генсеком ЦК ВКП(б); верхний эшелон власти (объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) - "больше-

вистский парламент", включавший в себя ряд субэлит, в том числе оппозиционного характера); региональные элиты, возглавляемые и контролируемые членами высшего руководства.

Внутрипартийная борьба представляла собой в основном и главным образом противоборство в рамках большевистской элиты, в ходе которого осуществлялось формирование оппозиционной субэлиты антисталинского характера в целях смены кадрового корпуса сталинского руководства.

Деятельность партийной интеллигенции в лице оппозиционно и технократически настроенных лидеров функционеров носила противоречивый, неоднозначный характер, что выражалось в том, что, с одной стороны, обеспечивалось реальное руководство образованием, наукой, культурой, печатью, отражая влияние ментальности революционно-демократической интеллигенции, с другой стороны, - интеллигенция объективно внесла определенный и весомый вклад в формирование института партгосноменклатуры, в укрепление авторитарно-бюрократического режима, в развитие антиинтеллигентского синдрома большевизма, в распространение репрессивной политики на интеллигенцию, крестьянство, казачество.

Предлагается объяснение смысла и содержания массовых репрессий против партийных кадров как террора против прежде всего партийной оппозиционной интеллигенции -как основы возможной антисталинской контрэлиты, технократической части элиты - как потенциальных инакомыслящих критиков режима. Автор утверждает, что масштаб репрессий отражает существование широкой реальной и потенциальной духовной оппозиции сталинизму в 30-х гг.

Утверждается, что победа сталинизма над здоровыми силами не была фатально предопределена, но по мере раскола большевистской интеллигенции и ее внутренней инволюции возможности внутреннего сопротивления режиму сокращались и к середине 30-х гг. были ликвидированы. Политическое, теоретическое и морально-нравственное перерождение большевистской элиты было в целом закономерным итогом насильственного свершения революции и осуществления социалистического эксперимента в неготовой к нему стране. Незрелость условий обусловила отсутствие полноценной смены старой элиты и репрессивный способ ее обновления и ротаций, уничтожение партийной интеллигенции. В результате большевистская элита стала превращаться в классоводобную страту, сравнявшуюся во многих отношениях с общим уровнем наименее культурной и компетентной своей части - партийной бюрократии маргинального происхождения.

Представители большевистской интеллигенции реально проводили умеренную политику в решении ряда социально-экономических вопросов (казачья проблема, хозяйственное развитие Сибири), препятствуя распространению военно-коммунистических компонентов. Анализ социально-экономической платформы СНК РСФСР С. И. Сырцова, А. П. Смирнова, Н. Б. Эйсмонта, В. Н. Толмачева и др. привел к пониманию, что это был либерально-технократический вариант большевистской генеральной линии на индустриализацию и коллективизацию, который в случае реализации сопровождался бы, вероятно, меньшим количеством жертв. Это не была альтернатива в буквальном смысле слова, но она давала возможность поиска оптимальных путей развития вне репрессий и террора, позволяла частично реализовать демократический потенциал Октябрьской революции. Наличие этой тенденции, обозначенной нами как "вариант Сырцова", опровергает в определенной степени распространившиеся в последнее время утверждение об абсолютной бесперспективности большевистских преобразований, о роковой неизбежности формирования сталинской тоталитарной системы.

На основе анализа взаимоотношений большевистской политической элиты и интеллигенции выявлен характер и содержание самосознания элиты в целом и интеллигентской ее части как старой партийной гвардии пролетарских революционеров - "духовной аристократии" рабочего класса. Несмотря на внутренни разногласия, противоречия, симпатии большевиков-интеллигентов к старым специалистам, такое самосоаnание объективно поставило элиту над трудящимися массами, противопоставило ее старой интеллигенции и отделило в целом от общества. Партийная интеллигенция не смогла решительно выступить против репрессирования старой интеллигенции в силу своей принадлежности к политической элите, объективно заинтересованной в укреплении своего монопольного положения во властных структурах. Старая интеллигенция представляла опасность для большевистского режима как основа для формирования контрбольшевистской духовной элиты общества с потенциальной тенденцией превращения в политическую контрэлиту.

Использованный в работе просопографический метод позволил изучить политическую биографию С. И. Сырцова как типичного видного представителя большевистской политической элиты, занимавшего в основном технократические позиции, но примкнувшего на непродолжительное время к оппозиционной интеллигентской части элиты. Исследование конкретной деятельности С. И. Сырцова позволило опредметить понятия "противоречивость", "неоднородность" большевизма, показать позитивные и негативные моменты его личного руководства, учетно-распределительной агитацией и пропагандой, культурным, партийным, хозяйственным, кооперативным строительством. Деятельность С. И. Сырцова стала воплощением особого вида политического творчества большевика интеллигента в рамках официального политического курса.

СОДЕРЖАНИЕ

Подписано к печати 6.03.95. Формат 60х90 1/16 Офсетная печать.
Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 6,6.
Тираж 500 экз.

Издательство НМЦ "Логос",
344006, г. Ростов-на-Дону, Большая Садовая, 107.